

Ruthless

PROMISE

M. JAMES

В любви и на войне все справедливо.

Проблема в том, что я не хочу участвовать ни в том, ни в другом. Я хочу мира с Братвой. Безопасности для моей жены. А любовь? Это никогда не играло роли ни в чем из этого.

Но чем сильнее я борюсь с этим, тем больше она втягивает меня, и теперь я знаю, что она хранит секрет. Тот, который может навсегда изменить наше будущее.

Я дал Софии обещание.

Они все скоро узнают, каким безжалостным человеком я могу быть.

Перевод осуществлён TG каналом themeofbooks — t.me/themeofbooks

Переводчик_Sinelnikova

ОТ АВТОРА

«Безжалостное обещание» последняя часть в трилогии «Темные обещания», которая не является самостоятельной историей. Эта книга содержит изображения насилия и сексуальные темы, которые могут подойти не всем читателям. Пожалуйста, читайте с осторожностью.

СОФИЯ

Моя первая мысль, когда я просыпаюсь, заключается в том, что у меня такое чувство, будто моя голова раскалывается на части. Следующее, что я ощущаю, это то, что здесь ужасно холодно. Я медленно моргаю, мои глаза кажутся липкими и склеенными, а во рту сухо, как будто его набили ватой. Боль пронизывает каждый дюйм моего тела, и когда я двигаюсь, еще один разряд раскалывает мою голову, заставляя меня вскрикнуть. Именно тогда я понимаю, что у меня во рту кляп, толстый комок ткани, засунутый внутрь и закрепленный вокруг моей головы. Я пытаюсь выплюнуть это, но мое горло сжимается, а желудок сводит от тошноты. Нет. Нет, нет, нет, меня не может стошнить, я не могу... одной мысли о том, что меня вырвет прямо сейчас, когда нет возможности выплюнуть это, достаточно, чтобы меня еще больше затошнило.

— Она просыпается. — Голос с другого конца комнаты заставляет меня повернуть голову в сторону, заставляя открыть глаза, несмотря на боль, рикошетом отдающуюся в моем черепе. Медленно комната становится видна, и я вижу троих мужчин, загораживающих мне обзор остальной части комнаты, одетых в черные брюки и футболки, на ногах армейские ботинки. Без сомнения, это те самые люди, которые похитили меня в церкви, но я не понимаю, почему их акцент звучит по-итальянски. Я не могу придумать ни одной причины, по которой кто-то из итальянской мафии захотел бы похитить меня, если только...

— Действие этого наркотика закончилось чертовски быстро. Сколько ты ей дал?

— Она много извивалась. Мне было достаточно трудно нанести это ей на лицо...

Я не слышу, что еще говорит мужчина, который ответил, потому что у меня кружится голова, пульс так громко стучит в ушах, что заглушает все остальное. Я знаю этот голос. Я слишком хорошо помню, как он звучал в больнице, когда он говорил мне, что ему следовало просто убить меня, прямо перед тем, как он сорвал с моей шеи ожерелье моей матери.

Витто Росси.

Я снова пытаюсь выплюнуть кляп, мечась по кровати, пытаюсь сесть, отодвинуться. Но мои руки связаны, привязаны надо мной к изголовью кровати, и я испытываю внезапный приступ тошнотворного страха, когда меня отбрасывает назад, к пробуждению в гостиничном номере с русскими, к лицу этого грубого мужчины, склонившегося надо мной, когда он схватил меня за подбородок...

— Ну, теперь она определено, блядь, проснулась, — рычит Росси, и мужчины расходятся, давая мне возможность мельком увидеть его впервые с тех пор, как я проснулась.

Он в инвалидном кресле и выглядит неважно. Его лицо пепельно-серое, лишенное здорового цвета. Похоже, за время пребывания в больнице оно обвисло, в результате чего у него появились щеки, которых раньше у него не было, что делает его еще более отвратительным из-за серовато-черной щетины, покрывающей подбородок. Это не тот мужчина, который танцевал со мной на моей свадьбе с Лукой. Тогда он был сильным и жизнерадостным мужчиной, почти красивым, если бы не немного лишнего веса, который он носил с собой. Мне было бы почти жаль его, видя, как все это высасывается из-за его травм, если бы он не был настроен убить меня, конечно.

Я не понимаю. Я не знаю, почему я так важна для всех, почему я продолжаю находиться, привязанной к кровати в незнакомых комнатах с мужчинами, намеренными причинить мне боль, надругаться надо мной, продать меня, или убить меня.

Я почти слышу голос Луки у себя в ухе, говорящий мне, что мне следовало остаться дома. Что мне следовало прислушаться к нему, если бы я не покинула пентхаус и не побежала в собор, то сейчас была бы в безопасности, запертая в позолоченной клетке, которую подарил мне Лука, окруженная лучшей охраной, какую только можно купить за деньги. Я бы не была в этой комнате, отчаянно пытаюсь не блевать и не захлебываться собственной рвотой.

В то же время я отчаянно задаюсь вопросом, почему бывший дон мафии похитил меня.

Неужели он действительно так сильно хочет моей смерти? Я пытаюсь хорошенько разглядеть других мужчин в комнате, запомнить их лица, но я никого из них не узнаю. Они кажутся смутно знакомыми вероятно, они были на моей свадьбе и свадьбе Катерины, просто лица в толпе, несколько солдат Росси и Луки. Мужчины, которые, по-видимому, все еще верны Росси, а не моему мужу.

Росси подкатывает ко мне свое кресло, и я чувствую, как сквозь шок начинает пробираться страх, ледящий мою кровь. Не имеет значения, смогу ли я опознать людей, помогающих ему, потому что я ни за что не выберусь из этого живой. Росси не зашел бы так далеко только для того, чтобы позволить мне вернуться к Луке. Даже если бы я поклялась никогда не говорить ни слова, он бы мне не поверил, и я все равно ни за что не смогла бы скрыть это от Луки. Он бы выжал это из меня так или иначе.

Я поняла, что, когда мой муж чего-то хочет, ему невозможно отказать.

При других обстоятельствах, даже после того, что произошло прошлой ночью, эта

мысль могла бы вызвать во мне дрожь вожделения. Но сейчас я слишком охвачена страхом не только за себя, но и за своего ребенка.

Ребенок. При этой мысли мне снова становится дурно. Ужасная ирония судьбы в том, что именно то, что должно было спасти моего ребенка... бегство за помощью к отцу Донахью, привело меня сюда. Я даже не могу попытаться использовать свою беременность, чтобы спасти свою жизнь, из-за контракта, который Лука заставил меня подписать. Условие, которое он так и не объяснил, и я никогда не заставляла его объяснять, потому что мы никогда не должны были спать вместе. Об этом я больше никогда не заговаривала, потому что он пользовался презервативом в нашу брачную ночь, и мы не должны были делать этого снова. И затем...

Мы сделали это снова. И еще раз. И еще раз. Я не уверена, сколько раз Лука трахал меня без презерватива. Тем не менее, я точно знаю, что мы ни разу не воспользовались презервативом за всю ночь после того, как он прилетел домой из Доминиканской Республики и трахал меня снова и снова, пока мы оба не были слишком измучены, чтобы двигаться. И я уверена, что именно в ту ночь я забеременела. Какова бы ни была причина этого условия в контракте, я бы поставила все деньги, которые у меня есть, которые, по общему признанию, равны нулю, к которым у меня сейчас есть доступ, что Росси имеет к этому какое-то отношение. Так что, если я скажу ему, что беременна, это не спасет мою жизнь.

Это просто даст ему еще больше поводов убить меня.

Я плачу, когда он приближается ко мне, звук приглушен кляпом, и я ненавижу себя за это. Он слышит это, я вижу улыбку, которая расплывается по его лицу, когда он подходит к краю кровати, по-настоящему ненавистную.

— Маленькая София Ферретти, — напевает он, протягивая руку, чтобы провести ею по моей руке. Его ладонь липкая, и я пытаюсь вывернуться, но мои руки крепко связаны, и я вообще не могу ими пошевелить. Он проводит рукой вниз по моей щеке, на мгновение обхватывая мое лицо ладонью, и больше всего на свете мне хочется укусить его. Вместо этого я просто отворачиваю лицо в сторону, сердито прищуривая на него глаза.

— О, я вижу, что Лука был прав. Ты маленькая вспыльчивая девчонка. Но ты мало что можешь сделать связанная и с кляпом во рту, не так ли? — Он бросает взгляд на одного из мужчин, стоящих в изножье кровати, смуглого, невысокого мужчину с густой, коротко подстриженной бородой и темными глазами, которые кажутся мне бездушными. — Держу пари, Рикардо понравилось бы попробовать тебя на вкус. Он любит, когда его женщины связаны. Видишь ли, ему легче делать то, что он предпочитает самому. Всякий раз, когда у меня появляется женщина, которую нужно помучить, я позволяю Рикардо оказать мне эту честь. Понимаешь, ему это так нравится, и, я думаю, что это хорошая награда для того, кто так предан. Ты так не думаешь?

Росси гладит меня по волосам, которые вспотели и прилипли к шее, несмотря на холод. Я отдергиваю голову, и он смеется.

— Ты должна сотрудничать со мной, София. Я могу сделать твою смерть легкой или тяжелой. Лука когда-нибудь рассказывал тебе, почему я заставляю его быть тем, кто пытается чаще, чем другие, когда нам нужна информация? — Он ехидно улыбается. — О, ты не можешь ответить, не так ли? Что ж, я предполагаю, что он этого не сделал. Видишь ли, Луке не нравятся пытки. О да, твой жестокий муж, которого ты так боишься, на самом деле довольно привередлив, когда дело доходит до того, чтобы запачкать руки. Не любит делать

это без крайней необходимости. Но это означает, что он гораздо более точен в этом вопросе. Сразу переходит к делу. Но я... — он вдыхает, словно наслаждаясь сладким ароматом. — Я люблю крики, кровь, боль. Мне нравится видеть, как люди ломаются, в тот момент, когда они понимают, что больше не могут этого выносить и что они собираются рассказать мне все. В тот момент, когда они понимают, что вся боль, которую они перенесли, была напрасной, потому что можно было избавиться от нее, если бы они просто заговорили сразу. Боже, это чертовски вкусно.

Я вздрагиваю, снова чувствуя тошноту. В своей жизни я ненавидела не так уж много людей. Я ненавидела безымянных, безликих убийц моего отца. С тех пор как я его узнала, мне иногда казалось, что я ненавижу Луку, хотя я также часто задавалась вопросом, не было ли это просто моей борьбой с желанием, которое я, казалось, не могла остановить. Но я не думаю, что когда-либо кого-либо ненавидела так сильно, как я ненавижу Росси в этот момент. Все в нем, от его толстой потной руки, скользкой по моему горлу, до его холодных темных глаз и звука его голоса, злорадствующего по поводу боли, которую он причинил стольким другим людям, вызывает у меня тошноту, я сгораю от гнева, несмотря на холод, который, кажется, просачивается в мое сердце и кости.

— Продолжай, — говорит Росси, кивая Рикардо. — Срежь с нее одежду.

Я ни за что, черт возьми, не облегчу им задачу. В ту минуту, когда Рикардо тянется к моей ноге в кроссовке, я изо всех сил прижимаюсь к кровати, заезжая ногой прямо ему в лицо. Я получаю не слишком сильный удар, но этого достаточно, чтобы немного оттолкнуть его, он испуганно вскрикивает, когда подносит руку к кровоточащей губе. Он попытается заставить меня пожалеть об этом, я это знаю. Но я не могу. Что бы они со мной ни сделали дальше, по крайней мере, я пустила первую кровь.

По крайней мере, я пыталась сопротивляться.

Я снова мечусь по кровати, пытаюсь сделать все, что в моих силах, чтобы высвободить руки из пут, но у меня ничего не получается. Такое ощущение, что они становятся туже. Во всяком случае, кровообращение постепенно прекращается, так как мои руки немеют. Один из других мужчин хватает меня за левую ногу, в то время как Рикардо стаскивает кроссовку с моей правой ноги, и сжимает мою ступню, проводя большим пальцем вверх и вниз по ее подушечке.

— Мне нравятся твои ножки, Бамбина, — говорит он с усиливающимся акцентом. — Может быть, я отрежу ноготь или два, чтобы отплатить тебе за разбитую губу, а потом попрошу тебя потереть ими мой член, пока я не стану приятным и твердым для тебя.

Я смотрю на него в ужасе. Как кто-то вообще может представить себе что-то настолько ужасное? Порочность этого человека шокирует меня, и у меня такое чувство, что дальше будет только хуже. Было бы легко снять с меня джинсы. Мои ноги не связаны. Но дело не в легкости. Речь идет о том, чтобы запугать и унижить меня.

— Не ерзай, детка, — говорит Рикардо, приподнимаясь на кровати, чтобы оседлать мои бедра, острие его ножа просовывается под пуговицу моих джинсов. — Я не хочу случайно порезать твою прелестную кожу. — Он улыбается, обнажая слишком белые зубы. — Я хочу насладиться каждым кусочком, который я от тебя нарезаю.

Блядь. Если он продолжит в том же духе, меня вырвет. Я снова пытаюсь выплюнуть кляп, но это невозможно. Мои глаза слезятся, когда я пытаюсь не двигаться, каждый мускул и нерв в моем теле кричит о том, чтобы бороться, биться изо всех сил, попытаться оторвать его от себя. Мне требуется все, что у меня есть, чтобы отрицать этот инстинкт, но нож,

который он держит, выглядит длинным и острым, поблескивая в верхнем освещении комнаты. Последнее, чего я хочу, это чтобы мне случайно вспороли кишки, потому что этот мужчина получает от этого удовольствие, снимая с меня джинсы.

Рикардо опускает нож вниз, разрезая тонкую ткань моих дизайнерских джинсов. Я крепко зажмуриваю глаза, когда нож скользит по внутренней стороне моего бедра, говоря себе, что не буду думать о Луке. Я не буду думать о том, как он опустился на колени между моих ног в нашу брачную ночь, разрезая мягкую плоть там ножом, похожим на тот, что держит Рикардо, позволяя мне на мгновение истекать кровью на простыню, прежде чем перевязать ее. Я не хочу думать о руке Луки на моей ноге или о том, как всего несколько минут назад он был внутри меня, целуя меня так, словно никогда не хотел останавливаться, поскольку потерял контроль. Я не хочу думать ни о чем из этого, в то время как другой мужчина скользит рукой по моей ноге, похотливо глядя на меня сверху вниз, и отбрасывает мои порванные джинсы в сторону.

Рикардо выглядит разочарованным, когда видит мои черные хлопчатобумажные трусики-бикини, подцепляя пальцем край талии.

— Столько денег, и это то, что ты выбираешь? Я надеюсь, что киска под ними красивее, чем обертка.

— Пока оставь на ней нижнее белье, — приказывает Росси. — Срежь с нее рубашку.

— Да, сэр, — говорит Рикардо, но я слышу разочарование в его голосе. Он сжимает внутреннюю поверхность моего бедра, и я чувствую, как подушечка его пальца обводит шрам, оставшийся после моей брачной ночи. — Ой? Что это такое? Не первый мужчина, который всадил нож тебе между бедер? Какая маленькая шлюшка. — Он прижимает нож к моему левому бедру, тыча острием в кожу до тех пор, пока у меня не начинают слезиться глаза. — Может быть, я подарю тебе один прямо здесь, в тон.

— Рубашка, Рикардо. — В голосе Росси звучит предвкушение, от которого мне снова становится дурно. Он достаточно взрослый, чтобы годиться мне в отцы и даже больше, но здесь у него текут слюнки, когда он смотрит, как его головорез раздевает меня. Я свирепо смотрю на него, пытаюсь вложить в свои глаза каждую унцию ненависти и отвращения, которые я испытываю к нему, в то время как Рикардо проводит кончиком своего ножа по моей груди, вдавливая лезвие в вырез моей тонкой футболки.

Он немного надрезает снизу, а затем хватается рубашку одной рукой, разрывая ее посередине так, чтобы мой черный лифчик был виден всем в комнате. Я кричу из-за кляпа, звук приглушенный, изо всех сил стараюсь не дать пролиться слезам, жгущим мои глаза. *Не думай о Луке*, — говорю я себе. Он тоже сорвал с меня рубашку, частично раздел догола против моей воли, но ничего подобного не было. Даже его жестокость была соблазнительной и чувственной, наполненной похотью таким образом, что возбуждала меня вопреки моей воле, взывала к чему-то глубокому и темному внутри меня, чего я никогда не осознавала до него.

Это совсем не похоже на то. Рикардо, ухмыляющийся мне сверху вниз, когда срезает оставшуюся часть моей рубашки, находится на расстоянии многих световых лет от Луки во всех отношениях. Больше всего на свете я хотела бы, чтобы у меня во рту не было этого дурацкого кляпа, чтобы я могла плюнуть в его ухмыляющуюся физиономию.

— Ладно, на данный момент этого достаточно, — произносит Росси нараспев. Он наклоняется ко мне с холодной улыбкой на лице. — Итак, София, ты веришь, что я говорю серьезно? Он хмурится. — О, ты все еще не можешь говорить. Если я попрошу кого-нибудь

из моих людей вынуть кляп, ты пообещаешь не кричать?

Я киваю, полностью намереваясь заорать во все горло, как только вытащат кляп изо рта. В конце концов, что они собираются сделать, убить меня? Они очень мало что могут сделать со мной из того, что, я думаю, они уже не запланировали. Вероятно, будут пытки, почти наверняка изнасилование, определенно смерть. Они могли бы сделать все еще хуже, но, честно говоря, я не уверена, что все может стать намного хуже. Болезненное предвкушение того, что они собираются сделать, быстро становится худшим. Если бы они просто поторопились и сделали это, это было бы лучше, чем эта бесконечная игра.

— Лео, вытащи у нее кляп.

Мужчина, который подходит ко мне, высокий и худощавый, по-молодому красивый, и мне интересно, что есть в Росси такого, что заставляет его соглашаться на это. Не похоже, чтобы ему это особенно нравилось, когда он расстегивает ремень, удерживающий кляп у меня во рту, старательно отводя взгляд от моего полуобнаженного тела. Я беру его на заметку, если кто-то и сломается в какой-то момент и поможет мне выпутаться из этого, то это будет он. Но на самом деле он не похож на героя. Если бы это было так, его бы здесь вообще не было. По правде говоря, я не думаю, что будет какое-то драматическое спасение. Я думаю, что я по-настоящему в беде.

В ту секунду, когда мокрая масса ткани вынимается у меня изо рта, я делаю прямо противоположное тому, на что согласилась. У меня пересохло во рту, но я делаю самый глубокий вдох, на какой только способна. Собрав все силы, которые у меня есть, я кричу так громко, что, если поблизости кто-то есть, я не знаю, как они могут меня не услышать.

— Помогите! Помогите мне, пожалуйста, пожалуйста, помогите мне! Помогите, помогите, он...

Удар приходит из ниоткуда, качая мою голову в сторону, когда боль разливается по щеке и по всей голове, моя челюсть сжимается и прикусывает язык. Я чувствую вкус крови, на глаза наворачиваются слезы, но у меня нет шанса прийти в себя, прежде чем тот же удар обрушивается на противоположную сторону моего лица, заставляя мою голову откинуться в другую сторону.

Я чувствую, как по моей губе стекает кровь. Меня никогда раньше не били, и боль поразительная. Я не могу говорить. Такое чувство, что я не могу дышать, от шока из меня выбило воздух, и моя голова склоняется к Росси, мои глаза немного расфокусированы, когда я смотрю на него.

— Лука упоминал, что ты маленькая лгунья, — небрежно говорит Росси. — Я подумал, что он, возможно, преувеличивал ну, знаешь, супружеские ссоры и все такое. Но ты действительно лживая маленькая сучка, не так ли? — Он бросает взгляд на Рикардо. — Тебе не нравятся женщины, которые лгут, не так ли?

— Нет. С тех пор, как моя старушка бросила меня и засунула член моего брата себе в задницу. — Рикардо проводит пальцем по лезвию своего ножа, его глаза сверкают, глядя на меня. — Мне нравится разделять лживых пёзд. Меня действительно заводит, когда я слышу, как они молят о пощаде.

Его тон непринужденный, как будто они с Росси обсуждают погоду или где бы им пообедать. Я чувствую, что вот-вот расплачусь, и изо всех сил стараюсь сдержаться. Если мне суждено умереть, то последнее, чего я хочу, это умереть, плача, как ребенок, умоляя их остановиться. Что бы они со мной ни сделали, я сделаю все возможное, чтобы вынести это и умереть, проклиная их, а не умоляя.

Прости, думаю я про себя, когда Рикардо улыбается мне, а Росси откидывается на спинку стула, явно готовясь задавать мне дальнейшие вопросы. Мне жаль, малыш. Мне жаль, что я не смогла защитить тебя.

Я пыталась.

Я действительно пыталась.

ЛУКА

Я все еще нахожусь в своем офисе, когда раздается сигнал тревоги, сообщающий мне, что Софии больше нет в квартире. Тот дорогой бриллиантовый браслет, который я подарил ей, был потому, что я хотел сделать для нее что-то приятное. В момент, который, как я полагаю, был проявлением слабости, мне захотелось подарить ей что-нибудь красивое. Но это был и практичный подарок.

В одну из маргариток встроен трекер, подключенный к моему телефону, чтобы предупредить меня, если она покинет пентхаус. Проблема в том, что я просто так получилось, что отошел от своего телефона в тот момент, когда он зазвонил. К тому времени, когда я возвращаюсь к своему столу и вижу предупреждение на экране, маленькая точка на карте, обозначающая Софию, находится в соборе Святого Патрика.

— Блядь! — Я выкрикиваю это слово в пустую комнату, хватаю свой телефон и направляюсь напрямиком к двери, отправляя сообщение своему водителю, чтобы он встретил меня у обочины, пока я спешу к лифту. Если его там не будет к тому времени, когда я выйду на улицу, я возьму такси, а я никогда в жизни не брал такси.

Но я не собираюсь терять ни секунды, добираясь до Софии.

Какого хрена она покинула пентхаус? Я внутренне бушую, моя кровь закипает все сильнее с каждым моим шагом. Почему она, блядь, не может просто следовать инструкциям хоть раз в своей гребаной жизни? Я до смерти устал от попыток сохранить ей жизнь, от того, что она борется со мной на каждом шагу, сводя меня с ума своими аргументами и бунтарством, и от этого гребаного тела, от одной мысли о котором у меня встает.

Я не могу придумать ни одной причины, по которой она могла бы пойти в собор, но я уверен, что у нее есть одна, глупая, конечно, но причина. И мне чертовски не хочется об этом думать, мрачно думаю я. Если мне нужно угадать, я бы сказал, что она сбежала из-за того, что я сделал прошлой ночью, из-за того, как я трахнул ее, все еще в крови на моей рубашке, и использовал ее как любовницу, на самом деле даже не так. Шлюху, как шлюху. Я никогда не платил за секс, но, полагаю, примерно так все и происходит. Я трахал ее так, словно она ничего для меня не значит, и это должно было достичь одной цели, заставить ее поверить, что она ничего не значит, чтобы она была достаточно напугана, чтобы слушать меня и выполнять приказы. Но, очевидно, это имело неприятные последствия и сделало ее достаточно безрассудной, чтобы вместо этого сбежать. Что, черт возьми, мне с ней делать? Я хочу ударить кого-нибудь, не ее, конечно, я бы никогда не поднял на нее руку каким-либо иным способом, кроме сексуального, но, может быть, кого-нибудь из охранников, кто был слишком занят, подливая себе кофе или дроча свой член, чтобы заметить, что моя гребаная жена убегает. Я собираюсь уволить их всех до единого, сердито думаю я, когда в поле зрения

появляется церковь. А еще лучше, я точно выясню, кто был на дежурстве, когда София спускалась в ебучем лифте. Я позабочусь о том, чтобы он больше никогда ничего не увидел, поскольку ясно, что его глаза ему ни к чему.

Когда я выхожу из машины, дождь все еще идет, скатываясь по жестким простыням, которые оставили лужи у обочины, забрызгивая мои лодыжки, пропитывая подол брюк. Я едва замечаю, как поднимаюсь по ступенькам к дверям церкви. Мой пульс учащается в предчувствии опасности, когда я вижу, что дверь приоткрыта, а тусклый свет изнутри льется на ступеньки. Моя рука автоматически тянется к пистолету за спиной, держа его перед собой, когда я вхожу в неф и медленно иду по главному проходу.

Сначала мне кажется, что там пусто, но потом я вижу сгорбленную фигуру в передней части скамей. Кровь на полу, гротескно забрызгавшая белый пол и окрасившая край дорожки для прохода в грязно-коричневый цвет.

— Отец Донахью? — Я выкрикиваю его имя, осторожно спускаясь вниз, мой пистолет все еще наготове, и я оглядываюсь в поисках кого-нибудь еще, кто, возможно, все еще задержался. — Что здесь произошло?

Священник медленно поворачивается, и я вижу глубокую рану у него на затылке, из которой все еще сочится кровь. На лбу и переносице у него багровый кровоподтек, который медленно расползается. К завтрашнему дню у него будет по крайней мере один синяк под глазом.

— Кто-то проник в церковь, — тихо говорит отец Донахью, и я слышу стыд в его голосе. Он медленно встает, делая осторожные шаги в мою сторону.

— Не нужно вставать отец. У тебя такой вид, будто ты можешь упасть в любую секунду. Кто проник в церковь?

— Я не знаю, — признается священник. — Я не видел и не слышал их, пока они не ударили меня. Удар по затылку, как ты можешь видеть. — Его пальцы осторожно прикасаются к затылку, не осмеливаясь подняться выше, к ране.

— Тебе нужно поехать в больницу. — Я прищуриваюсь, глядя на него. — Я знаю, что София была здесь. Так скажи мне правду, отец. Где она?

— Я не знаю, — говорит отец Донахью, быстро заговаривая, когда видит выражение моего лица. — Это правда, Лука, клянусь Пресвятой Богородицей. Когда я очнулся, Софии уже не было. Кто бы ни вломился, они, должно быть, забрали ее. — Он внимательно смотрит на меня. — Как ты думаешь, это Братва?

— Откуда, черт возьми, мне знать? — Я огрызаюсь. — Они вообще не разговаривали? Ты ничего не видел и не слышал?

— Нет.

— Братва наиболее вероятные виновники. — Я вытираю рот одной рукой, убирая пистолет в кобуру, и направляюсь к священнику. — Ну, поскольку ты ничего не можешь сказать мне о том, кто похитил мою жену, может быть, ты расскажешь мне что-нибудь еще, отец. — Я делаю угрожающий шаг к нему, чувствуя, как во мне снова закипает ярость, горячая и немедленная. — Почему София приходила к тебе?

— Ты знаешь, что я не могу сказать тебе этого, Лука. — Отец Донахью поднимает руки, качает головой и делает шаг назад. — Печать исповедальни...

— Мне наплевать на исповедь. — Мои губы сжимаются, превращаясь в плотную линию, а рука так и чешется достать пистолет. Но даже я бы не стал стрелять в священника. У меня нет особой надежды на рай, но я бы предпочел, чтобы в моем конкретном круге ада было не

слишком тепло.

Тем не менее, искушение существует.

— Лука, я не могу тебе сказать. Я не буду. — Твердо говорит священник. — Ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится, но я серьезно отношусь к своим клятвам и святости этого места, в котором ты находишься. Эта церковь, святилище, и София пришла ко мне именно за этим. Я не нарушу эту уверенность.

— Убежище от кого именно?

Отец Донахью бросает на меня печальный взгляд, и я вижу разочарование, написанное на его лице. Разочарование во мне. Честно говоря, это ранит сильнее, чем следовало бы. Есть определенная низость, которой ты должен достичь, чтобы разочаровать священника, который побрызгал тебе водой на лоб, пока ты вопил достаточно громко, чтобы заполнить всю церковь, который положил тебе на язык облатку для первого причастия, услышал, как ты произнес имя своего святого, принял твою первую исповедь. Священник, который слышал, как ты бормотал о своих подростковых недостатках с другой стороны экрана, признаваясь в сиськах, которые ты ласкал, и в тех, которые ты не ласкал, но хотел, в конфетах, которые ты украл, хотя тебе это было не нужно, и во лжи, которую ты сказал своим родителям. Эти признания всегда приходилось вытягивать из меня. Даже в детстве я был Лукой Романо, которого воспитывали, чтобы он кем-то стал. Воспитанный, чтобы быть богатым, могущественным, чтобы ему никогда не говорили "нет".

По правде говоря, я думаю, что человек, стоящий передо мной, единственный, кто когда-либо это делал, и единственный, кому это могло сойти с рук. Но это только еще больше выводит меня из себя.

— Мужчина, от которого сбежала София, это не тот мужчина, которым являешься ты, Лука. — Отец Донахью опускается на скамью, его руки слегка дрожат из-за травм. — Я верю в это. И я сказал ей то же самое. Но она пришла ко мне за помощью, и я обещал ее отцу...

— Ее отец выжал из-за нее кучу гребаных обещаний, — рычу я. — Я бы хотел знать, кем был Джованни Ферретти, и как он заставлял всех выполнять его гребаные приказы. Даже меня. Я пытался обезопасить Софию. Я женился на ней, я переспал с ней, я дал ей кров и свою защиту. Я спас ее от Витто, рискуя собой. И все же она все равно убежала от меня.

— И почему же, Лука? — Лицо отца Донахью бесстрастно, и еще один приступ ярости пробегает по мне, заставляя покраснеть.

— Я дам тебе еще один шанс, отец...

Затем мой телефон подает звуковой сигнал, предупреждая меня о том, что он снова поймал сигнал в браслете Софии. Мой пульс подскакивает к горлу, когда я приближаю мигающую точку, движущуюся по карте, и моя кровь снова стынет в жилах, когда я понимаю, куда ведет эта дорога. Я знаю этот маршрут. Я уже занимался этим раньше. В конце этой дороги есть конспиративная квартира, которую я охранял в прошлом, доставлял туда грузы, и угрожал там людям.

Это одна из конспиративных квартир Росси.

Росси похитил Софию.

Мой пульс гулко отдается в ушах, и я чувствую, как кровь приливает к моему лицу, окрашивая меня в красный цвет, когда я сжимаю кулак.

— Спасибо за все, отец, — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. — Тебе, наверное,

следует обратиться в больницу из-за этой травмы. — Я замолкаю, свирепо глядя на него. — И этой.

Я сильно бью священника одним хорошо поставленным замахом, мой кулак попадает ему в челюсть и отбрасывает его назад. Он пытается сесть, но я бью его еще раз, достаточно сильно, чтобы вырубить его, и он без сознания падает на пол. Я встряхиваю рукой, морщась от боли, отдающей в костяшках пальцев. Мне не следовало этого делать, я знаю это, но я просто ничего не мог с собой поделаться. Это было слишком приятно. И, кроме того, я позволю кому-нибудь, чтобы отвезли его в больницу, когда буду уходить. Прямо перед тем, как я пойду за своей женой.

И убью каждого, кто осмелился подумать, что сможет отнять ее у меня.

СОФИЯ

— Я не собираюсь позволять тебе разрушить все, что я построил.

Голос Росси прорезается сквозь туман боли. Я моргаю, глядя на него, желая задать свои собственные вопросы, но не могу выдавить их из своего хриплого, изорванного горла. Я перестала кричать, как мне кажется, несколько часов назад, когда поняла, что меня никто не слышит.

Никто не придет, чтобы спасти меня.

Никто никогда и не собирался.

Пытка, которую придумал для меня Росси, намного хуже, чем я себе представляла. Я представляла, как он вырывает мне зубы один за другим, срывает ногти, обжигает подошвы моих ног. Такие вещи можно увидеть в гангстерских фильмах. Вместо этого Росси сделал нечто гораздо худшее.

Он велел Рикардо ввести мне какой-то наркотик, что-то такое, от чего мои вены словно горят изнутри. Это затуманило мой мозг, моя кожа кажется опухшей и чувствительной, так что каждое прикосновение причиняет боль. Я чувствую себя так, словно парю на облаке в аду, и могу только представить, что дальше будет только хуже.

Росси задавал мне всевозможные вопросы, на которые у меня нет ответов. Он спросил меня о бизнесе Луки с русскими, о его планах, о том, о чем он говорил с Виктором. О том, собирается ли он воевать с ними или нет. Единственное, что я могла ему сказать, так это то, что в последний раз, когда я видела Луку, он был весь в чужой крови. Это, казалось, понравилось Росси, и он велел Рикардо перестать прикасаться ко мне на минуту. С тех пор как наркотик подействовал, руки Рикардо были на мне каждую секунду, пробегая по моим рукам, груди, животу и бедрам, ничего хуже, пока нет. Я даже представить себе не могу, насколько это ужасно, потому что каждый раз, когда Рикардо прикасается к моей коже, мне кажется, что он гладит сырую плоть. Я никогда не чувствовала ничего столь ужасного, как это, и это еще даже не закончилось. Я не на грани того, чтобы молить о смерти, не совсем, но каждый раз, когда я думаю об этом, в моей голове мелькает одна и та же мысль.

Мой малыш.

Мысль о том, что препарат, который они мне вкололи, может повлиять на ребенка, заставляет мои глаза наполняться слезами, слезами, которые заставляют Рикардо хихикать, а

Росси улыбаться. Лео, молодой человек, который вытаскил у меня кляп, кажется, старается не смотреть на то, что они со мной делают. Двое других мужчин, чьих имен я не слышала или, может быть, слышала, но просто не могу вспомнить из-за тумана боли, наблюдают, но не участвуют. Очевидно, что Рикардо главный мучитель Росси во всем этом.

— Лекарство, которое мы тебе даем, в конце концов убьет тебя, София, — продолжает Росси. — Я не хотел говорить тебе об этом до сих пор, потому что надеялся, что ты дашь нам больше информации. И если ты знаешь, что умрешь, что ж, честно говоря, сейчас у тебя не так много стимулов, не так ли? Но, может быть, я смогу убедить тебя поделиться другими способами.

Он бросает взгляд на Рикардо, который многозначительно потирает переднюю часть своих брюк. Я вижу, что с ним происходит, он получает от этого удовольствие, и от этого мне становится дурно. Я чувствую привкус желчи в задней части горла. Я чувствую, как мой желудок сжимается, струйка рвоты вытекает у меня изо рта, чтобы присоединиться к остальной жидкости на подбородке и щеках, предыдущей рвоте, крови и слюне, все смешалось вместе.

Может быть, я даже рада, что Лука здесь не видит меня такой. Я не знаю, почему меня это волнует, но это так. Я не хочу, чтобы его последним воспоминанием было то, как я полуголая лежу на кровати, содрогаясь от боли и покрытая собственными телесными выделениями. Но опять же, каким на самом деле будет его последнее воспоминание обо мне?

Я на его кровати, съеживаюсь от него, пока он кончает мне на лицо, его сердитые глаза смотрят на меня сверху вниз даже в разгар наслаждения. Вряд ли это романтический способ оставить все как есть. Но это был его выбор, а не мой. Очень немногое в наших отношениях когда-либо было моим выбором. Но, по крайней мере, на какое-то время мне показалось, что там что-то есть.

Я думаю, это ранит больше всего. Как же я была неправа насчет Луки. О нас. Обо всем.

— Срежь с нее остальную одежду, — холодно приказывает Росси, и я крепко зажмуриваюсь, чувствуя, как из уголков глаз сочатся слезы. Я просто хочу, чтобы это закончилось. Я сдерживаю рыдание, когда чувствую, как холодное лезвие Рикардо срезает мои трусики, и слова вырываются наружу, которые я так старалась сдерживать все это время.

— Пожалуйста, просто убей меня. Пожалуйста, я просто хочу, чтобы это прекратилось. Убей меня...

Росси смеется, но в этом нет ничего смешного.

— Ах, вот оно что. Я должен признать, ты продержалась дольше, чем я думал. Но еще не время, принцесса.

— Что? — Моя голова склоняется к нему, и я на мгновение отвлекаюсь. — Я не...

— Конечно, ты такая. — Глаза Росси равнодушно скользят по моему обнаженному телу, пока Рикардо разрезает мой лифчик, его руки скользят по моим соскам, когда он снимает чашечки. Такое чувство, будто в мою кожу вонзаются горячие иглы, и я кричу, хотя в данный момент это всего лишь хныканье. — Принцесса Луки. Виктора, если бы Лука не спас тебя. — Он наклоняется ближе. — Принцесса братвы. Принцесса мафии. Они все хотят тебя. Лука, потому что в глубине души, спасая тебя, он чувствует себя лучше, чем есть на самом деле. Виктор, потому что... ну, это не имеет значения. — Он улыбается мне. — Скажи мне, София, какую сделку Лука планировал заключить с Виктором?

— Я же говорила тебе, — всхлипываю я. — Я не знаю.

— Значит, он никогда ничего тебе не рассказывал? — Теперь голос Рикардо прорезается сквозь туман, его пальцы скользят вверх по внутренней стороне моего бедра. — Ты хочешь сказать, что эта сладкая киска никогда не заставляла его раскрывать какие-либо секреты? Теперь я в это не верю.

— Расскажи нам, София, — говорит Росси, теперь его голос становится мрачнее. — Я так долго держал Рикардо подальше от тебя, но я не буду долго держать его на поводке, если ты не заговоришь. Ты умрешь так или иначе, но ты можешь умереть так, как сейчас, или дергаясь на конце члена Рикардо. Представь, какую сильную боль ты испытываешь сейчас, но приумноженную. Особенно, когда я позволяю другим тоже приставать к тебе. — Его голос скользит по мне, и я вспоминаю, как голос Луки окутывал меня, когда он соблазнял меня, как дым, как шелк, как первый глоток дорогого насыщенного вина. Что-то, что заставляет тебе чувствовать себя легкой, кружащей голову, немного пьяной. Однако это совсем не так. Это скользит по мне, как чешуя змеи, обвиваясь вокруг меня, удушая страхом. Я думала, что хуже уже быть не может, но Росси прав, он мог бы сделать все намного хуже. Я не хочу вот так умереть, изнасилованная приспешниками Росси.

Я вообще не хочу умирать.

И самое худшее во всем этом то, что я не знаю, что сказать. Даже если бы я была готова выдать секреты Луки, чтобы облегчить свою боль, рассказать Росси все, я буквально не могу. Лука никогда не рассказывал мне ничего о своих делах с Виктором или с кем-либо еще, что имеет значение, вероятно, именно по этой причине, чтобы, если его враги когда-нибудь доберутся до меня, я не смогла бы ничего рассказать. Я уверена, он и представить себе не мог, что этим врагом окажется его бывший босс, человек, на которого он смотрел как на отца. Хуже того, эта попытка держать меня в неведении ради моей собственной безопасности теперь просто гарантирует, что мой конец будет настолько ужасным, насколько это вообще возможно.

— Я не знаю, — беспомощно шепчу я. — Я ничего не знаю.

Это правда. Но я знаю без тени сомнения, что сейчас меня ничто не спасет.

Я чувствую укол иглы в руку, когда Рикардо вводит мне в вены еще дозу препарата, и мое сердце замирает. Вот и все, тупо думаю я, у меня кружится голова. Они будут поддерживать во мне жизнь достаточно долго, чтобы позабавиться надо мной, а потом позволят мне умереть. У меня такое чувство, будто моя кровь закипает. Мою кожу лихорадит, она зудит, покалывает от тысячи крошечных муравьиных укусов. Я закрываю глаза, пытаюсь подняться над волнами боли, пытаюсь заблокировать все это, пытаюсь...

Мне кажется, я слышу звуки снаружи, шуршание шин по гравии, хлопанье дверцы, крик, который я узнаю. Но все это сон. Должно быть, это последняя цепкая попытка моего разума притвориться, что все, что происходит сейчас, не так. Что я выберусь из этого живой.

Просто сдайся.

— Черт возьми, мы дали ей слишком много. Чувак, дай мне войти туда, пока она не умерла... — голос Рикардо, хриплый от похоти и вызывающий у меня желание подавиться.

— Просто сделай это в любом случае. Пока ее тело теплое, кого это волнует? — Другой голос, одного из мужчин, чьих имен я не помню.

А потом снова этот крик, этот голос, который кажется таким знакомым. Я хочу вытащить себя из глубин, откликнуться на это, но я не могу. Я тону, и я благодарна за это. По крайней мере, сейчас я умру.

Пока не случилось чего-нибудь похуже.

Мне жаль. Мне так жаль.

ЛУКА

НАДЕЮСЬ, Я НЕ СЛИШКОМ ОПОЗДАЛ.

Поездка на конспиративную квартиру была мучительной. В ту минуту, когда я увидел адрес, по которому остановился трекер, я, не теряя времени, вернулся к себе домой и, взяв самую быструю машину, которая у меня есть, поехал прямо к мигающей точке, обозначающей мою жену.

Я не доверяю никому другому, кто мог бы доставить меня сюда, и уж точно не в одной из представительных машин, которые возят меня по городу. Сейчас блестящий черный "Мазерати", машина, на которой я бы отправился в увеселительную поездку, но в этой поездке нет ничего приятного, мчась по автостраде со скоростью, которая должна насторожить каждого полицейского в районе Манхэттена. К счастью, в моем зеркале заднего вида не видно никаких огней. Если бы это было так, ни один полицейский, который хотел сохранить свою работу или когда-либо снова работать где бы то ни было, не стал бы утруждать себя чтением мне нотаций, как только проверил мои номера и увидел, кому принадлежит машина. Но у меня нет на это времени.

Я знаю Росси, и, если София действительно у него, а не у кого-то изгой или какого-то русского, обнаружившего конспиративную квартиру, он не собирается тратить время впустую. Прямо сейчас ей причиняют боль, если она еще не мертва, и каждая клеточка моего тела кричит о том, что кто бы это ни был, Росси или кто-то еще, он умрет с криками. Верность заходит так далеко.

Никто не притрагивается к тому, что принадлежит мне.

Все становится сложнее, как только я добираться до извилистых дорог, которые ведут глубоко в леса на севере штата, где находится конспиративная квартира. Здесь темно, а повороты резкие и крутые. Я стараюсь соблюдать некоторую осторожность, в конце концов, я не смогу спасти Софию, если оберну "Мазерати" вокруг дерева, но это почти невозможно. Я слышу, как мой пульс гулко отдается в ушах, все мое тело охвачено почти первобытной потребностью добраться до нее. Видения всего, что я когда-либо делал другим, проплывают у меня перед глазами, теперь их заменяет София с ее криками, ее кровью, ее болью.

Это что, какая-то дурацкая кармическая шутка? Своего рода наказание за все, что я причинил другим? Именно поэтому я не хотел связываться с ней, и ни с кем другим. Я сжимаю руль так сильно, что у меня белеют костяшки пальцев. Я знал, что в какой-то момент это произойдет. Если бы я встречался с кем-то, влюбился или женился, кто-нибудь взял бы этого человека и использовал его против меня. Причинил ему боль, чтобы добраться до меня. Я просто не ожидал, что это будет мужчина, которого я когда-то считал самым близким человеком, который у меня остался, как отец.

Я, черт возьми, не собираюсь позволять ему выйти сухими из воды.

Конечно, возможно, что это не он. Но в глубине души я знаю правду. Росси не был готов передать бразды правления в мои руки. Он хотел сделать это по-своему, в свое время. Он, конечно, не хотел быть отодвинутым на второй план, в то время как я улаживал конфликт с

Виктором способом, который он не одобряет. Он думал, что сможет продолжать править через меня, и когда я решил настоять на своем и использовать свою новую власть...

Я хочу верить, что Росси никогда бы этого не сделал. Но я слишком много видел из того, что он готов сделать, чтобы действительно так думать.

Шины шуршат гравием, когда я подъезжаю к конспиративной квартире, не утруждая себя маскировкой своего прибытия. Я не собираюсь пробираться тайком. Росси должен знать, что я приду за ней, и, несомненно, у него под контролем все входы. Я вхожу через парадную дверь и вхожу с оружием в руках.

Я направляюсь к двери, гравий хрустит под моими кожаными ботинками, когда я вытаскиваю два P30L, которые захватил с собой, рукоятки слишком удобно ложатся в мои ладони. Мне редко приходилось стрелять в других людей, чаще всего они умирали от рук наших солдат, когда я заканчивал их допрашивать. Но я провел достаточно времени на стрельбище, готовясь к такому дню, как этот, чтобы мои руки обхватили пистолеты, как старых друзей.

Я слышу звук изнутри, прерывистый слабый крик, и моя кровь вскипает. Я вижу красное, когда пинком распахиваю дверь, ударяя по ней ногой с такой силой, что края разлетаются вдребезги, когда она распахивается, открывая внутренности конспиративной квартиры.

— Где ты, черт возьми, прячешься? — Кричу я, и мой голос эхом разносится по главной комнате. Я снова слышу шум, на этот раз более тихое хныканье, и звуки разговора, доносящиеся из одной из задних спален. Не раздумывая ни секунды, я шагаю по коридору, стиснув зубы, в поисках комнаты, в которой находится моя жена.

Когда я пинком открываю эту дверь, мои худшие опасения подтверждаются. И зрелище, открывшееся передо мной, более ужасное, чем я себе представлял.

София привязана к кровати, совершенно голая, ее лицо в синяках и распухло. Хотя я не вижу и намека на травму, кроме крови, вытекающей из-за побоев, которые она явно получила, она корчится на кровати, как будто испытывает мучительную боль, ее разбитые и распухшие губы приоткрыты, когда она плачет. Я видел это десятки раз, когда горло болит слишком сильно, чтобы кричать, оно слишком разбито и опухло, но человек, который кричит, все еще думает, что он кричит, хотя на самом деле он всего лишь мяукает, как котенок.

Видеть ее такой, знать, до чего они ее довели, толкает меня за грань безумия.

Росси стоит у кровати в своем инвалидном кресле, и он резко оборачивается, его лицо слегка бледнеет, когда он видит меня. Значит, он не пытался заманить меня сюда. Я узнаю Рикардо, члена пыточной команды Росси, которого я всегда презирал и планировал избавиться, как только разберусь с Братвой. У меня было время переоценить мужчин, которыми я хотел бы себя окружить. Остальные для меня просто безликие солдаты, состоявшиеся люди, у которых, без сомнения, есть свои причины последовать за Росси в это безумие. Они меня не волнуют. Они, конечно, умрут, но мне насрать, почему они здесь и каковы их доводы. Меня волнует, почему, черт возьми, Росси решил похитить и пытаться мою жену. И я хочу знать, прежде чем закопаю его в землю.

— Лучше бы тебе не позволять этой мрази насиловать ее, — рычу я, входя в комнату с одним P30L, направленным на Рикардо, а другим на Росси. — Если он хотя бы прикоснулся к ней...

— О, я, черт возьми, дотронулся до нее. — Рикардо подносит руку к носу и драматично

шмыгает носом. — Киска твоей жены чертовски сладкая, Принц мафии.

Я даже не думаю о том, что делать дальше. Я просто реагирую. Крики Рикардо наполняют комнату, когда первая пуля попадает прямо ему в колено.

— Кто-нибудь еще хочет сказать что-нибудь умное? — Я оглядываю комнату. Лицо блондина побледнело, и он выглядит так, словно его тошнит. Двое других тоже выглядят немного бледными, и они качают головами.

— Мы просто выполняли приказы дона... — начинает говорить один из них, и я стреляю снова, его крики присоединяются к крикам Рикардо, когда мой выстрел попадает ему прямо в плечо.

— Я гребаный дон, — рычу я, мой голос похож на низкое рычание. — Ты отвечаешь передо мной. И я обещаю вам, вы ответите за это своими жизнями.

— Ты чертов слабак, вот кто ты есть, — выплевывает Росси. — Мне следовало убить Софию с самого начала и никогда не давать тебе возможности жениться на ней. Я думал, что, позволив тебе выполнить обещание Марко, ты сможешь тешить свои фантазии о том, что ты из тех мужчин, которые спасают девушек в беде, пока я разбираюсь с российской угрозой. Я не ожидал, что буду вынужден вручить тебе титул так скоро. Или чтобы ты забыл все гребаные вещи, которым я тебя когда-либо учил.

— Ты не учил меня пытаться и насиловать женщин.

— Не волнуйся, Рикардо засунул в нее не больше своих пальцев. Пока что.

Дрожь ярости охватывает меня, мое зрение темнеет по краям, когда я твердо держу пистолет, направленный ему в лицо.

— Ты заставил его сделать это, Витто. Не думай, что я забыл, как ты приказал мне лишиться ее девственности в нашу первую брачную ночь, так или иначе. К счастью, она согласилась. Но ты бы приказали убить меня за то, что я отказался принуждать свою жену.

— Она твоя жена. — Росси небрежно машет рукой. — Она принадлежит тебе.

— Именно так. — Я стискиваю зубы. — Поэтому, я забираю ее отсюда и возвращаюсь домой.

— Нет. Я не позволю ей разрушить эту семью и все, что я построил. София должна была умереть много лет назад вместе со своей матерью-шлюхой. Я должен был убить Джованни и эту русскую сучку еще до того, как у него появился шанс завести с ней ребенка. Я не сожалею о его смерти, Лука. Я сожалею только о том, что твой отец погиб, мстя за него. Марко был хорошим человеком, слишком хорошим, чтобы умереть за такого предателя, как Джованни Ферретти.

Моя следующая пуля попадает в голову блондина. Я слышу, как он падает, и София издает визг от боли или ужаса, я не знаю. Когда я смотрю на нее, я вижу, что ее глаза выглядят остекленевшими, как будто она на самом деле не видит меня. Я даже не уверен, что она знает, что я здесь, прямо сейчас.

— У меня еще много чего осталось, — мрачно говорю я. — Так что же это будет, Витто? Должен ли я оставить в живых оставшихся в живых твоих людей и тебя, и забрать свою жену домой? Или ты собираешься продолжать рассказывать мне, как София представляет угрозу для крупнейшего преступного синдиката в мире? Ты не можешь сказать мне, что одна женщина может все это разрушить.

— Нет, не все это. Но если Виктор доберется до нее...

— Он этого не сделает, — рычу я. — Виктор Андреев никогда не прикоснется к моей жене.

— Ты не можешь этого гарантировать. Особенно с этим дерьмовым миром, на котором ты настаиваешь. — Росси качает головой с выражением отвращения на лице. — Ты слаб, Лука. Мне не следовало давать тебе этот титул. Франко был бы лучшим выбором.

— Да ладно, босс, девчонка умрет раньше, чем я до нее доберусь, если принц продолжит болтать...

Тело Рикардо издает самый приятный звук, когда падает на пол.

— Я могу заниматься этим весь день. — Я спокойно смотрю на него, сдерживая поток ярости, который вызывает у меня желание убить всех в этой комнате медленно, так медленно, как я только умею. — Что произойдет, если я позволю тебе уйти отсюда, Витто?

Я вижу, как он обдумывает свой ответ. Конечно, он знает, что зашел со мной слишком далеко, что пути назад нет. Наконец, глубоко вздохнув, он говорит мне правду.

— Я не остановлюсь, пока она не умрет, и все до последней собаки Братвы не будут стерты с лица этой земли.

— Именно так я и думал. — Я поднимаю пистолет и слышу позади себя еще два щелчка. — Не беспокойтесь, — говорю я, не оборачиваясь. — Ваш босс будет мертв прежде, чем вы успеете нажать на курок, а мои люди разорвут вас на куски за то, что вы убили меня. Это того не стоит. По крайней мере, я подарю вам быструю смерть.

Я слышу топот их ног, когда они устремляются к задней двери. Я быстро поворачиваюсь и стреляю им обоим в затылок. Они падают лицом вниз, и я слышу, как охранники сзади пытаются спастись бегством, без сомнения, уже точно зная, кто их нашел. Возможно, они и были готовы поддержать Росси против всех незваных гостей, но не меня. За мной стоит сила всей остальной организации... и преданные своему делу люди, которые не позволят им избежать правосудия. Их лучший выбор... получить фору. И у меня заканчивается время. Я не знаю, что они сделали с Софией, но ей нужно попасть в больницу. И быстрее.

— Мне жаль, Витто. — Я поворачиваюсь к нему и вижу, как бледнеет лицо старика, когда он наконец понимает, что никто не собирается спасать его, что никто не собирается противостоять мне, предпочесть его мне перед лицом смерти. — Ты был мне как отец после того, как умер мой собственный. Ты научил меня многому, что я всегда буду использовать, и другим вещам, которые, я надеюсь, однажды смогу забыть. Но ты зашел слишком далеко. — Я прижимаю дуло пистолета к его лбу, и, хотя мой пульс учащается, моя рука тверда.

Никто не подвергает сомнению мое решение. Но это не облегчает задачу.

Рука Росси сжимает что-то в кулаке.

— Хорошо, — хрипит он, вызываясь глядя на меня снизу вверх. — Убей меня. Но спроси Виктора, когда увидишь его. Спроси его, зачем ему нужна София.

Я смотрю сверху вниз на мужчину, которого, как мне когда-то казалось, я любил как отца, и ничего не чувствую. Только ярость, превращающаяся из горячей в холодную в моих венах, мир сужается вокруг меня, когда я нажимаю на спусковой крючок.

— Мне, блядь, все равно.

Выстрел звенит у меня в ушах. Росси падает вперед, и когда его тело расслабляется, переходя в состояние смерти, его рука разжимается, позволяя мне увидеть, что он там держал: это ожерелье в виде креста, украшенное такими крошечными бриллиантами, что я их почти не вижу. Ожерелье Софии. То самое, которое она всегда носила и которое подарила ей мать. Я удивился, почему его не было на ней. Теперь я знаю. Росси украл его у нее в какой-то момент, одному богу известно, когда.

Я чувствую, как кровь снова начинает течь по моим венам, когда опускаю пистолет,

засовываю его в кобуру под курткой за спиной, и поворачиваюсь к кровати, чтобы схватить ее. Она холодная на ощупь, ее дыхание поверхностное и медленное, и она перестала так сильно извиваться, хотя все еще дергается, как будто от боли. Я оборачиваю одеяло, на котором она лежит, вокруг ее тела, разрезаю путы на ее руках и поднимаю ее на руки. Она кажется легкой, как перышко, и у меня сжимается грудь, когда я смотрю вниз на ее покрытое синяками лицо, кровь и другие жидкости, запекшиеся на губах и подбородке.

— Прости, — шепчу я, баюкая ее в своих объятиях.

Это моя вина. Если бы я был холоднее, жестче, безжалостнее с ней. Если бы я заставил ее бояться меня вместо того, чтобы заставить ее полюбить меня. Если бы я не устраивал ей свидания на крышах и не доставлял бесконечного удовольствия в постели. Возможно, она была бы слишком напугана, чтобы когда-либо выходить из дома. Мне следовало запереть ее в ее комнате. Выбросить ключ. Построить для нее золотую клетку. Все, что угодно, лишь бы удержать ее внутри, подальше от мужчин, которые могли бы использовать ее, чтобы причинить мне боль.

Ты никогда, никогда больше не сможешь никому дать повода поверить, что тебе она так важна. Достаточно того, что ее можно использовать как оружие против тебя сейчас.

Даже ей.

Мои мысли мечутся, пока я несую ее из конспиративной квартиры к ожидающей машине. Ее опухшие глаза открываются на мгновение, достаточно надолго, чтобы встретиться с моими, и на секунду мне кажется, что она может узнать меня. Ее губы начинают складываться в слово, но она не может вымолвить ни слова.

— Тсс. Ты скоро будешь в больнице, София. — Я укладываю ее на заднее сиденье, стараясь не толкнуть. Тем не менее, ясно, что каждое прикосновение и движение причиняют ей боль. — Я никогда и никому больше не позволю причинить тебе вред, любовь моя. — Я не касаюсь ее щеки, мои пальцы парят над ее лицом, и я позволяю себе произнести эти слова всего один раз. В конце концов, она их не запомнит. Если ей повезет, ее разум заблокирует столько событий сегодняшнего вечера, сколько сможет.

— Любовь моя. Моя принцесса. Моя королева. — Я стискиваю зубы, глядя на то, как она лежит там. — Все, кто сделал это с тобой, мертвы. И каждый, кто когда-либо подумает о том, чтобы причинить тебе вред, умрет. Я обещаю, София. Я буду оберегать тебя ото всех.

Даже от себя.

Я сажусь на водительское сиденье, готовясь к поездке в больницу. Когда София проснется в следующий раз, это будет муж, которого она помнит с первых дней нашего знакомства. Тот, кто холоден и черств, человек, которого нужно бояться, король, перед которым нужно преклоняться, но не тот, кого нужно любить. Это единственный способ, который я могу придумать, чтобы обезопасить ее. Я буду избегать ее наедине, и, если я когда-нибудь смогу вывести ее на публику, не опасаясь нападения, я буду холоден с ней. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедиться, что никто никогда больше не подумает, что похищение Софии Романо, это способ добраться до меня.

Это единственный способ, который я могу придумать, чтобы обезопасить ее. Даже если это разрывает меня на части.

СОФИЯ

Все после этой последней инъекции как в тумане. Мне кажется, я то приходила в себя, то теряла сознание, хотя ясно помню, что человек, который вошел в комнату, застрелил Лео, того, кто пытался быть добрым ко мне. Я помню, как вскрикнула при этом, желая, чтобы ему не пришлось умирать.

Интересно, все ли они мертвы? Интересно, мертв ли Росси?

Такое чувство, будто кто-то несет меня, завернутую в одеяло, которое словно сдирает с меня плоть, но я слишком слаба, чтобы кричать или бороться. Я чувствую запах кожи автомобильных сидений, слышу голос, бормочущий надо мной, когда меня укладывают обратно на прохладную поверхность.

Моя любовь. Моя принцесса. Моя королева.

Я буду оберегать тебя ото всех.

Моя любовь.

Это звучит как голос Луки. Но этого не может быть. Лука бы такого не сказал. Он не любит меня, а если и любит, то так, как мог бы любить особенно красивое произведение искусства. Что-то, что принадлежит ему. Что-то, что он купил и чем может распоряжаться по своему усмотрению. Он не любит меня как женщину. Как жену. Он доказал это в ту последнюю ночь, когда я его видела.

Мир снова исчезает, превращаясь в огненное месиво, мое тело сгорает изнутри. У меня ужасные видения рук на мне, рук, которых я не хочу, моего ребенка, превращающегося в пепел в прыгающем пламени, когда я пытаюсь схватить его, все время крича, пока эти руки тащат меня назад. Мне кажется, что я плыву, потом тону, и когда я наконец погружаюсь в беспмятство, я не могу не надеяться, что это и есть та смерть, которую обещал мне Росси.

Я больше не могу выносить эту боль.

В следующий раз, когда я открываю глаза, я вижу яркий флуоресцентный свет над головой. Я все еще чувствую себя так, словно парю, но на этот раз я в какой-то эйфории. Боли больше нет. Все это смыто, и мое тело чувствует легкость. Отсутствие этой боли само по себе является своего рода удовольствием, и я пытаюсь протянуть руку, чтобы дотронуться до своего живота, задаваясь вопросом, там ли еще мой ребенок. Выжил ли он? Но я не могу пошевелиться. Мои руки не двигаются, я снова связана, и я чувствую, как бьюсь, сопротивляюсь, мне хочется кричать.

Слышны голоса. Я чувствую руки, укол иглой, но на этот раз он не причиняет боли. Просто больше покоя. Сна. Больше отдыха. Неужели я мертва? Неужели это рай?

Но я не умерла. Я осознаю это, когда просыпаюсь снова, на этот раз с большей ясностью. Все еще есть флуоресцентные лампы и ощущение эйфорической безболезненности. Когда я открываю глаза, какими бы сухими и липкими они ни были, я медленно начинаю осознавать окружающее.

Я нахожусь в больничной палате, подключенная к аппаратам, и мои запястья

прикреплены к краю кровати мягкими манжетами. Раздается непрерывный звуковой сигнал, и я облизываю губы, отчаянно желая глотнуть воды. Я уже собираюсь дотянуться до кнопки вызова медсестры, когда дверь открывается, и входит невысокая темноволосая женщина в мятом медицинском халате, у нее слегка подведены глаза.

— Миссис. Романо. Я рада, что вы проснулись. — В ее голосе слышится ощутимое облегчение, и мне интересно, что произошло с тех пор, как я потеряла сознание в конспиративной квартире, что заставляет ее смотреть на меня с этой странной смесью сочувствия и беспокойства. — Позвольте мне просто развязать ваши запястья.

— Почему они вообще связаны? — Хриплю я. — Можно мне немного воды, пожалуйста?

— Конечно. — Медсестра расстегивает наручники, и я освобождаю запястья, растирая их, хотя сами наручники не натирают их. Они были мягкими и с хорошей подкладкой, но моя кожа все еще чувствуется раздраженной из-за веревок, которыми Росси и его люди связали меня. — Вот, пожалуйста, миссис Романо. Она протягивает мне чашку, и первое прикосновение прохладной воды к моим потрескавшимся губам ощущается лучше, чем самый лучший секс, который у меня когда-либо был.

Ну, может быть, не так уж и хорошо. Но почти.

Мне приходится заставлять себя не проглатывать ее слишком быстро. У меня пересохло в горле, и я хочу проглотить все это сразу, но вместо этого я пью медленными, размеренными глотками, которые кажутся пыткой, даже теперь, когда я знаю, что такое пытка на самом деле. Воспоминание об огне в моих венах заставляет меня содрогнуться, и медсестра смотрит на меня с тем же озабоченным выражением в глазах.

— Зачем наручники? — Спрашиваю я снова, когда мой рот перестает быть липким и сухим.

— Вы слишком сильно метались, когда ваш муж принес вас сюда, царапая себе руки, сходя с ума от боли. Нам пришлось связать вас, чтобы вы не содрали с себя кожу. — Медсестра с трудом сглатывает. — Мне жаль, что это случилось с вами, миссис Романо. Если вы хотите с кем-нибудь поговорить...

— Нет, все в порядке, — быстро говорю я. Я понятия не имею, какой будет реакция Луки на все это, но я не думаю, что еженедельные походы в кабинет психотерапевта будут в моем будущем. Может быть, если бы я смогла найти кого-нибудь для звонков дома...

Он никогда не позволит мне уйти после этого. Я испытываю облегчение, узнав, что наручники были делом рук больницы, потому что на мгновение я подумала, что Лука сделал это сам или приказал им, чтобы я не проснулась и не убежала. Мне это даже в голову не пришло, когда я только проснулась, но теперь я задаюсь вопросом, есть ли шанс между уходом медсестры и приходом Луки, чтобы сбежать?

— Как долго я спала?

— Несколько дней, — говорит медсестра. — Ваш муж едва выписался из больницы. Он выглядел как одержимый. Он был так зол. — Она хмурится. — Нам пришлось позволить ему принять душ здесь, он отказался отходить от вас в первую ночь, чтобы привести себя в порядок, и он был... — она замолкает, как будто не уверена, что еще сказать. — Весь в крови.

Я вышла замуж за чертова дьявола. Я думаю о брызгах на его рубашке и руках, когда он вернулся домой той ночью, о чьей-то чужой крови, о ком-то, кто кричал, умолял и корчился так же, как я. Лука сказал бы, что они это заслужили, но Росси сказал бы то же самое обо

мне. Должно быть, он уже мертв, думаю я, слегка дрожа. У меня осталось смутное воспоминание о том, как Лео упал с глухим стуком, когда Лука выстрелил в него, о моем крике протеста, потому что он был единственным, кто проявил ко мне хоть какую-то доброту. Больше я почти ничего не помню, и даже то, что я думала, могло быть сном, галлюцинацией спасения.

Моя рука, не задумываясь, тянется к моему все еще плоскому животу, и холодный прилив страха пробегает по моему позвоночнику.

— Мой ребенок... — это выходит шепотом, но медсестра все равно слышит меня. Я смотрю на нее широко раскрытыми испуганными глазами, не уверенная, хочу ли задавать следующий вопрос.

Как только она ответит на него, она никогда не сможет взять свои слова обратно. Маленький секрет, который я хранила, то, ради чего я была готова рисковать своей жизнью, ребенок, которого я представляла в своей голове, обещала любить и защищать, исчезнет навсегда, как только она подтвердит это. Мне жаль. Сколько раз я думала об этом, когда корчилась в той постели, сжигаемая изнутри этим наркотиком? Я пыталась спасти своего ребенка, но все равно потерпела неудачу. И теперь гнев Луки будет яростным, я уверена.

Раньше я боялась своего мужа, но теперь мне страшно его видеть.

— С вашим ребенком все в порядке. Мы подтвердили беременность, пока лечили вас от лекарств, содержащихся в вашем организме. Вам очень повезло, миссис Романо. Врачу пришлось пару раз сделать сканирование, чтобы быть уверенным. Он не был уверен, как такому маленькому плоду удалось пережить эту травму, вы еще не прошли тот этап, когда выкидыш из-за пустяка становится обычным делом.

— Как далеко я продвинулась? — Мой голос звучит приглушенно, горло сжимается. Мой ребенок жив. Это кажется невозможным. Некоторое время спустя, несмотря на все эти мучения, я смирилась с тем, что потеряю своего ребенка, что из этого не будет выхода. Что мы оба умрем. И все же мы оба здесь, на больничной койке, живые.

На сегодня.

— Шесть недель, — говорит медсестра с первой улыбкой, которую я вижу на ее лице. — Это первая беременность. Вам очень повезло, миссис Романо, что кто-то из вас остался жив.

— Я знаю, — шепчу я. Я никогда ни в чем не была так уверена. И теперь, когда мне выпала такая удача, я должна решить, что делать дальше.

Мы с моим ребенком пережили Росси. Но теперь мы должны пережить Луку. Моего мужа. Я все еще не привыкла слышать его фамилию рядом с моей.

— Мой муж знает о ребенке? — Я чувствую, как паника начинает сжимать мое горло, сжимая его еще сильнее. Если Лука уже знает, я ничего не смогу сделать, кроме, может быть, попытки выбраться из больницы до того, как он приедет, чтобы забрать меня домой. Но даже если мне удастся сбежать отсюда, я понятия не имею, что буду делать дальше. Я в больничном халате, здесь нет ни одежды, ни денег, и мне некуда идти. Я не могу подвергнуть Ану опасности, отправившись к ней, и я даже не уверена, жив ли еще отец Донахью.

Я в еще большей ловушке, чем была раньше.

— Нет, если вы ему не сказали, — говорит медсестра, с любопытством глядя на меня. — Мы еще не обновляли вашу медицинскую карту, и мы подумали, что, возможно, лучше подождать с сообщением чего-либо, пока мы не узнаем, было ли у вас это или нет. Мы

не хотели быть теми, кто испортит ваш сюрприз, если...

Она замолчала, но я знала, что она собиралась сказать. Если вы оба выживете. Что ж, мы это сделали, и теперь я должна решить, что делать дальше. Эта медсестра, единственная, кто мог бы мне помочь.

— Мне нужно, чтобы вы убрали это из моей медицинской карты. — Я стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно более властно, но это трудно, когда в нем все еще чувствуется боль от всего того, что я пережила. — Я не хочу, чтобы мой муж знал. Не прямо сейчас.

Она смотрит на меня с любопытством.

— Я не уверена, что это то, что я могу сделать, — осторожно говорит она. — Не раскрывать медицинскую информацию...это...

— Это важно, — говорю я, стараясь, чтобы отчаяние не звучало в моем голосе, но я слышу, как оно прокрадывается внутрь. — Очень важно, чтобы он не знал.

— Вам нужно будет рассказать мне немного подробнее, — хмурится медсестра. — Вам грозит какая-то опасность? Вам нужно, чтобы я кому-нибудь позвонила? Может быть, вы хотели бы поговорить с кем-нибудь о своем муже?

Я смеюсь над этим. Я ничего не могу с собой поделаться, и это выходит каким-то пронзительным, почти истеричным звуком. Мысль о том, что кто-то может что-то сделать с Лукой, защитить меня от него, слишком нелепа. Я пытаюсь представить, как разговариваю с полицией, выдвигаю обвинения против своего мужа за... что? Брак, на который я согласилась? Секс, о котором я умоляла? Лука, вероятно, совершил сотню преступлений, но он никогда не увидит тюремную камеру изнутри. И, по правде говоря, с ним я в большей безопасности, чем, вероятно, была бы где-либо еще. Росси никогда бы не добрался до меня, если бы я не покинула пентхаус, и я ожидаю, что мой муж придаст этому большое значение. Независимо от того, как сильно я стараюсь, я не могу перестать смеяться, пока мои руки не обхватывают мои больные ребра, задыхаясь, когда я пытаюсь дышать через это.

Медсестра выглядит вполне понятным образом встревоженной.

— Миссис. Романо, вам нужно успокоительное? Я могу...

— Нет! — Я качаю головой, пытаюсь собраться с мыслями. — Я просто... вы знаете, кто мой муж?

— Лука Романо. — Медсестра выглядит немного смущенной. — Извините, я здесь новенькая. Он главный спонсор больницы или что-то в этом роде?

Каким-то образом мне удастся снова не рассмеяться.

— Я уверена, что он делал пожертвования, — говорю я так спокойно, как только могу. — Но я не это имела в виду. Мой муж, дон американской ветви итальянской мафии. И я уверена, что, если вы спросите того, кто здесь главный, они точно скажут вам, что он за человек.

Глаза медсестры расширяются.

— Мне жаль, — заикается она. — Я слышала о... но я слышала о человеке по имени Росси...

От одного звука его имени у меня внутри все переворачивается.

— Меня сейчас стошнит, — успеваю я сказать как раз вовремя, чтобы медсестра протянула мне пластиковый контейнер. Я погружаюсь в это до тех пор, пока в глазах у меня не темнеет, а горло снова не начинает гореть. В моем желудке нет ничего, что могло бы вызвать рвоту, но мое тело делает все возможное, желчь выливается у меня изо рта, пока и от нее ничего не остается.

Когда я заканчиваю, она забирает его и возвращается с тем же озабоченным выражением на лице.

— Скажи мне, что происходит, — спокойно говорит она. — И я посмотрю, что я могу сделать.

Я не настолько глупа, чтобы рассказывать ей все. Как раз то, что мне нужно, чтобы заставить ее согласиться с тем, что мне нужно.

— В моем брачном контракте есть пункт, в котором говорится, что я не могу забеременеть. Если я это сделаю, то мне придется прервать беременность.

На лице медсестры появляется выражение ужаса.

— Что? С какой стати...

— Это сложно.

— Почему бы вам просто не уйти? Развестись... мне жаль, — резко говорит она. — Я знаю, что это не всегда так просто. Но если бы ваш муж согласился...

— Я пыталась уйти, — просто говорю я. — И вы видите, что произошло.

— Это сделал ваш муж? — Она становится белой как полотно. — Миссис. Романо, что с вами сделали...

— Нет! Нет, Лука этого не делал, — быстро говорю я. — Но он защищает меня от людей, которые могли бы сделать это и гораздо хуже. Я пыталась уехать из-за ребенка, и меня похитили. Я не могу просто уйти снова. Меня просто снимут со сковороды и отправят в огонь. Я должна придумать другой план. Но мне нужно время. — Я умоляюще смотрю на нее. — Мне нужно иметь возможность рассказать ему об этом в свое время. — Или никогда. Было бы лучше, если бы я смогла найти выход. Но мне просто нужно время. — Если он увидит мои медицинские записи, то я не смогу сначала придумать, как лучше с этим справиться. Мне нужно немного времени.

Медсестра выпускает долгий вздох.

— Хорошо, — говорит она наконец. — Но миссис Романо...

— Не надо, — тихо говорю я. — Что бы вы ни собирались сказать, я обещаю, что это сложнее, чем вы думаете. Я не просто какая-то избитая женщина. Мой муж не издевался надо мной. Он просто... трудный человек. — Это мягко сказано. — И мне нужно выяснить, что делать, самостоятельно.

— Я позабочусь о том, чтобы в ваших файлах не было никаких упоминаний о беременности. И я предположу доктору, что, возможно, он ошибся. — Она колеблется. — Я не могу обещать, что все, кто в курсе, будут молчать. Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы сохранить это в тайне.

Я чувствую прилив облегчения, впервые за долгое время, которое я сейчас не могу припомнить.

— Спасибо, — шепчу я, и медсестра слегка улыбается мне.

— Вам нужно немного отдохнуть, миссис Романо. Ваше тело через многое прошло. Вам нужно время, чтобы прийти в себя, прежде чем вы сможете вернуться домой.

Это должно занять столько времени, сколько возможно, мрачно думаю я. Последнее, чего я хочу, это возвращаться в пентхаус с Лукой. Я бы бодрствовала вечно, если бы это могло удержать меня здесь, в относительной безопасности больницы вместо того, чтобы возвращаться в свою позолоченную клетку. Я содрогаюсь при мысли о том, в какой ярости он, должно быть, находится. Но больница не может защитить меня от Виктора и братвы. Даже если Росси мертв, он был не единственной угрозой там. Лука посадил меня в клетку не

просто так, даже я не могу не видеть этого сейчас. Но мой секрет меняет все.

Медсестра вводит что-то мне в капельницу прежде, чем я успеваю что-либо сказать. Меня пробирает дрожь, когда я вспоминаю, как Рикардо ввел иглу мне в руку и последовавшую за этим мучительную боль. Сколько времени пройдет, пока меня перестанет преследовать это? Мне интересно, и в глубине души я знаю, что это продлится очень долго.

Может быть, всегда.

Страшно представить, как долго нечто подобное будет преследовать меня. Что мне делать дальше? Я понятия не имею, жив ли отец Донахью, и я не могу снова подвергать его риску. Лука будет ожидать, что я вернусь туда. Если Виктор так сильно хочет меня, на что бы он был готов пойти, чтобы заполучить меня? Есть какая-то причина, по которой он хочет заполучить меня в свое распоряжение, почему Братва чуть не начала из-за этого войну. И какова бы ни была эта причина, у меня русская мать. Возможно, я могла бы каким-то образом договориться о защите с другой стороны, о чем-то, чего они хотят в обмен на то, чтобы убедиться, что мой ребенок в безопасности.

Это рискованно, и я знаю, что, вероятно, нет ни единого шанса на то, что это сработает. Если Лука — чудовище, то Виктор Андреев — монстр. Волк и медведь, соответственно. Но все же, я не могу отделаться от мысли, что там может быть что-то такое, какой-то рычаг воздействия, который я могу использовать. Интересно, сможет ли Ана каким-нибудь образом что-нибудь выяснить? Я спрошу ее, устало думаю я. Как только я выберусь отсюда.

Когда бы это ни случилось.

Я чувствую, как действует успокоительное, как бы сильно я с этим ни боролась. Мое тело жаждет отдыха, сна, времени на восстановление. И я не могу с этим бороться.

Я погружаюсь в блаженный сон без сновидений.

ЛУКА

Самое трудное, что мне когда-либо приходилось делать, это смотреть в глаза Катерине после того, как она услышала новость о смерти своего отца. Я не жалею об убийстве Росси. Как только врачи рассказали мне о масштабах того, что он и его головорезы сделали с Софией, любые следы сожаления были полностью стерты, если они вообще остались после того, что я увидел. Невозможно жалеть, что я убил его после того, как держал Софию, корчащуюся в моих объятиях, пока этот наркотик распространялся по ее венам. Какие бы чувства я ни испытывал к нему, ко всей нашей истории и ко всему, что он сделал для меня после смерти моего собственного отца, они были вытеснены знанием о том, что он сделал с моей женой. И, в конце концов, я полагаю, это часть того, чего он все время боялся, когда я сказал, что хочу жениться на Софии, а не позволить ему просто устранить ее, моя преданность жене возобладает над всеми другими привязанностями, которые у меня могли бы быть.

Я по-прежнему верен семье, титулу, который у меня есть, и должности, которую мне доверили. Но за все время, что я был под началом Росси, я ни разу не убил женщину. Я знаю, что Рикардо был его выбором в тех случаях, когда ему нужна была информация от кого-то женского пола, и я ненавидел это. Я ненавидел то, что Росси когда-либо позволял делать

такое. И теперь, когда он и Рикардо мертвы, я позабочусь о том, чтобы это никогда больше не повторилось.

Этой семьей буду править я, по-своему. Теперь меня ничто не останавливает от этого. Но мне все равно больно видеть боль, написанную на лице Катерины. Франко здесь нет, и это меня раздражает. Он заметно отсутствует во время всех кризисов своей жены, и я этого не забываю. Я уверен, что под моим началом много мужчин, которые не являются образцовыми мужьями, но с Франко это особенно раздражает. Ему дали жену, намного превосходящую то, чего он должен был ожидать, дочь бывшего дона, и его поведение по отношению к ней граничит с неуважением, не только к ней, но и к ее покойному отцу, и ко мне, за наше решение заключить их брак.

Я качаю головой, пока... отгоняя эту мысль. На данный момент у меня есть кое-что более насущное, чем отказ моего лучшего друга и заместителя босса оставить свои холостяцкие привычки, и это утешение дочери человека, которого я только что убил, и уверенность в том, что нет никаких подозрений в том, что это моя рука нанесла смертельный удар.

— Ты сказал, это была Братва? — Катерина вытирает рукой нос, шмыгая носом. Она самая невозмутимая из всех, кого я когда-либо видел, и я вижу, что она похудела после смерти своей матери и ее свадьбы. Ее щеки выглядят изможденными, и она очень бледна. Ее волосы, обычно пышные, блестящие и густые, на что я всегда обращал внимание, хотя и знал, что она никогда не предназначалась мне, собраны сзади в пучок и выглядят вьющимися по краям. — Они убили моего отца?

— И похитили Софию, — подтверждаю я. — Твой отец, несколько его людей и я отправились спасать ее, но Братва застрелила их.

— И как же ты тогда это сделал? — Катерина хмурится, глядя на меня, ее губы поджимаются. — Все удачно сложилось для тебя.

Я не слышу подозрения в ее голосе, я не уверен, что кто-то действительно заподозрил бы меня в убийстве Росси. В конце концов, если они не знают, что он похитил мою жену, у меня нет для этого причин. У меня уже есть титул. Но я ясно вижу замешательство, написанное на лице Катерины.

— Я был позади них в другой машине, — тихо говорю я. — Мне жаль, Катерина. Я добрался туда слишком поздно. Но я взял с собой нескольких человек из Братвы. Еще несколькими удалось спастись, но тот, кто убил твоего отца, мертв. Я сам застрелил его.

Вот оно. Аккуратность. Любой возможный свидетель уже мертв.

— Он страдал? — Спросила она. Ее подбородок дрожит, и я могу сказать, что она старается снова не разрыдаться.

— Нет, — твердо говорю я ей, и я рад, что могу, по крайней мере, быть честным в этом. — Это было быстро.

— Ты уверен? Как... — у нее вырывается тихое рыдание, и я опускаюсь, чтобы сесть рядом с ней.

— Ты действительно хочешь знать, Катерина? Ты мучаешь себя...

Я вздрагиваю, даже произнося это слово. Я не уверен, что когда-нибудь снова смогу думать о пытках так спокойно, просто как о части моей работы, как о средстве разговорить мужчин. Интересно, сколько времени пройдет, пока я не перестану видеть перед собой извивающееся обнаженное тело Софии, терзаемое болью изнутри. Мой кулак сжимается, и в эту секунду я понимаю, что, если бы мог, я бы убивал их всех, снова и снова.

— Я хочу знать, — твердо говорит она, вздергивая свой изящный подбородок. — Будет еще хуже, если я представлю это себе.

— Ему выстрелили в голову, — говорю я ей так прямо, как только могу, морщась, когда слова слетают с моих губ. — Он умер мгновенно, Катерина. По-другому это не могло случиться.

При этих словах она бледнеет, но ее подбородок остается приподнятым.

— Хорошо, что все произошло быстро, — говорит она наконец. — Я займусь организацией похорон. Я знаю, что у него есть завещание, в котором изложены его пожелания.

Я знаю, что в его завещании для Катерины предусмотрено гораздо больше, чем она думает. Как его единственный ребенок, она унаследует особняк Росси, в который, я уверен, Франко будет рад переехать. Она также унаследует огромное состояние своего отца, ту его часть, которая отделена от семейного бизнеса. Но, глядя на ее лицо, я вижу, что все это ее не волнует.

Росси заслуживал смерти за то, что он сделал. Но я знаю, какая это неисчислимая потеря для нее, ее мать и отец погибли с разницей в несколько недель. Я вижу, какое бремя лежит на ее хрупких плечах, и я желаю, чтобы у нее был муж получше, который помог бы ей нести это бремя. Франко всегда был для меня хорошим другом и хорошим человеком во многих отношениях, но в этом он терпит неудачу.

— Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится. Я серьезно, Катерина. София...

— Я уверена, что Софии нужно будет отдохнуть. Она через многое прошла. — Катерина потирает руками свои обтянутые джинсами колени и глубоко вздыхает.

— Но она захочет помочь, если сможет. — Даже я слышу резкость в своем голосе, когда говорю о ней. Я смог прорваться через дом, полный мужчин, чтобы спасти ее, но я все еще зол на нее за то, что она вообще ушла. Я подожду, пока она не поправится настолько, чтобы вынести основную тяжесть моего гнева, но, когда я верну ее домой, ей придется здорово поплатиться.

Катерина надолго замолкает.

— И что теперь, Лука? Ты идешь на войну с Виктором? Полагаю, все твои попытки помириться закончились.

Я делаю паузу.

— Ну, это, по крайней мере, частично зависит от тебя.

Она моргает.

— От меня? — Растерянность на ее лице очевидна, и я могу понять почему. Мафия никогда особо не считалась с мнением своих женщин. Но для меня важно, чего она хочет. Даже если на самом деле Росси убила не Братва, в некотором смысле, все это произошло из-за них. И если Катерина хочет, чтобы кто-то пролил кровь из-за смерти ее отца, я готов из кожи вон вылезти.

Между нами повисает молчание, и я вижу, что она серьезно обдумывает свой ответ. Ее глаза блестят от слез, но на этот раз они не падают, когда она поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Нет, — наконец говорит она дрожащим, но твердым голосом. — Нет, я не хочу еще больше смертей в довершение всего этого. Ты сказал, что люди, которые это сделали, мертвы. Так что этого достаточно.

При этих словах по мне пробегают холодок. Человек, который несет за это

ответственность, конечно, не умер. Он сидит прямо перед ней. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что сделал ее отец перед смертью, как он мучил ее лучшую подругу, терзал ее тело болью и позволил одному из своих людей напасть на нее. Врач заверил меня, что София на самом деле не была изнасилована, но я знаю, что если это не так, то было очень близко к этому. Рикардо точно, облапал ее своими грязными руками. В частности, я бы хотел, чтобы у меня ушло больше времени на то, чтобы убить его.

Ложь о том, кто был ответственен за похищение Софии и смерть Росси, была придумана не только для того, чтобы защитить меня. Это также делалось для того, чтобы уберечь Катерину от необходимости знать, чем занимался ее отец, на что он действительно был способен. Я хочу, чтобы она смогла сохранить свои воспоминания о нем, не запятнав их.

— Тогда я продолжу пытаться помириться с Виктором. — Я жду, пока она встанет, и тогда я тоже встаю, мои мысли уже возвращаются к Софии. — Я не знаю, сработает ли это. Но я сделаю все, что в моих силах.

— Я знаю, что ты это сделаешь, — мягко говорит она. — Ты хороший человек, Лука. Затем она замолкает, словно раздумывая, стоит ли говорить больше. — Я хочу мира так же, как и ты, — продолжает Катерина. — Потому что мы с Франко пытаемся завести ребенка. Мы решили не ждать. Я может быть уже беременна, и я... — ее голос прерывается. — Я не хочу, чтобы мой ребенок рос в семье, полной крови, смерти и страха. Я хочу, чтобы эта война закончилась и наступил мир со всех сторон. Я знаю, что это не то, чего хотел мой отец. Но в этом отношении я не дочь своего отца, а ты, Лука, совсем на него не похож. Я знаю, ты можешь это сделать.

— Я буду стараться изо всех сил, — заверяю я ее. — Ты права, это продолжается слишком долго. Я докопаюсь до сути и найду способ положить этому конец.

— И... — Катерина колеблется. — Будь терпелив с Франко, Лука. В последнее время он стал... другим.

Я хмурюсь.

— В чем разница? — Я тоже это видел, но мне любопытно, что она имеет в виду под этим.

— Он более нетерпелив. Вспыльчивый... может быть, даже немного параноик. Я думаю, он беспокоится, что попытки заключить мир обернутся смертью для нас. Он... — она беспомощно разводит руками, как будто не может подобрать нужное слово. — Параноик. На самом деле, это лучшее, что я могу придумать. И он особенно резок со мной.

В коридоре позади нас раздаются шаги, и я оборачиваюсь.

— Помяни черта, — говорю я с коротким смешком. — Франко, тебе потребовалось достаточно много времени, чтобы добраться сюда.

При упоминании его имени я вижу, как Катерина вздрагивает, и сильно хмурюсь, наблюдая, как к ней приближается ее муж. На ее лице нервное выражение, которое беспокоит меня и заставляет задуматься, не перешел ли вспыльчивый характер Франко за пределы того, что он просто огрызался на свою жену или пренебрегал ею. У меня нет привычки следить за семейными привычками подчиненных мне мужчин, но я бы никогда не потерпел домашнего насилия ни от кого из них. Росси, как ни странно, тоже этого не делал, я помню несколько случаев, когда жены приходили к нему, избитые до такой степени, что не могли этого вынести, и просили его вмешаться. И он всегда это делал. Как только муж отказался изменить свой образ жизни, эта женщина становилась вдовой, а муж — жертвой “несчастливого случая”.

Всегда существовало негласное правило, что женщины-мафиози, у которых мужья жестоко обращаются с ними, не обращаются в полицию. Они едут к Дону. Обращение в полицию столь же непростительно. И я намерен продолжать в том же духе. Я никогда не потерплю, чтобы муж издевался над своей женой. Если Франко так поступает с Катериной, это еще менее терпимо.

Мой взгляд быстро скользит по ней в поисках каких-либо видимых синяков, но я ничего не вижу. Я надеюсь, это означает, что Франко не был груб с ней, но я делаю мысленную пометку получше за ним присматривать. Что бы его ни беспокоило, ему нужно взять себя в руки. Мне нужно, чтобы мой заместитель был на высоте, а не отвлекался и не впадал в истерику.

— Я слышал, что произошло, — говорит Франко, быстро целуя жену в щеку. — С Софией все в порядке?

— Она выздоравливает. Я только что разговаривал с Катериной о наших следующих шагах с Братвой.

Глаза Франко сужаются.

— Зачем? Я не знал, что у нас вошло в привычку прислушиваться к советам женщин. — Его тон шутливый, но я вижу, как мрачнеет выражение лица Катерины.

— Она дочь Росси, — напоминаю я ему. — Она имеет такое же право голоса в том, что мы будем делать дальше, как и любой другой.

По выражению его лица я могу сказать, что Франко не согласен, но прежде, чем он успеет сказать что-либо еще, Катерина натянуто улыбается ему.

— Я собираюсь проведать Софию, — говорит она фальшиво бодрым тоном. — Если кому-то из вас нужно будет поговорить со мной о чем-либо, вы можете найти меня там.

Франко смотрит, как она уходит, его пристальный взгляд скользит по ее заду, когда она направляется по коридору.

— Она похудела, — жалуется он. — Эта задница уже не та, что раньше.

Я свирепо смотрю на него.

— Она потеряла обоих родителей за считанные недели, Франко. Дай женщине передохнуть.

Он пожимает плечами.

— Эй, это не значит, что я не могу найти пухлую задницу где-нибудь еще. Просто говорю, что она уже позволяет себе расслабиться.

Внутренне его отношение заставляет меня кипеть, но я отодвигаю это в сторону. Я здесь не для того, чтобы говорить Франко перестать быть свиньей, когда дело касается его жены и женщин в целом и, в конце концов, не то, чтобы у меня не было подобного отношения на протяжении многих лет. Моя неспособность хотеть какую-либо женщину, кроме одной, появилась совсем недавно.

"Хотеть" вряд ли кажется достаточно сильным словом для описания того желания, которое я испытываю к Софии. Одержимость. Зависимость. Дикая потребность, которая пронзает меня в самые неподходящие моменты. Даже сейчас я чувствую эту знакомую боль за нее, и я хочу отвезти ее домой как можно скорее.

Я говорю себе, что это просто для того, чтобы она была в безопасности, чтобы я мог запереть ее и вернуться мыслями к более важным вещам. Но я знаю, что это не совсем правда. Я хочу наказать ее. Обладать ею. Сделать ее снова своей. Трахать ее до тех пор, пока не будут стерты все следы мужчин, которые прикасались к моей жене, моей собственности

без разрешения. Мне надоело потакать ее чувствам. Она подвергла себя опасности, и моя работа — сделать так, чтобы этого больше никогда не повторилось.

Как ее мужу. Ее дону. Ее хозяину.

— Итак, каков план? — Голос Франко прерывает мои мысли, и я возвращаю свое внимание к нему, отвлекаясь от своей жены и быстро набухающего члена. — Что мы будем делать с этими ублюдками из Братвы?

— Ничего, — решительно отвечаю я. — Я все еще хочу помириться с Виктором, и Катерина сказала то же самое. Она не хочет больше крови в отместку за смерть своего отца.

Франко смотрит на меня, его глаза расширяются.

— Значит, ты ничего не собираешься делать? Твою жену только что похитили, отца моей жены убили...

— Я не говорил, что ничего не буду делать, — перебиваю я его более жестким тоном, чем обычно. — Я собираюсь созвать собрание всех боссов... конклав. Мы разберемся с этим между нами всеми: итальянцами, русскими и ирландцами, со всеми, кто должен присутствовать. Мы уладим это раз и навсегда, без войны, без нового кровопролития.

— Тебе следовало бы попросить ирландцев выступить на нашей стороне против русских, — горячо возражает Франко, повышая голос. — Колин Макгрегор будет на твоей стороне, и ты это знаешь. Ты мог бы стереть угрозу Братвы с карты и отдать их территорию Макгрегорам.

— Боевые действия должны прекратиться, — решительно заявляю я. — То, что мы не смогли прийти к соглашению, подвергло Софию еще большей опасности, ты действительно думаешь, что они остановятся на этом? Мне нужно выяснить, на что согласится Виктор, чтобы заключить мир. И ты должен так же беспокоиться за Катерину. Она тоже может стать мишенью. — Так и есть, судя по тому, что сказал мне Виктор, но я не делился этим с Франко. Я знаю, что должен поделиться с ним тем, что Братва Пахана хочет заполучить его жену в качестве приза, но в последнее время я не был настолько уверен, что могу доверять его решениям. И вдобавок ко всему, в последнее время он слишком часто выступал против моих решений. — Ты не беспокоишься о том, какой ущерб война может нанести твоей семье?

— Я больше беспокоюсь о большой семье, чем просто о своей жене, — огрызается Франко. — Я такой же человек из мафии, как и ты, Лука. Но ты настолько поглощен своей личной драмой, что не можешь сосредоточиться на текущей проблеме. Ты ставишь свою жену выше...

— Хватит! — Мой голос резок и зол, больше, чем когда-либо с ним, но я, кажется, не могу остановиться. Я чувствую себя разбитым и разъяренным, доведенный до крайности непослушанием моей жены, эксцентричным поведением моего лучшего друга и тем фактом, что я не только, только что убил самого близкого мне человека, который был мне отцом, но и вынужден организовывать сокрытие этого. — Я не допущу войны, Франко. Нет, если я смогу это предотвратить.

— Ирландцы...

— Они будут присутствовать на конклаве, как русские и мы, если они знают, что для них хорошо, и мы останемся там до тех пор, пока не сможем прийти к соглашению, которым будут довольны все семьи. И тогда мы сохраним мир, о котором договорились. — Я прищуриваю глаза, когда Франко открывает рот, чтобы снова возразить, моя кровь кипит от праведного гнева. Приятно направить куда-то всю эту ярость, всю сдерживаемую ярость,

которая кипела с тех пор, как я выгнал Софию из конспиративной квартиры. — Тебе тоже следовало бы быть осторожнее в своей привязанности к ирландцам. Тот, о ком ходит столько слухов, как о тебе, должен быть осторожен в своих доводах в их пользу.

На лице Франко застывает изумление, когда он смотрит на меня, его рот милосердно закрывается при этом последнем замечании. За все годы нашей дружбы я ни разу не бросил ему в лицо слухи о его происхождении. Это я всегда защищал его от них. Но в данный момент мне уже все равно. Я покончил со всем этим. С тех пор как я взял на себя роль Дона, его там не было, как я надеялся. И я начинаю уставать от того, что на это не отвечают взаимностью.

— Мне нужно присмотреть за моей женой, — холодно говорю я, все мое терпение иссякает. — Тебе следует позаботиться о своей.

И с этими словами я направляюсь по коридору к палате Софии.

СОФИЯ

Я не знаю, сколько времени пройдет, прежде чем меня выпишут из больницы. Время перестает иметь какое-либо значение, это больше не день и не ночь, не часы в сутках, а промежутки между сознанием, между осознанностью и возвращением в целительный покой, в котором все так настаивают, что я нуждаюсь. Было бы спокойнее, если бы сон был без сновидений, но это не так.

Мой сон полон кошмаров: хитрое лицо Рикардо и ухмыляющееся Росси, руки там, где я не хочу их видеть, и нависающие надо мной мужчины, горящий огонь в моих венах. Хуже того, успокоительные, которые они мне дают, не позволяют мне легко проснуться, так что мне остается пробиваться сквозь дурные сны, вплоть до другой стороны этого.

Один раз я проснулась, как в тумане, и увидела Катерину у своей постели, но я недостаточно осознала это, чтобы по-настоящему узнать ее. Я бы хотела, чтобы это было так, потому что она единственная, кого я знаю наверняка, кто приходил повидаться со мной. Если Лука и делал это, то никогда не делал, пока я бодрствовала. И я бы не удивилась, если бы он этого не делал. Я говорю себе снова и снова, что мне все равно, ожесточая свое сердце против него с каждым проходящим днем, так что, когда я наконец вернусь в пентхаус, у меня будет броня, которой я могу защититься. Я говорю себе, что больше не буду играть в его игры, что я просто остыну. Я не совсем уверена, что верю в это. Но это помогает мне пережить моменты бодрствования до того дня, пока мне, наконец, не разрешают вернуться домой.

Лука приезжает за мной. Я слегка вздрагиваю, когда вижу его, воспоминание о том, как он укладывает меня на заднее сиденье машины, все еще слишком свежо. Это, в сочетании с осознанием того, как он, должно быть, зол на меня, заставляет меня больше, чем когда-либо, желать просто остаться в больнице.

— Пора возвращаться домой, — говорит Лука с тонкой улыбкой, подчеркивая мое беспокойство. — Ты готова, София?

Я готова настолько, насколько это вообще возможно. Кто-то оставил для меня одежду, он или Катерина, я понятия не имею, и я уже приняла душ и оделась, чувствуя себя

человеком с тех пор, как меня вырубил в соборе.

Непроизвольно моя рука почти тянется к животу, прежде чем я успеваю это остановить, желая прикоснуться к тайне, которая у меня там есть, чтобы защитить ее. Но мне удастся отдернуть ее как раз вовремя, и если Лука и замечает что-то в этом движении, он этого не говорит.

Мы молчим всю дорогу до обочины, где припаркована машина. Я не уверена, как Луке удалось уговорить их позволить мне выйти своим ходом, но я рада, что меня не выкатили на улицу. Я слишком долго чувствовала себя слабой, и мне приятно снова стоять на собственных ногах. Даже если я знаю, что надвигается еще один шторм.

Конечно же, в тот момент, когда мы оба оказываемся в машине с закрытыми дверями, поднимается перегородка, отделяющая нас от водителя, и мы вливаемся в поток машин, Лука поворачивается ко мне, выражение его лица такое холодное и суровое, какого я никогда у него не видела.

— О чем, — выдавливает он сквозь стиснутые зубы, — о чем, черт возьми, ты думала? Уходить вот так? Пойти в церковь Святого Патрика? Какого хрена ты делала, София?

Я могла бы сказать ему правду. Всего на мгновение мне пришло в голову, что я могла бы это сделать. Я могла бы довериться этому мужчине, который не раз спасал меня, который женился на мне, который, несмотря на свой непостоянный характер и склонность к грубому сексу, показал мне, что в нем есть сторона, которая действительно заботится обо мне или, по крайней мере, заботилась до того последнего эпизода в нашей... его спальне.

Именно это воспоминание, больше, чем что-либо другое, вытесняет любые другие. Это перечеркивает любое доверие, которое я, возможно, когда-либо испытывала к нему. Я видела, как быстро он может вернуться к своему прежнему "я", к тому "я", которое напугало меня, когда мы впервые встретились. И я не могу поверить, что он нарушит наш контракт, чтобы защитить нашего ребенка.

Я представляю, как он говорит водителю развернуть машину, чтобы отвезти меня обратно в больницу. Заставляя меня прервать беременность против моей воли. Я помню мягкие наручники на моих запястьях, удерживавшие меня для моего же блага, и я знаю, что их можно было использовать против меня так же легко, как и те, что были в конспиративной квартире.

Возможно, я буду в безопасности под его опекой. Но мой ребенок — нет.

Подняв подбородок, я смотрю ему прямо в глаза, не вздрагивая от холода его зеленого взгляда.

— Я ушла, потому что покончила со всем этим, — говорю я ему, мой голос резкий и режущий, как удар хлыста. Видишь, я тоже могу в это играть. — Я покончила с твоей ложью, Лука, покончила с тем, что ты нарушаешь свои обещания, покончила с этим гребаным фиктивным браком. С меня хватит того, что ты меня используешь. Так что да, я убежала. Я пошла узнать, не поможет ли мне отец Донахью сбежать от тебя. Потому что ты нарушил все обещания, которые давал мне. Я не в безопасности. То, что произошло, только доказало это.

— Тебя похитили, потому что ты сбежала, — огрызается Лука. — Если бы ты оставалась на месте, как тебе, черт возьми, сказали...

— Мне все равно. — Я стискиваю зубы, и я не совсем уверена, что все, что я говорю, на самом деле ложь. — Я подумала, что между нами может что-то быть, когда ты той ночью прилетел обратно из Доминиканской Республики. Я подумала, что у нас могло бы быть что-то настоящее. Свидания, то, как мы были вместе какое-то время... — Я делаю глубокий

вдох, все еще глядя на него сверху вниз, хотя мое сердце, кажется, вот-вот выскочит из груди. — Но я поняла той ночью, когда ты пришел домой окровавленный и сделал то, что ты сделал, я увидела, что это было такой же фальшивкой, как и наш брак. У нас никогда не было шанса, Лука. И мне надоело притворяться.

— Что я сделал? — Лука холодно улыбается мне. — Я вернулся домой окровавленный, пытаюсь выяснить, кто пытался тебя убить, черт возьми. А после этого?

— Ты напал на меня...

— Нет, черт возьми, я этого не делал. Обвиняй меня во всем, в чем тебе заблагорассудится, но никогда, черт возьми, не обвиняй меня в этом. Ты сама этого хотела. Ты была чертовски мокрой, когда я вошел в тебя своим членом. Точно так же, как, держу пари, ты сейчас. — Он насмехается надо мной, его глаза сверкают опасным гневом. — Держу пари, если бы я провел рукой по твоему бедру, с тебя бы капало. Ты получаешь удовольствие от этого, от борьбы, от ее опасности. От того, чтобы вывести меня из себя и посмотреть, как далеко ты можешь меня завести. Однажды, София, ты зайдешь со мной слишком далеко, черт возьми.

— И что? — Я свирепо смотрю на него. — Ты свяжешь меня и будешь пытаться, как это делал Росси?

— Не смей, черт возьми, так говорить! — Его рука тянется вперед, хватая меня за подбородок. — Водитель может тебя услышать.

— Ну и что? Разве не все знают?

— Нет, — выдавливают Лука сквозь стиснутые зубы. — Потому что мне пришлось, блядь, солгать, чтобы скрыть тот факт, что я убил его, чтобы вытащить тебя оттуда. Ты знаешь, что может случиться со мной, и с тобой тоже, если остальные заместители босса и капо узнают, что я сделал?

— Но... — я вырываюсь из его хватки. — Он мучил меня. Он собирался позволить Рикардо изнасиловать меня. Он собирался убить меня...

— Конечно. И если бы я мог это доказать, то Росси был бы казнен после суда перед советом. Но я вошел туда с оружием наперевес, в стиле мстителя. Я убил их всех, чтобы вытащить тебя оттуда, потому что к тому времени, когда мне удалось бы взять его и остальных под стражу, если бы я и мои люди пережили это, ты была бы уже мертва. И поступая так, я рисковал всем, София! Ты, блядь, это понимаешь? В очередной раз, я поставил на карту все ради тебя, а ты, ты...

Он замолкает, буквально трясась от ярости.

— Ты моя жена, — рычит он. — Называй это фиктивным браком, если хочешь, называй все это фальшивкой, ложью и нарушенными обещаниями, но в глазах человека и Бога и, самое главное, гребаных боссов всех семей, ты моя законная жена. И точно так же, как ты поклялась перед этим священником-предателем, клянусь Богом, София, ты, черт возьми, будешь повиноваться мне, даже если это будет последнее, что ты сделаешь.

— А то что? — Я знаю, что не должна его дразнить, что он уже и так близок к тому, чтобы сорваться. Но он сам на меня давит. Он разозлил меня, и я не хочу ему подчиняться. Я никогда этого не делала.

Мне нужен был муж, которого я бы видела мельком. Но это была гребаная ложь, как и все остальное.

— Черт возьми, София! — Лука проводит пальцами по волосам. — Просто... каждый человек в мафии, от самого высокого заместителя босса до самого низкого солдата, блядь,

подчиняется мне. Без вопросов, не сказав ни слова мне в лицо. Может быть, позже они будут жаловаться на мои приказы, кто, черт возьми, знает. Но они повинуются. И я хочу, нет, я требую этого от тебя. Твоего послушания. Ни твоей любви, ни твоего счастья, ни твоего удовольствия. Твое гребаное послушание. Ты делаешь, как я говорю, идешь, куда я говорю, и трахаешься, когда я говорю. И тогда, может быть, мы оба обретем немного покоя.

— Ты не сможешь заставить меня трахаться с тобой, если я скажу, что не хочу тебя. — Я скрещиваю руки под грудью, свирепо глядя на него. — Или ты бы сделал то единственное, чего клянешься не делать? Росси здесь больше нет, чтобы ты мог обвинить его в этом, сказав, что он тебя заставляет.

Выражение лица Луки меняется в одно мгновение, быстрее, чем я когда-либо видела. Его глаза потеплели, гнев сменился горячей похотью, которую я так хорошо узнаю. Это поразительная перемена, но к настоящему времени я знаю его достаточно хорошо, чтобы понимать, что это всегда таилось под поверхностью, ожидая повода всплыть.

Его рука опускается на мое колено, скользая вверх по его изгибу.

— Ты не хочешь меня, София? — Его пальцы скользят выше, к мягкой коже на внутренней стороне моего бедра. К тому месту, к которому он уже столько раз прикасался, лизал, целовал, покусывал в пылу страсти. Его пальцы сжимаются, и я подавляю тихий вздох.

— Нет, — шепчу я, но это звучит неубедительно. Я прочищаю горло. — Нет. — Во второй раз это звучит лучше, и пальцы Луки замирают, но его рука остается под моей юбкой, его ладонь покоится на теплой плоти.

— Значит, если я просуну эти пальцы тебе под трусики, ты не будешь влажной для меня? — Его голос струится по моей коже, дымный и соблазнительный, и я подавляю дрожь. Я уже чувствую, как возбуждаюсь, мои складочки становятся скользкими и влажными от этого, и если он выполнит свою угрозу, то поймет, как сильно я его хочу. Что независимо от того, насколько я зла на него, как сильно я хочу быть холодной, отвергнуть его, мое тело говорит обратное.

Потому что мое тело точно помнит, что он может с ним сделать. Каково это, чувствовать, когда я сдаюсь. Лука улыбается мне, но улыбка не доходит до его глаз.

— Ответь мне, жена.

— Нет. — Я с трудом сглатываю. — Я нет.

— Что нет? — Его губы приоткрываются, обнажая идеально белые зубы. Ему это нравится. Он любит играть со мной, как кошка с мышкой.

Мышкой, которая хочет быть съеденной. Чтобы быть съеденной им. Быть...

— О! — Я задыхаюсь, когда его рука скользит выше, к теплу между моих ног, к влажной резинке моих трусиков. — Лука, нет!

— Что нет? — Он смотрит на меня с этой опасной ноткой в улыбке. — Ты знаешь, как я отношусь к тому, что мне лгут. Так скажи мне, София. Если я проведу рукой выше, узнаю ли я, что ты влажная для меня?

Я знаю, что лучше не лгать ему. Я уже совершала эту ошибку раньше. Но я не могу заставить себя признаться в этом. Не сейчас. Не здесь. Не так, как сейчас.

— Нет, — шепчу я. Это слово постоянно слетает с моих губ, но оно ничего не значит. — Не буду.

Улыбка Луки становится шире, и тогда я понимаю, что он хотел, чтобы я солгала, даже если он накажет меня за это.

— О, София, — бормочет он. — Тебе следовало бы лучше знать.

Затем его пальцы скользят вверх, выше, выше, под край моих черных кружевных трусиков. Не то, что я бы выбрала, чтобы вернуться домой из больницы, но это было все, что было у меня из одежды. Это заставляет меня думать, что Лука был тем, кто принес мне одежду. Они проникают под кружево, поглаживая набухшие складки моей кожи, и я не могу подавить вздох, который срывается с моих губ от его прикосновения.

— Ты побреешься для меня сегодня вечером, — холодно говорит Лука. — Я не допущу, чтобы ты оставалась такой неопрятной.

Я краснею от этого, моя кожа горит от унижения. Я была в больнице, оправлялась после пыток. Я хочу сорваться. Я не думала о том, чтобы побрить свою киску для него. Но я вообще ничего не могу сказать, потому что Лука выбирает этот момент, чтобы скользнуть пальцами глубже, и я на мгновение теряю дар речи.

— Маленькая лгунья, — напевает Лука шелковистым голосом, когда его палец скользит вверх, чтобы пощекотать мой клитор. — Ты истекаешь ради меня, София. Такая чертовски мокрая. — Он засовывает в меня два пальца, двигая ими взад-вперед сильно и быстро, так что я точно слышу, насколько я мокрая, непристойные звуки наполняют заднюю часть машины. — Ты не можешь сказать, что не хочешь этого. Я чувствую, как много ты сдерживаешь. Я чувствую, как твоя киска сжимается прямо сейчас, пытаюсь удержать меня внутри себя.

Он говорит это так небрежно, откидываясь на кожаное сиденье машины, в то время как его пальцы входят и выходят из меня, как будто это нормально. Как будто нормально, когда мой муж трахает меня пальцами на заднем сиденье машины среди бела дня, когда между нами и водителем лишь тонкая перегородка... совершенно блядь обычное явление.

— Ты собираешься кончить, не так ли, София? Если я поиграю с твоим маленьким твердым клитором? — Его голос такой соблазнительный, скользкий по моей коже, купающий меня в тепле, в похоти, в нужде. Я хочу сказать нет, что я никогда больше не кончу для него, что он не может заставить меня, что я этого не хочу, но моя предательская киска рассказывает совсем другую историю. Я слышу это, чувствую запах, густой запах секса, наполняющий заднее сиденье машины, и я хочу умолять о большем, чем просто его пальцы. Я хочу умолять о его рте, его члене, обо всем нем, о том, чтобы он заставлял меня кончать снова и снова, как он делал это много раз до этого.

Это заставляет меня ненавидеть его. Я ненавижу то, что хочу его. Что я позволю ему делать все грязные вещи, которые он пожелает, даже после всего случившегося. Но вся эта ненависть не меняет того, как мои бедра выгибаются навстречу его руке, как нарастающее удовольствие делает меня слабой, заставляет запрокинуть голову, тяжело дыша, когда он подталкивает меня ближе к кульминации.

— Вот и все, София, — напевает он почти издевательским голосом. — Кончи мне на пальцы. Вот так хорошая девочка. Иди за своим мужем, покажи ему, как сильно ты его хочешь. — Он наклоняется, устраиваясь поудобнее, и я мысленно вижу его толстый член, истекающий возбуждением, скользкий по моему входу, толкающийся в меня и наполняющий меня так, как я отчаянно жажду прямо сейчас.

Он проводит большим пальцем по моему клитору, перекатывая его под подушечкой.

— Кончи для меня, милая. Покажи мне, как сильно ты жаждешь этого.

— Я не... — выдыхаю я, мои бедра приподнимаются, когда он нажимает на мой клитор, его пальцы теперь двигаются быстрее, скручиваясь внутри меня, прижимаясь к этому

сладкому местечку. — Я... блядь... не хочу тебя!

Я выкрикиваю последние слова, мое тело содрогается, когда я жестко кончаю, извиваясь под его рукой, когда удовольствие сотрясает мое тело. Я чувствую, как сжимаюсь вокруг его пальцев, втягивая их глубже, мои бедра сжимаются вокруг его запястья, чтобы удержать его там, я потираю свой клитор, пока катаюсь на волнах ощущений. Это так чертовски приятно, мое тело горит совершенно по-другому. Я задыхаюсь и беспомощно стону, а Лука продолжает двигаться, пока я не нажимаю на его запястье, пытаюсь оттолкнуть его, поскольку после этого мой клитор становится очень чувствительным.

Лука смеется, вытаскивая руку из моих трусиков. Он подносит пальцы к носу, вдыхая мой запах, и на секунду мне кажется, что он собирается облизать их дочиста. Но вместо этого он сует их мне в лицо, прижимая кончики пальцев к моим губам, размазывая мое возбуждение по моему рту, когда он проталкивает их внутрь.

— Для меня не мокро, а? — Он игнорирует мой приглушенный стон, засовывая пальцы мне в рот, пока у меня не остается иного выбора, кроме как обхватить их губами, осторожно проводя языком по коже и морщась от собственного вкуса. Мне это не нравится, и Лука ухмыляется. — Попробуй это, — рычит он. — А потом попробуй еще раз солгать мне, жена.

Он шипит это последнее слово, как проклятие, оставляя свои пальцы у меня во рту, пока я не облизываю их дочиста, а затем он высвобождает руку и вытирает ее о брюки как раз в тот момент, когда машина сворачивает в гараж.

— Мы дома, дорогая женушка, — говорит он насмешливым голосом, когда машина останавливается. Как только я выхожу, он хватается за локоть и тащит к лифту. Он не отпускает меня, пока мы не оказываемся в гостиной, сцене стольких наших ссор, которая вот-вот станет полем битвы для еще одной.

— А теперь скажи мне правду на этот раз, — говорит Лука, резко отпуская мою руку и отступая назад, его взгляд снова холодный и суровый. — Почему ты была в церкви, София?

Я все еще чувствую покалывание от оргазма, который он только что подарил мне между ног, но все равно сопротивляюсь. Вот такие мы и есть, уныло думаю я, даже когда поднимаю подбородок, чтобы свирепо посмотреть на него. Мы всегда будем такими. Драться и трахаться. Драться и трахаться. Может быть, я смогла бы жить с этим, даже получать от этого некоторое удовольствие. Я не могу честно сказать, что мне не нравятся наказания, которые он назначает, что я не получаю удовольствия от его рук на мне, его рта... Я не могу отрицать, что иногда намеренно довожу его до крайности. Но сейчас есть о чем заботиться, не только обо мне.

О ребенке. Нашем ребенке, моем ребенке. И я должна освободиться от Луки, если хочу спасти его.

— Мне нужно было сходить на исповедь. — Произнося это, я смотрю ему прямо в глаза, отказываясь отступать. — Я не думаю, что отец Донахью из-за этого выезжает на дом.

— Он бы сделал это, если бы я попросил. Голос Луки опасно мягок. — Так в чем же тебе нужно было признаться, София?

— Это касается только его и меня. — Я откидываю волосы назад, обхватывая себя руками. — Я не обязана говорить...

Лука делает угрожающий шаг вперед, снова сокращая расстояние между нами.

— Видишь ли, вот тут ты ошибаешься, София. Моя власть над тобой превосходит все остальное. Клятву, которую дал тебе священник. Твою личную жизнь. Даже Бога. В этом доме я бог, София, ты меня понимаешь? Так скажи мне, в чем тебе так сильно нужно было

признаться?

— Я не буду...

— Было ли это из-за того, как ты поцеловала меня в ответ в ту первую ночь у этой двери, всего на секунду, прежде чем дать мне пощечину? — Он указывает на входную дверь. — Или это было из-за того, как ты стонала и извивалась на моих пальцах, когда я наклонял тебя над этим диваном? — Он указывает на подлокотник, где я слишком хорошо помню, как лежала на животе, пока он дразнил меня, доводя до грани. — Может быть, оргазм, который ты испытала на глазах у того бедного официанта, пока я ласкал тебя пальцами под столом? Или то, как ты умоляла о моем члене в ту ночь, когда я наказал тебя? — Он холодно улыбается, и это пугает едва ли не больше, чем его свирепый взгляд. — А может быть, все еще хуже. Может быть, тебе нужно было признаться, как сильно тебе втайне понравилось той ночью, когда я пришел домой окровавленный. Когда я трахнул тебя и покрыл своей спермой. Это то, что ты рассказала священнику?

Он протягивает руку и берет меня за подбородок.

— Ты рассказала отцу Донахью все свои грязные секреты? Все, что мы делаем вместе в постели? Тебе было так стыдно за это, что тебе пришлось бежать к священнику, чтобы он мог подумать об этом позже, пока лежит в своей холодной постели и дрожит при мысли об этом хорошеньком личике, покрытом моей спермой? — Лука отдергивает руку, и я слегка спотыкаюсь, мое лицо бледнеет.

— Нет, — шепчу я. — Ничего подобного.

— Ой. Тогда у тебя, должно быть, есть какой-то секрет от меня. — Его глаза встречаются с моими, неумолимые и злые. — И? Тебе нужно было признаться в каком-то секрете, который ты скрываешь от своего мужа?

— Нет!

— Сегодня я часто продолжаю слышать это слово из твоих уст, жена. Но я не думаю, что ты это серьезно. — Он смотрит на меня сверху вниз. — Значит, ты ходила в церковь просить прощения? Исповедаться в своих грехах и получить отпущение грехов, как хорошая маленькая католичка?

— Да. — Я нервно облизываю губы, поднимая взгляд и надеясь, что он оставит все как есть. — Именно поэтому я и пошла. Прошло так много времени, и после нападения я испугалась...

При этих словах его лицо каменеет, и я не думаю, что когда-либо видела его таким сердитым.

— Значит, ты боишься? Ты думаешь, я не смогу уберечь тебя?

— Я...

— Я не могу обеспечить твою безопасность, София, потому что ты, черт возьми, не делаешь то, что тебе говорят. — Его челюсть сжимается, мускул на ней подергивается. — Если ты хотела попросить прощения, тебе следовало попросить его у меня, твоего мужа. За то, что не оценила всего, что я сделал, всем, чем я рисковал, чтобы обезопасить тебя. За то, что снова и снова испытываешь границы моего терпения. — Затем он наклоняется и расстегивает пряжку своего ремня. — Раз уж ты так озабочена прощением, София, давай начнем с этого. Встань на колени.

Я вижу, какой он твердый, толстый бугорок его члена упирается в ширинку, желая освободиться. Часть меня, та часть, которая всегда хочет уступить, когда он в таком состоянии, которая втайне наслаждается наказанием, унижением, намерена сделать именно

это. Я хочу опуститься перед ним на колени, взять его в рот и высосать досуха. Я хочу видеть, как он распадается на части, как его холодный жесткий фасад трескается, когда он достигает кульминации, его глаза горят диким огнем, а руки сжимаются, когда он теряет контроль. Я хочу быть той, кто заставит его сделать это.

Но я не могу поддаться этой части. Больше нет.

— Нет. — На этот раз слово выходит твердым, и я говорю серьезно. — Я не буду этого делать, Лука. Я не играю в эти игры. Больше нет.

К моему удивлению, он начинает смеяться. Это глубокий, раскатистый смех, идущий из его нутра, и он прикрывает рот рукой, плечи трясутся, когда он оставляет ремень частично расстегнутым, а другой опирается на диван. У меня мурашки бегут по спине, потому что я знаю, что будет дальше.

Еще больше гнева.

Но когда он говорит, в его голосе нет злости. Просто плоско и без чувства юмора, без чувств. Это почти хуже, чем прежняя страстная ярость.

— Ты ничего этого не заслуживаешь, — говорит он, качая головой. — Ты не заслуживаешь, чтобы с тобой обращались как с моей женой. Я женился на тебе, дал тебе убежище, кров, все самое лучшее, удовольствие, превосходящее все, что ты могла бы испытать в этом мире. Как ты думаешь, кто-нибудь из этих дерьмовых трахачей в Тиндере, которым ты, возможно, отдала бы свою девственность, заставил бы тебя кричать так, как я? Заставил ли тебя просить, умолять и кончать снова и снова? Черт возьми, нет. — Он морщится. — Ты ведешь себя так, как будто я причиняю тебе боль, как будто все, что я сделал, это какое-то ужасное бремя. Ты не будешь слушать, не будешь повиноваться, не будешь доверять моему суждению несмотря на то, что ты провела всю свою жизнь, защищенной от этого мира, и не знаешь ни малейшего понятия о том, как выжить в нем. И теперь ты, блядь, даже не можешь отсосать мне.

— Лука, я...

— Заткнись на хрен, — рычит он, и я вижу напряжение в каждой линии его тела, вижу его сжатую челюсть, стиснутые зубы, толстую линию его все еще твердого члена, и я знаю, что он на грани безумия.

После всего, что он сделал, чтобы вытащить тебя оттуда, ты действительно удивлена?

— Это, блядь, того не стоит, — говорит Лука с коротким смешком, качая головой. — Ты, блядь, этого не стоишь. Может быть, Витто все-таки был прав. Я должен был просто позволить ему, черт возьми, убить тебя.

Эти слова глубоко ранят. Они не должны, но моя рука поднимается, чтобы прикрыть рот, прежде чем я успеваю это остановить, мое горло сжимается. Это жестче, чем он когда-либо был раньше. Это не игра. Я думаю, он действительно так думает.

— Или я должен был позволить Виктору заполучить тебя, — продолжает он. — Я все равно наполовину склонен отдать тебя ему, посмотрим, есть ли от тебя еще какая-нибудь гребаная польза. На самом деле, ты уже позор, — говорит Лука, его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу. — Чертовски жаль.

Я едва могу говорить.

— Что?

Он снова смеется, холодно и надтреснуто.

— Я лишил тебя девственности. Жаль, поторопился, по крайней мере, тогда ты чего-то стоила бы.

А затем, не сказав больше ни слова, он поворачивается и уходит.

Горячие слезы подступают к моим глазам, непрошенные и жгучие из глубины души. Почему-то это кажется хуже, чем все, что он говорил мне раньше. Все, что он сделал. Потому что это не похоже на то, что он играет со мной. Такое чувство, что он действительно хочет избавиться от меня. Как будто он сожалеет о нашем браке.

Так ведь?

Это еще более сложный вопрос, чем когда-либо, потому что теперь этот брак дал мне кое-что еще. Что-то, чем я могу дорожить и любить, даже если я не могу, или не буду, любить Луку. Даже если он не ответит мне взаимностью.

Кое-что, что я не позволю ему отнять у меня.

По крайней мере, тогда ты чего-то стоила бы. Слова стучат у меня в голове, мучая меня. Что он имел в виду под этим? Имел ли он в виду что-то я для продажи, как я всегда думала, намеревался сделать со мной Виктор? Это не имеет смысла, потому что я знаю, что Лука всегда был категорически против практики Братвы по торговле женщинами. Это одна из вещей, которую итальянцы считают признаком того, насколько они утонченные, то, что они не покупают и не продают людей.

Они просто принуждают их к бракам, которых они не хотят.

Я знаю, что мне не следует подниматься за ним наверх. Я должна оставить его в покое, дать ему остыть. Дай нам обоим остыть. Но я ничего не могу с собой поделать. Я хочу знать, что он имел в виду, почему он сказал что-то подобное, что довело его до критической точки. Было ли это тем, что он увидел, когда пришел спасти меня на конспиративную квартиру? Сердится ли он на меня за то, что я ушла, потому что в глубине души это нечто большее, чем просто контроль?

Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, мое сердце бьется где-то в горле, когда я направляюсь к главной спальне. Я не знаю, какой будет его реакция на то, что я последую за ним сюда, но я не могу просто так это оставить. Неважно, как много я знаю, я должна.

Я почти ожидала, что дверь будет заперта, но это не так. Я осторожно открываю ее, заглядывая внутрь в поисках Луки, но его там нет. Сбросив туфли, я бесшумно ступаю по полу, поджимая пальцы ног, когда на цыпочках направляюсь в ванную, гадая, не туда ли он ушел. Я не собираюсь врваться к нему или что-то в этом роде, но...

То, что я вижу за углом двери, останавливает меня на полпути.

Лука склонился над стойкой, одной рукой упираясь в зеркало, в то время как другой яростно поглаживает свой член, крепко обхватывая себя, когда он дронит его сильно и быстро. Упругая плоть поблескивает на свету, скользкая от чего-то, чем он сначала смазал ее. Звук его влажного прикосновения кулака к коже заставляет что-то сжаться глубоко у меня в животе, ответное покалывание тепла распространяется по паху и ногам.

Я никогда не видела, как мужчина делает это, никогда даже не видела этого раньше, за исключением тех нескольких раз, когда смотрела порно. Я не могу перестать пялиться, зачарованная его видом, его кулак скользит по толстой, пульсирующей длине снова и снова, по сердитому красному кончику и обратно вниз. Его движения резкие, отчаянные, ноги расставлены в стороны. В том, что он делает, нет ничего чувственного. Он все еще полностью одет, только ремень расстегнут, и молния расстегнута, и что-то в этом делает его еще более горячим. Я вижу его отражение в зеркале, его челюсти сжаты, горло покраснело, когда он ласкает себя быстрее, подталкивая себя к оргазму. Я слышу, как он стонет, тяжело

дыша, его бедра толкаются в кулак, как будто он трахает его. Я знаю, без сомнения, что он представляет меня склонившейся над прилавком, что это в мою киску он входит с такой силой, что это мое возбуждение стекает по его длине, что это в меня он собирается кончить вместо своей руки.

С приливом пьянящего возбуждения, смешанного со смущением, я осознаю, что мокрая, мои трусики снова пропитались им, и у меня возникает внезапное желание залезть под юбку и потрогать себя, довести себя до оргазма, пока я наблюдаю, как мой муж дрочит, а он и не подозревает, что я рядом. Я прислоняюсь к стене, говоря себе, что проведу только по внутренней стороне бедра, только потру пальцами внешнюю сторону трусиков, что я просто хочу узнать, насколько я мокрая на самом деле.

Мне приходится сильно прикусить губу, чтобы не вскрикнуть, когда мои пальцы скользят под ткань, потирая мой клитор быстрыми, плотными кругами, когда Лука работает своей рукой. На его лице почти боль, а не удовольствие, его зеленые глаза пылают какими-то темными эмоциями, и я знаю, что он, должно быть, близко. Я тоже. Я собираюсь кончить, когда он это сделает. Я знаю это. В тот момент, когда я вижу, как он дергается вперед, с его губ срывается глубокий стон, а сперма вытекает из его члена, мне приходится засунуть кулак в рот, чтобы не закричать, и тереться о ладонь, пока мои ноги дрожат. Мои колени почти подгибаются, моя собственная кульминация захлестывает меня, когда я наблюдаю, как мой муж кончает в свой кулак, его рука все еще беспорядочно дергается, пока он не выжимает все до последней капли из своей пульсирующей длины.

А потом, пока я наблюдаю, Лука смотрит на свое отражение в зеркале, мускул на его щеке дергается, а челюсть сильно сжимается.

— Черт! — Кричит он, его голос наполняет комнату, и его кулак ударяет по стеклу. Один раз, а потом еще два.

Зеркало разбивается вдребезги, его осколки со звоном падают в раковину. Его рука прижимается к остаткам зеркала, и я вижу, как кровь стекает по стеклу, стекает по его пальцам, когда он склоняет голову.

О Боже. Лука. Что-то сжимается у меня в груди, и я иду к нему, не раздумывая. Вид его окровавленного и израненного тела задевает что-то глубоко внутри меня, и я иду в ванную, мое сердце бешено колотится, когда я осторожно приближаюсь к нему, как к раненой собаке, которая может укусить.

— Лука? — Я шепчу его имя, мой голос дрожит. — Ты ранен. Позволь мне помочь...

— Он поворачивается ко мне лицом, его зеленые глаза сияют от эмоций, настолько опасных, что я отшатываюсь, внезапно испугавшись.

— Убирайся! — Ревет он, сжимая свою кровоточащую руку. — Убирайся нахуй!

Я бегу. Я не знаю, что еще делать. Я выскакиваю из комнаты, бегу по коридору к себе и захлопываю за собой дверь, тяжело дыша, когда прислоняюсь к ней. И тогда, только тогда, когда я опускаюсь на ковер и закрываю лицо руками, я разражаюсь слезами.

ЛУКА

На следующий день я вызываю Франко к себе в офис. Там также есть неожиданный

гость, который уже сидит в одном из кожаных кресел к тому времени, когда входит Франко.

Анастасия Иванова.

— Какого хрена она здесь делает? — спрашивает Франко с испуганным выражением лица. — И что, черт возьми, случилось с твоей рукой? Он бросает взгляд на мою правую руку, замотанную марлей и бинтами. Я не стал утруждать себя походом в больницу. Несколько мучительных минут с пинцетом, извлекающим осколки стекла, и позже аптечка первой помощи, и все это должно хорошо зажить. Возможно, от этого останутся шрамы, но мне на это наплевать.

Если я не разберусь с этим в ближайшее время, несколько шрамов будут наименьшей из моих забот.

— Она здесь, потому что она нам нужна, — решительно заявляю я. — Нам нужно знать, чего хочет Виктор. И поскольку он настаивает на том, чтобы играть со мной в застенчивость и отказывается дать мне ответ, который я готов принять, мы собираемся прибегнуть к другим методам.

— Что, мы собираемся послать ее убить его? Гребаную балерину? — Франко фыркает. — Удачи, мать твою.

— Послушай... — начинает говорить Анастасия, но я заставляю ее замолчать свирепым взглядом. Она откидывается на кожаное сиденье, выражение ее лица мятежное.

— Нет. — Я откидываюсь на спинку стула, переводя взгляд с них двоих на Франко, который плюхается на сиденье рядом с Анастасией. — Мы пробовали запугивать. Мы пробовали боль. Мы угрожали Виктору и пытали его людей, но ничего из этого не сработало. Так что теперь мы попробуем что-нибудь другое. — Я натянуто улыбаюсь. — Удовольствие.

У Анастасии отвисает челюсть.

— Что? — Ее голубые глаза кажутся очень круглыми на бледном, нежном лице, и мне хочется рассмеяться. Я присмотрелся к ней. Я глубоко погрузился в ее прошлое, когда она впервые стала соседкой Софии по комнате, когда Росси хотел ее убить, чтобы драгоценная дочь Джованни не делила крышу с "грязной русской сукой", как он так галантно выразился.

Маленькая балерина иммигрировала вместе со своей матерью в детстве. После того, как ее отца казнили за то, что он провалил задание, на которое его послал пахан в Москве. Ему было приказано убрать всю семью, отца, мать и детей за преступление, совершенное отцом против Братвы. Отец Анастасии был готов убить этого человека без вопросов. Возможно, даже жену, в конце концов, она помогла своему мужу скрыть улики от пахана и знала о деньгах, которые он украл. Но дети? Он не мог этого сделать.

Он заплатил за это своей жизнью. Мать Анастасии сбежала, забрав свою дочь на Манхэттен, где она явно надеялась, что они смогут исчезнуть. Конечно, никто из Братвы никуда не исчезал. Но им было наплевать на суку мертвого солдата и его младенца. Сначала я подумал, не отправили ли Анастасию жить к Софии, чтобы следить за ней и отчитываться перед Братвой. Именно этого Росси и боялся. Но я не видел никаких доказательств того, что это было так.

— Знаешь, я спас тебе жизнь, — небрежно говорю я. — Росси хотел тебя убить, когда ты переехала к Софии. Но я убедил его, что ты не представляешь угрозы. Так что я бы сказал, что ты у меня в долгу, маленькая балерина.

— У меня есть имя. — Анастасия пристально смотрит на меня в ответ. — Так что, ты хочешь, чтобы я трахнула Виктора? — Фыркает она. — Звучит как хороший способ умереть.

— Ты можешь так же легко умереть в любом другом месте. Несчастные случаи случаются постоянно, каждый день. Ты могла бы идти по улице и бац... — Я щелкаю пальцами здоровой руки. — Что-то происходит. Падающий кирпич. Прохожий с пистолетом. Машина, которая ездит на красный свет. — Я холодно улыбаюсь ей, поясняя, что имею в виду. По выражению ее лица я вижу, что она понимает. — Но нет, не Виктор. Я хочу, чтобы ты внедрилась в Братву, да. Я хочу, чтобы ты получила информацию для нас, от одного из его бригадиров. Соблазняя его. Убеди его поделиться секретами, пока ты лежишь с ними в постели и дразнишь его. Мужчины разговаривают, когда их отвлекает секс.

— Ты точно это знаешь? — Анастасия ухмыляется. — Значит, ты умеешь разговаривать?

— Это не твое дело. — Я свирепо смотрю на нее.

— Может быть, я спрошу Софию.

— Я бы на твоём месте поостерегся втягивать Софию в неприятности в наши дни. Я слегка поджимаю губы. — Что ты скажешь? Ты сделаешь это?

— Подожди, — перебивает Франко. — Ты действительно думаешь, что это решение? Конечно, они знают, что она подруга Софии. Что, если они сложат дважды два, и это даст нам результат? Виктор не оценит...

— Я уверен, он оценит это больше, чем то, что мы продолжаем возвращать его людей по частям, — спокойно говорю я. — И, в конце концов, здешняя маленькая Анастасия не славится целомудрием. Так? — Я смотрю на нее, на моем лице все та же холодная улыбка. — Тебе нравится спать с кем попало, посещать подпольные клубы и запрыгивать в постель к сомнительным мужчинам. Разве это не правда?

Анастасия краснеет.

— Я не обязана сидеть здесь и выслушивать, как вы, два придурка, называете меня шлюхой, — шипит она, поднимаясь со стула. — Пошел ты.

— Сядь! — Мой голос гремит в маленькой комнате, и даже Анастасия, несмотря на весь свой вызов, отшатывается. — У тебя есть выбор, — говорю я ей, устремляя на нее испепеляющий взгляд. Но, как и София, она не уклоняется от этого. Ни одна из этих женщин не знает, когда отступить, мрачно думаю я. — Ты можешь сделать так, как я прошу, или смириться с последствиями.

— И что же это такое? — Спросила она, глядя на меня с вызовом на лице, и в этот момент я осознаю, по какому пути иду.

Она может выйти за тебя замуж или умереть. Голос Росси эхом отдается у меня в голове. Я уверен, ты знаешь, какой из них я бы предпочел.

Я поклялся, что, когда стану доном, я буду править по-другому. Что я сделаю другой выбор. И все же я здесь, делаю первые шаги по тому же пути.

— Ты знаешь, что, черт возьми, произойдет, если ты бросишь нам вызов, — говорит Франко, его глаза сужаются, и я резко оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Я еще не запрашивал помощи. — Мой голос напряжен. — Когда мне понадобится подкрепление, я дам тебе знать.

— Извини, чувак. — Франко пожимает плечами, но по его голосу можно понять, что ему не так уж и жаль.

— Что, ты собираешься убить меня? — Анастасия пристально смотрит на меня. — Если я не соглашусь пойти трахнуть кого-то из братвы ради тебя? — Она смеется, качая головой. — Вау, София действительно возненавидит тебя после этого. Ты просто пытаешься

разрушить свой брак, не так ли?

— Я не думаю, что это хорошая идея, — вставляет Франко, и я сердито смотрю на него, раздраженный тем, что меня прерывают во второй раз. Но я также удивлен. Не то чтобы ему было не насрать на Анну. Так что я не могу себе представить, в чем его проблема с этим планом.

— Ты хотел, чтобы я что-то сделал с этим, — говорю я натянуто. — И вот я кое-что делаю. Мы дадим Анастасии маленький диктофон, который легко спрятать. Он уловит все, что скажет ее метка. У них не должно быть никаких причин подозревать ее, особенно если она хороша в своей работе, а я бы не предложил этого, если бы не думал, что она будет хороша.

— Спасибо. — Сухо говорит Ана.

— Это пустая трата нашего времени и подвергание ее ненужной опасности, — говорит Франко, все еще протестуя. — Подумай о том, что будет чувствовать София, если ее лучшую подругу убьют из-за того, что мы послали ее шпионить за русскими. Ты знаешь, что они делают со шпионами и предателями. Ты действительно собираешься подвергнуть Анастасию такой опасности?

Я хмурюсь.

— Я никогда не видел, чтобы ты так беспокоился о Софии или о какой-либо другой женщине. Ты едва ли ты так беспокоишься о своей жене.

Франко пожимает плечами, его лицо ничего не выражает.

— Ты же сам говорил, что хочешь быть меньше похожим на Росси, чувак.

— Вот почему я не угрожаю Анастасии смертью, — криво усмехаюсь я.

— А ты не угрожаешь? — Ее рот кривится, выражение лица подозрительное. — Ну и что, если я откажусь?

— Тогда ты отказываешься. Но, Анастасия, они охотятся за твоей лучшей подругой. София нуждается в нашей защите. — Я знаю, в чем слабость Аны. Если и есть какой-то способ заставить ее согласиться на то, чего мы хотим, так это воззвать к ее любви к подруге. Она с гораздо большей вероятностью согласится, если почувствует, что делает это для Софии, а не для меня.

— Ты действительно думаешь, что это поможет ей?

— Если мы сможем выяснить, чего может хотеть Виктор, кроме нее, или что-то, что мы можем использовать в обмен на то, что он прекратит насилие против нас, тогда да. Но мы пытались сделать это с помощью насилия. Нам нужно попробовать что-то другое, и ты наш лучший выбор для этого.

— Потому что я русская?

— Да, — говорю я прямо. — Они будут готовы поверить, что ты пытаешься проникнуть в Братву, получить защиту, став любовницей или женой одного из бригаиров.

Ана нервно облизывает губы.

— Хорошо, — говорит она наконец. — Я сделаю это.

— Я все еще думаю, что это слишком опасно, — начинает говорить Франко. — Есть и другие способы достижения...

— Хватит! — Я качаю головой. — Я долгое время укрывал тебя, Франко. Но пришло время тебе повзрослеть и научиться принимать трудные решения. Да, мы подвергаем Анастасию опасности. Но мы постоянно подвергаем людей опасности. Она очень способная. — Я улыбаюсь ей, стараясь сделать это настолько искренне, насколько это

возможно в моем нынешнем настроении. — Верно?

— Конечно. — Ана хмурится. — Клянусь богом, Лука, если из-за тебя меня убьют...

— Ты будешь преследовать меня. Конечно. — Машу я ей рукой.

— Я перевоплощусь в гребаную ведьму и буду вырывать тебе ногти, пока ты спишь, — говорит она, свирепо глядя на меня. — Я знаю, что они сделают со мной, если поймают.

— Тогда не попадайся, — просто говорю я. — Если они не поверят, что ты пытаешься привязаться к члену клуба, тогда предоставь им небольшие фрагменты информации. Притворись, что ты используешь свою близость ко мне через Софию, чтобы предать меня. Если тебе понадобятся мелочи, которые не будут слишком вредными, дай мне знать, и я дам тебе все, что смогу. Ты умная девушка, Анастасия. Я уверен, с тобой все будет в порядке.

Взгляд, который она бросает на меня, говорит о том, что она не так уверена. Но на данный момент я не уверен, что еще можно сделать. Пришло время нам всем начать рисковать.

Первая встреча наших семей проходит на конспиративной квартире. Не в той самой, из которой я спас Софию, я не уверен, что смог бы войти в этот дом без желания убивать. Я всегда считал себя жестким, закаленным человеком. Но это потрясло меня до глубины души. Не только потому, что это была моя жена, но и из-за явной жестокости, ужаса, который они ей причинили. Я делал ужасные вещи с мужчинами, но с невинной женщиной? У всех нас есть свои границы, которые мы не переступим, по крайней мере, я всегда так считал. Но это заставило меня задуматься, были ли они вообще у Витто Росси, и это выбивает меня из колеи еще больше.

Потому что он был человеком, который создал меня.

Я не сомневался, что Колин Макгрегор появится. Ирландцы были близки с нами на протяжении десятилетий, с семидесятых годов, когда был заключен мир, и мы вместе занялись бизнесом, вместо того чтобы воевать друг с другом. С тех пор на дороге было несколько ухабов, несколько стычек и потасовок, но по большей части мир сохранялся. Я не могу себе представить, что Колин захотел бы рисковать этим каким-либо образом. Но в эти дни я начинаю задаваться вопросом, действительно ли я вообще знаю кого-нибудь из окружающих меня людей.

Однако рыжеволосый король ирландской мафии появляется за пять минут до назначенного времени, входя в комнату с уверенным видом, к которому я привык, когда дело касается его. Он самый старший из нас троих, его рыжие волосы стали маслянисто-белыми, какими так часто становятся рыжеволосые в пожилом возрасте, его челюсть покрыта густой щетиной того же цвета, усеянной несколькими упрямыми рыжими волосками. Он длинноносый и веснушчатый, с пронизательными карими глазами, и не в первый раз я не могу не заметить сходства, которое другие замечали между ним и Франко. Однако это всего лишь совпадения. В сейфе в моем кабинете есть документ, подтверждающий отцовство Франко, в котором его отца зовут Маттиас Бьянки. В нем итальянская кровь, насквозь. Но все же, я вижу знакомые черты лица моего лучшего друга в лице Колина, и это ни на йоту не перестает меня выбивать из колеи.

Интересно, появится ли Виктор? Если такое собрание, как это, называется официальным конклавом, то негласный закон гласит, что все главы семей должны присутствовать или прислать второго вместо себя. Вполне возможно, что Виктор пошлет Левина вместо того, чтобы соизволить прийти сам, и, конечно же, именно это он и делает. Я

вижу, как входит высокий, грузный мужчина со светло-русыми волосами и ледяными глазами, выглядящий опасно раздраженным, и я изо всех сил стараюсь не показать своего разочарования. Я хотел поговорить с Виктором, а не с его заместителем. Но результаты, я полагаю, будут теми же самыми. Левин говорит от имени Виктора точно так же, как Франко мог бы говорить от моего имени, или сын Колина Лиам мог бы говорить от его имени.

— Вы знаете, почему я позвал вас сюда, — говорю я, когда мы все, наконец, в сборе. Нас трое, и у каждого своя команда безопасности. Я поручил Франко достать Ане диктофон, необходимый ей для работы, и дать ей инструкции, которые я оставил. Это намеренно, я хочу, чтобы Франко понял, что со мной не будут спорить. Он может действовать как мой заместитель, иначе будут последствия. Я больше не могу позволить себе держать его за руку.

— Взрыв в отеле, да? — Колин пожимает плечами. — Я не имею к этому никакого отношения. Ни один из моих людей. По-моему, это похоже на насилие братвы.

— Это были не мы, — сухо говорит Левин. — Виктор не возьмет на себя ответственность. Смерть женщины Росси и других ваших людей на вашей совести. Ищи среди своих. Мы не возьмем вину на себя.

Я чувствую, как поднимается закипающий гнев, который мне в последнее время было так трудно сдерживать.

— Я дам вам еще один шанс. — Мой голос убийственно спокоен. — Я хочу мира. Витто Росси, может, и был кровожадным, но я — нет. Но и лжи я тоже не потерплю.

Колин пожимает плечами.

— Ты же знаешь, у меня нет никакого желания нарушать наш мир, брат. Но я не возьму на себя ответственность за преступление, которого я и мои люди не совершали, понятно? Ты не можешь этого ожидать.

— Ты уверен, что никто из твоих людей не действовал самостоятельно? Я прищуриваю глаза. — Возможно, несогласие в рядах? Альянсы, о которых ты не знаешь? Ты уверен, что все твои люди верны тебе?

Я вижу, как напрягается его челюсть, выражение его лица опасно меняется.

— Я знаю своих людей, парень, — говорит Колин, и в его голосе слышатся нотки раздражения. — Может, ты теперь и дон, Романо, но ты все еще на много лет моложе меня. Ты хочешь того уважения, которое мы оказали Витто, заслужи его. И подвергать сомнению мою способность контролировать своих людей и требовать лояльности, это не выход.

— Я не хотел проявить неуважение, — спокойно говорю я, сдерживая свой гнев. — Но ты же понимаешь, что мне нужно положить этому конец. Было слишком много крови.

— Ты такой же окровавленный, как и все мы, — фыркает Левин. — Сколько крови братвы запятнало полы ваших складов? Вода становится красной от этого. За последние месяцы вы избавились от стольких русских тел...

— Не так много, как будет еще, если это не приведет к какому-то решению. — Я прищуриваю глаза. — Мне нужны ответы. Так что говори, Левин.

Он пожимает плечами.

— Я второй после Пахана. Я не принимаю угроз, Романо. Ты не будешь отрывать от меня кусочки. Я говорю, что мы не несем никакой ответственности за эти нападения.

Нити, удерживающие мое самообладание, рвутся, когда я смотрю на холодное, ледяное выражение лица Левина, и я чувствую, как горячая ярость закипает в моей крови. В последнее время у меня короткий запал, на самом деле короче, чем желательно. Но я устал от того, что мной помыкают. Я устал бороться со всеми подряд. У Росси были годы покоя, и

я унаследовал это...

Это абсолютное дерьмовое шоу.

— Хватит! — Я хлопаю ладонями по столу, вставая. — Я дон, и у меня здесь власть! Ни один ирландец не владеет ни частью Манхэттена, ни территорией между этим местом и Бостоном. Вы удерживаете Бостон, потому что мы, черт возьми, позволяем это. Братва хранит то, что мы любезно позволили им сохранить. Мы могли бы стереть с лица земли каждого гребаного русского, если бы я того захотел. Итак, вот мои условия. — Я оглядываю комнату, впиваясь взглядом в каждого собравшегося мужчину. — Мне нужно имя для конклава. Если не будет имени, между нашими тремя семьями начнется война. Я ни перед чем не остановлюсь, чтобы уничтожить всех, кто мог быть причастен к этому. Я говорю это сейчас, здесь, поскольку мы собрались официально. Назовите имя, или прольется кровь.

Колин ерзает на своем сиденье.

— Ты сказал, что не хочешь войны, парень. Но сейчас твои слова говорят об обратном.

— Я не хочу войны, — повторяю я. — Но, очевидно, пришло время мне утвердить свое место среди вас, и да, мое место над вами. Поэтому я говорю это сейчас, еще раз.

Мой взгляд перебегает на Левина, а затем обратно на Колина. И когда я говорю, я говорю искренне, не колеблясь:

— Имя того, кто несет за это ответственность. Или я убью вас всех.

СОФИЯ

Мне нужна Ана.

Это потребовало некоторых усилий с моей стороны, но я придумала, как взломать пароль iPad, чтобы я могла подключить его и отправить текстовое сообщение. Я знаю, что увижу Катерину на этой неделе, но она подавлена всем, что случилось с ее семьей. Кроме того, я знаю, что есть только один человек, которому я действительно могу доверить свой секрет.

Моя лучшая подруга.

Когда Ана входит, она бросает на меня один взгляд и идет прямо ко мне, притягивая меня в объятия, она проводит рукой по моей спине, крепко сжимая меня.

— Лука знает, что я здесь? — Тихо бормочет она, обнимая меня, и я качаю головой.

— Нет. Я придумала, как написать тебе сама.

— Тогда давай поговорим в ванной, — говорит Ана мне на ухо. — Там ведь нет камер, верно?

— Боже, я чертовски надеюсь, что нет.

Вот так мы оказываемся в огромной ванной комнате рядом с моей комнатой, сидим на теплом кафеле, прислонившись спинами к джакузи. Это кажется странно острым, поскольку меня столько раз тошнило здесь с тех пор, как я поняла, что, должно быть, беременна. Я откидываю голову назад, искоса поглядывая на свою подругу.

— Что-то не так, не так ли?

— Да. — смеюсь я. — Что-то действительно чертовски не так.

— Лука? — Ана протягивает руку и просовывает свои пальцы между моими. — Он

делает тебе больно?

— Не совсем так. Я имею в виду, что с ним нелегко жить, это точно. Но он не такой... не бьет меня или что-то в этом роде, если ты это имеешь в виду. — Я не могу начать рассказывать ей об играх разума, в которые он играет со мной в постели, потому что тогда мне пришлось бы объяснять, что иногда мне это нравится, что меня одновременно отталкивает и возбуждает то, как мы ссоримся друг с другом, и что ничто в моей жизни никогда не смущало меня так сильно, как Лука, когда так делает.

— Тогда что? — Спрашивает Ана, глядя на меня с неподдельным беспокойством, написанным на каждом дюйме ее лица, и от этого мне хочется рассыпаться в прах. Я чувствовала себя одинокой, как мне кажется, уже очень давно, и, видя, что моя подруга готова выслушать, помочь мне, если сможет, сидя здесь, в маленьком теплом убежище моей ванной, я чувствую, что могу поделиться с кем-нибудь своим секретом.

Я могу, по крайней мере, сказать ей.

— Я беременна. — Слова произносятся шепотом, повисая в пространстве между нами, и у Аны буквально отвисает челюсть, когда она смотрит на меня.

— О боже, София. — Ана прижимает руку ко рту. — Что ты собираешься делать? Лука знает?

— Нет! И ты ничего не скажешь ему. Он... — Я делаю паузу, снова чувствуя тошноту.

— Я бы никогда, — обещает Ана. — Ты же это знаешь. Но почему у тебя такой испуганный вид? Конечно, Лука был бы счастлив... это возможный наследник для него. Разве не этого хотят все эти мачо из мафии? Сыновей, чтобы доказать, что они мужественны и могут передать все это дерьмо дальше? — Она машет рукой вокруг, указывая на пентхаус и богатство Луки.

Я качаю головой, прикусывая нижнюю губу.

— В контракте, который он заставил меня подписать, был пункт о том, что я не могу забеременеть. Если я это сделаю, то должна немедленно прервать беременность или потерять все. Защиту Луки, мои права как его жены, все. Если я этого не сделаю, тогда контракт между нами недействителен. Соглашение о сохранении мне жизни недействительно.

На лице Аны такой ужас, какого я еще никогда не видел.

— О, София, — шепчет она. — Почему?

— Я не знаю, — говорю я несчастно, качая головой. — Я этого тоже не понимаю.

— Почему ты согласилась на это?

— На самом деле у меня не было особого выбора. Но я также не планировала с ним спать, помнишь? Я заставила его согласиться оставить меня девственницей. Но потом вмешался Росси и убедился, что нам придется это сделать. И после этого...

— Вы, ребята, снова это сделали? — Глаза Аны становятся еще круглее. — София, обычно я бы поздравила тебя с тем, что ты наконец-то переспала с кем-то и получила от этого удовольствие, но это... что изменилось? Ты был так уверена...

— Я не знаю, — признаюсь я. — Тот нападение... и Лука, услышав об этом, примчавшийся напрямик домой с мальчишника Франко. Я была так травмирована и напугана, а Лука просто примчался, как какой-то рыцарь на белом коне. Я знаю... я знала, что он кто угодно, только не рыцарь. Но я забыла всего на минуту. На самом деле, много минут, — признаю я, и мое лицо краснеет. — Их было очень много.

— И это был единственный раз?

— Нет, — говорю я, мое лицо пылает еще сильнее. — Но это та ночь, когда мы не пользовались презервативом. И был еще один раз, когда мы этого не сделали, но... я знаю, что это было в ту ночь. Я просто не думала...

— Боже, София. — Ана качает головой. — Что ты собираешься делать?

— Я не знаю. — Я снова прикусываю губу, стараясь не заплакать. — Мне нужен выход. Я пыталась пойти к отцу Донахью, и он собирался помочь мне, но потом меня похитили из церкви. И теперь Лука держит меня еще крепче, в большей безопасности, я больше не собираюсь убегать. Но если я начну показывать... — Тогда слезы наворачиваются у меня на глаза, прежде чем я успеваю их остановить. — Я должна что-то сделать, Ана. Я должна спасти своего ребенка.

Ана просто наблюдает за мной, ее глаза широко раскрыты и печальны, и по выражению ее лица я вижу, что она в такой же растерянности, как и я.

— Я не знаю, что тебе сказать, София. Лука узнает, что я приходила навестить тебя, и, может быть, он разозлится, а может быть, и нет. С ним ничего нельзя сказать наверняка. Но я видела, какую охрану он установил вокруг этого места и внутри него, и я не знаю, как ты вообще сможешь снова уйти. Он крепко держит тебя в клетке. — Она прикусывает губу. — Мне жаль девочка. Я даже не знаю, что о нем сейчас думать. Я думала, он делал это, чтобы защитить тебя, но теперь... я не могу поверить, что он заставил тебя пообещать это.

— У меня есть идеи, — шепчу я. — Я придумала это сегодня утром. Но мне понадобится твоя помощь. И я не хочу просить тебя подвергать себя опасности ради меня...

Ана фыркает.

— София, Лука уже просил меня сделать именно это.

— Что? — Я смотрю на нее в замешательстве. — Что ты имеешь в виду?

— Лука попросил меня внедриться в Братву, — категорично говорит Ана. — Он хочет, чтобы я переспала с кем-нибудь из бригадиров и посмотреть, смогу ли я что-нибудь из них вытянуть Обычная Мата Хари. — Она пожимает плечами. — Он сказал, что это для того чтобы помочь тебе. Чтобы выяснить, чего хочет Виктор, чтобы он мог понять, как заключить мир. Пока не случилось чего-нибудь похуже.

— Случится что-то похуже, если я не найду выход.

— Я думаю, Лука действительно заботится о тебе, — колеблется Ана. — Но...

— Теперь не имеет значения, что он чувствует ко мне, — настаиваю я. — Все, что имеет значение, это защита моего ребенка. Он зол. Ты это видела. Он больше женат на мафии, чем когда-либо будет женат на мне. Неужели ты думаешь, что он выберет нашего ребенка и меня вместо того, ради чего он работал всю свою жизнь? Я даже не знаю, почему он настаивал на этом пункте, но на то должна быть причина.

— Итак, что я могу сделать? — Ана смотрит на меня, ее губы кривятся от беспокойства. — Я уже подвергаюсь опасности. Так что, София, если я смогу помочь, я это сделаю. Ты же знаешь, я бы сделала для тебя все, что угодно. И я всегда буду предана тебе больше, чем кому-либо другому.

— Я знаю. — Я сжимаю ее руку. — Ты моя лучшая подруга. Когда я размещала это объявление о поиске соседа по комнате, я никогда не думала, что найду кого-то, с кем буду так близка. Ты нечто большее... ты сестра, которой у меня никогда не было.

— Я чувствую то же самое. — Ана склоняет голову набок, на мгновение кладя ее мне на плечо, прежде чем сесть и посмотреть на меня серьезными глазами. — Так скажи мне, что тебе нужно.

Я делаю глубокий вдох и объясняю идею, которая пришла мне в голову сегодня утром. Это не очень здорово, но это все, что у меня есть.

— Я не хочу смерти Луки, — тихо говорю я. — Он отец моего ребенка, и я... мои чувства к нему сложны. Но я знаю, что не хочу, чтобы он умирал. Но если бы Братва могла помочь мне без этого... моя мать была русской. В моих жилах течет русская кровь, и, возможно, если бы Виктор знал это, он помог бы мне ради нее.

— Ты думаешь, Виктор еще не знает?

Я пожимаю плечами.

— Братва продает русских девушек?

— Я не знаю. — Ана прикусывает нижнюю губу. — Значит, если он не знает, ты думаешь, это могло бы тебе помочь?

— Возможно. Я не знаю. Но, может быть, он бы так и сделал. В первую очередь они не хотели, чтобы я добралась до Луки. Так что, может быть, я смогу дать им что-нибудь без того, чтобы его на самом деле убили. Это все, о чем я могу думать, — беспомощно говорю я. — Я не знаю, что еще делать. Иначе я бы никогда не попросила тебя об этом... я бы попыталась уговорить Луку не заставляя тебя делать то, о чем он просит. Но я в отчаянии. — Последние слова вырываются шепотом, их трудно даже произнести вслух. Я так старалась быть сильной, несмотря на все это, но я чувствую, что ломаюсь.

— Я постараюсь выяснить все, что смогу, — обещает Ана, сжимая мою руку. — Я посмотрю, смогу ли я получить какую-нибудь информацию о том, чего они хотели от тебя, помимо того, чтобы добраться до Луки. И если я смогу что-нибудь сделать, чтобы вытащить тебя отсюда, я это сделаю.

— Спасибо тебе, — шепчу я. — Это так много значит для меня, Ана, я...

— Послушай, — настойчиво говорит она. — Это опасно, София. Действительно опасно. Ты даже представить себе не хочешь, что сделает со мной Братва, если они об этом узнают. Я должна сыграть это идеально, иначе я покойник. Хуже, чем мертвец. Ты понимаешь?

Я киваю, у меня перехватывает горло. Я не рассказывала Ане, что случилось со мной на конспиративной квартире, но я понимаю это лучше, чем она думает.

— Что тебе от меня нужно?

— Мне нужно, чтобы ты заставила Луку поверить, что тебе жаль. Что ты никуда не денешься. Что ты будешь слушаться его, делать то, о чем он просит, и будешь идеальной маленькой женой мафиози, пока я не придумаю что-нибудь для тебя. Соблазняй его, делай его счастливым, это все, что тебе нужно делать. Просто не ссорься с ним и не настраивай его против себя. Ну, — поправляется она, — может быть, совсем чуть-чуть. Если ты станешь полностью покорной, он действительно поймет, что что-то не так. — Ана смеется, но в этом не так много юмора. — Просто... заставь его думать, что ты усвоила свой урок. Ты можешь это сделать?

До сих пор я бы сказала нет. Все во мне восстало бы против того, чтобы быть послушной маленькой женой. Но теперь все по-другому. И если Ана собирается вступить в Братву, трахаться с их бригадами, чтобы получить информацию, подвергать себя такой опасности, самое меньшее, что я могу сделать, это очаровать и заняться сексом со своим мужем, который одновременно великолепен и возбуждает меня, даже если иногда я его ненавижу.

— Да, — тихо говорю я. — Я могу это сделать.

— Хорошо. — Ана улыбается мне. — Я собираюсь помочь тебе, София. Я обещаю. Мы в

этом вместе, ясно? Я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедиться, что ты и твой ребенок выберетесь отсюда в целостности и сохранности. — Она опускает взгляд на мой живот. — Странно думать, что ты беременна. Господи, тебе даже двадцати двух нет.

— Я знаю. — Я нервно облизываю губы. — Я не знаю, как быть матерью. Я боюсь, что из меня выйдет ужасная мать. Особенно, если я сама по себе...

— Я думаю, это первый шаг к тому, чтобы стать хорошим родителем, — говорит Ана. — Если ты беспокоишься о том, чтобы стать таковым. Все будет хорошо. Всего один день за раз. — Она делает глубокий вдох. — Я знаю, что это единственный способ пройти через это.

Я не теряю времени даром. Когда Лука приходит домой, я держусь от него подальше, пока не слышу, как он идет в хозяйскую спальню, и звук включающегося душа. В тот момент, когда я слышу это, я захожу в спальню, снимаю дизайнерские джоггеры и майку, которые были на мне весь день, и бросаю их на пол с колотящимся в груди сердцем. Я много раз уступала Луке, даже приветствовала его заигрывания в течение того короткого периода времени, когда казалось, что между нами действительно все налаживается. Но я еще не была инициатором. Я не пыталась соблазнить его. Мне интересно, вызовет ли у него тревогу то, что я это сделаю, и я знаю, что должна быть осторожна в том, как я это делаю. Мне нужно быть убедительной...это, должно стать, лучшей игрой в моей жизни.

Воспоминание о том, что произошло сегодня утром, проносится у меня в голове. Возможно, в конце концов, мне не придется так много притворяться. Независимо от всего остального, ясно, что меня по-прежнему влечет к нему, и я по-прежнему противоречива.

Лука стоит спиной к двери душа, запустив руки в волосы и проводя мылом по густым темным прядям. Я делаю глубокий вдох и гольшом направляюсь в душ, открываю стеклянную дверь и захожу внутрь.

— Лука, — тихо говорю я.

Он выворачивается из-под одной из двух насадок для душа, мыльная вода попадает ему в глаза. Он проводит рукой по лицу, смахивая ее, и смотрит на меня с по-настоящему шокированным выражением на лице.

— София. — Его голос холоден, без тени нежности. — Какого хрена, по-твоему, ты делаешь?

Ладно, значит, он закрыт для меня. Нет ничего такого, чего бы я раньше не видела. Пытаясь унять бешено бьющийся пульс, я делаю еще один шаг к нему, кладу руки ему на грудь. Я чувствую его сердцебиение, сильное и ровное за стеной мышц, чувствую, как он напрягается под моими руками.

— Что ты делаешь? — Повторяет он, глядя на меня сверху вниз с подозрением в своих зеленых глазах. Я думаю, он действительно великолепен, учитывая точеные скулы, сильную челюсть, мускулистые руки, воду, стекающую по всему этому, по груди и по линиям бедер, глубокие разрезы мышц, ведущие к...

Он уже твердый и утолщенный, просто от того, что увидел меня обнаженной. Это дает мне ощущение силы, ощущение того, что я не совсем беспомощна во всем этом. Я провожу руками по его груди, вниз к прессу, заглядывая ему в глаза с выражением, как я надеюсь, раскаяния.

— Ты был прав раньше, — мягко говорю я. Я позволяю своему голосу немного дрожать, он будет ожидать этого от меня. Я никогда не была опытной соблазнительницей. Он будет ожидать нервозности, колебаний. Мне не нужно притворяться, что я не боюсь, и это, по

крайней мере, облегчение. — Это я должна просить у тебя прощения.

— О? — Вопрос повисает между нами, и я вижу, что подозрение все еще написано на его лице. — За что?

— За то, что сбежала. — Я облизываю губы и вижу, как его взгляд скользит вниз к ним, задерживаясь там на мгновение, прежде чем скользнуть по остальной части моего тела и вернуться обратно. — За то, что заставила тебя волноваться. За то, что заставила тебя прийти и спасти меня, сделать все, что ты сделал...

Он ловит мои блуждающие руки в своих, сжимая их почти до боли.

— Почему я тебе не верю, София? Тебе придется постараться еще больше, чтобы убедить меня.

— Я знаю, что была неправа, — шепчу я. — Я запаниковала. Ты пришел домой окровавленный, а потом грубый секс, то, как ты обращался со мной... это напугало меня, Лука. Я думала, мы были...

— Влюблены? — Его голос насмешлив. — Я знал, что ты глупа, но не думал, что ты настолько инфантильна.

— Нет, я... мне жаль, — шепчу я снова, умоляюще глядя на него. В конце концов, мне не нужно ничего делать, потому что я умоляю его. Умоляю его поверить мне, сдаться, позволить мне соблазнить его и заставить поверить, что я хочу быть здесь. — Позволь мне загладить свою вину перед тобой.

— И как ты собираешься это сделать? — Лука приподнимает бровь, выгибая ее дугой, когда смотрит на меня сверху вниз без тени эмоций. Без колебаний я опускаюсь на колени, чувствуя теплый пол под ними, когда поднимаюсь, одной рукой упираясь в его бедро, а другой тянусь к нему. Его член пульсирует под ладонью в тот момент, когда я обхватываю пальцами его длину, твердый, горячий и готовый, и я не могу притворяться, что мне не приятно осознавать, что я его возбуждаю. Что он хочет меня. Меня. Этот мужчина, у которого может быть любая женщина, которую он когда-либо захочет, считает меня красивой. Сексуальной. Желанной.

Он не раз говорил, что я для него как наркотик. Что он чувствовал себя одержимым мной, зависимым от меня. Что он не мог перестать хотеть меня. Я начинаю думать, что зависимость проявляется в обоих направлениях. Потому что я тоже это чувствую.

Я должна ненавидеть его, но, когда я наклоняюсь вперед и касаюсь его губами, я чувствую горячее возбуждение, разгорающееся внизу живота, растекающееся по венам, просачивающееся в кровь. У него приятный вкус, солоноватая слизь его предварительной спермы растекается по моим губам, и это заставляет меня чувствовать себя грязной, сексуальной и чувственной одновременно, когда я провожу языком по нему и вокруг него, слыша, как он стонет. Я не бессильна, думаю я про себя, когда беру в рот дюйм, а затем другой, закатываю глаза вверх, чтобы посмотреть на его расслабленное лицо и остекленевшее выражение, удовольствие написано на каждом дюйме его лица. Его рука зарывается в мои волосы, когда я подаюсь вперед, хватаясь за его бедра обеими руками, пока беру все больше и больше его толстого члена, полная решимости взять его всего в рот и в горло, почувствовать, как он теряет контроль.

Обе его руки запутываются в моих волосах, когда я толкаю его глубже, немного задыхаясь, когда чувствую, как его пальцы вдавливаются в мою кожу головы, его стоны наполняют влажное пространство душа, когда я задерживаюсь у основания всего на мгновение, мой нос касается его живота, прежде чем скользнуть обратно, он наблюдает, как

я провожу языком по его стволу на всем протяжении, дразня его под чувствительной головкой, пока я задыхаюсь.

— Вот так, — стонет Лука. — Отсоси мне, стоя на коленях, жена. Покажи мне, насколько ты сожалеешь. — Моя рука скользит между его ног, обхватывая его яйца, когда я провожу большим пальцем по нежной коже, нежно приподнимая их в ладони, когда я снова опускаюсь, мои губы сжимаются вокруг него, и я чувствую, как он пульсирует у меня во рту.

Я продолжаю, дразня, облизывая и посасывая. Я теряюсь в этом, в мыльно-мускусном аромате его кожи и ощущении его в моих руках и во рту, его упругая, горячая кожа обжигает мой язык, его скользкий вкус накапливается там, когда я двигаюсь быстрее, мои руки скользят вверх по его бедрам, пока я отдаюсь ему, поддаваясь желанию почувствовать его, узнать его еще больше, получить от этого хоть какое-то удовольствие. Я знаю, что мокрая, мои складочки набухли и скользкие от моего собственного возбуждения, когда я опускаюсь на него. Невозможно не возбудиться, когда я смотрю на высеченного из камня мужчину, возвышающегося надо мной, каждый дюйм его тела напрягается от желания, его стоны поднимают мое желание на еще большую высоту. Он чувствует себя хорошо, и я хочу его. Я хочу большего. В этот момент я понимаю, как легко я могла бы потеряться в своей собственной игре, как легко я могла бы снова влюбиться в него, и я знаю, что мне нужно быть осторожной.

— Черт, София... — Лука стонет мое имя, когда его рука сжимает мои волосы, прижимая мой рот к себе, а его бедра толкаются вперед. Он не утруждает себя предупреждением, но по его реакции я понимаю, что он вот-вот кончит, по тому, как напрягаются мышцы его бедер под моими руками. Его тело подается вперед, другой рукой он опирается о стену, его бедра беспорядочно дергаются, и первая горячая струя его спермы заполняет мой рот. Я судорожно сглатываю, вбирая все это, пока он продолжает толкаться, продолжая сосать, пока он не отстраняется, все еще содрогаясь от удовольствия, и в его глаза возвращается часть сосредоточенности.

Я неуверенно встаю, но, прежде чем успеваю что-либо сказать или сделать, Лука хватается меня, прижимая спиной к кафельной стене, его рука снова запутывается в моих волосах, его рот обрушивается на мой.

Это не нежный поцелуй, не любящий. Его язык проникает в мой рот, толкаясь, заявляя права, и я чувствую, как его наполовину твердый член прижимается к моему бедру, а его рука пробирается между моих ног.

— Мокрая, — торжествующе произносит он, когда его пальцы погружаются в меня, даже не потрудившись воспользоваться моментом, чтобы облегчить себе вход, но это не имеет значения. Я покраснелась, набухла и возбудилась, уже изнывая от желания, и я вскрикиваю ему в рот, когда его пальцы входят и выходят из меня, его большой палец прижимается к моему клитору, когда он терся о мое бедро. Я чувствую гнев в его страстном поцелуе, его нос натывается на мой, зубы лязгают, когда он внезапно хватается меня за талию и разворачивает, прижимая к стене, в то время как его пальцы снова ныряют мне между ног.

— Я собираюсь заставить тебя кончить, — рычит он мне на ухо, и это звучит почти как угроза. Его рот прижимается к моей шее, покусывая, посасывая все ниже, к изгибу моего плеча, в то время как его пальцы погружаются в мою насквозь мокрую киску и выходят из нее. Я чувствую, как сжимаюсь вокруг него, притягиваю его к себе, желая большего. Мои ноги раздвинуты, спина выгибается дугой, задница прижимается к его паху, и я знаю, что нет смысла бороться с этим. Мое тело взяло верх, и мое тело хочет Луку.

— Пожалуйста, — беспомощно шепчу я. — Пожалуйста...

— Пожалуйста, что? — Он снова посасывает мою шею, сильно, вонзая в меня пальцы. — Пожалуйста, позволь мне кончить? Пожалуйста, трахни меня? Пожалуйста, дай мне твой член? Чего ты хочешь? — Его пальцы замедляются, когда он подводит меня к грани оргазма, его большой палец соскальзывает с моего клитора, и я протестующе мяукаю, потираясь об него. — Ты должна сказать мне, — говорит он, и я слышу насмешливые нотки в его голосе. Ему нравится заставлять меня умолять об этом, нравится заставлять меня нуждаться в нем. Нравится слышать, как сильно он меня заводит.

— Пожалуйста, позволь мне кончить, — шепчу я, хотя могла бы сказать что угодно из этого, и это было бы правдой. — Пожалуйста...

— Ну, раз уж ты так любезно попросила.

Его большой палец снова прижимается к моему клитору, потирая, поглаживая, и это в сочетании с его пальцами, с твердым прижатием его тела к моей спине, ощущением его твердеющего члена у моей задницы сводит меня с ума. Я чувствую, как нарастает оргазм, напрягая мои мышцы. Затем это взрывается без предупреждения, захлестывая меня волнами удовольствия, которые заставляют меня чувствовать, что у меня подгибаются колени. Я не могу удержаться на ногах и чувствую, как рука Луки обхватывает меня за талию, напрягаясь, пока я выгибаюсь и извиваюсь под ним, беспомощно постанывая. Удовольствие кажется всепоглощающим, почти слишком приятным, и когда я чувствую, как он раздвигает мои ноги шире, наклоняет меня, двигаясь между моих бедер, у меня и в мыслях не возникает попытаться остановить его. Дело даже больше не в том, чтобы соблазнить его, обмануть... я просто хочу этого.

В этот момент все это реально. Стон, когда я чувствую, как он входит в меня, твердый, горячий и напряженный, то, как выгибается моя спина, мои ногти царапают кафель, когда я прижимаюсь к нему, желая большего, желая всего этого. Я хочу, чтобы он жестко входил в меня, снова и снова, наполняя меня, чтобы он покусывал мое плечо, чтобы стоны срывались с его губ.

— Черт, ты тугая, — бормочет он, его теплое дыхание касается моего уха, когда он входит в меня сзади. — Как гребаная девственница каждый раз. — Он втягивает мою мочку в рот, его руки скользят по моей талии, бедрам. — Мне нравится, что в тебе был только мой член. Единственный, кого ты знаешь. И ты ощущаешься так чертовски хорошо...

— Ты тоже, — стону я, и я говорю серьезно. В этом и есть загвоздка, то, что каждый раз выводит меня из себя, потому что он действительно ощущается божественно. Он чувствует себя правым. В такие моменты я не хочу уходить. Я хочу остаться, и, если бы мы могли остаться в этом моменте навсегда, окутанные знойным теплом душа, под струями воды, льющейся на нас, его тело прижатое к моему, когда он погружается в меня снова и снова, я бы это сделала. Если бы не было будущего, было бы только сейчас, повторяющееся снова и снова. Но этому придет конец. Я чувствую, что это вот-вот закончится, его толчки становятся все более беспорядочными, мое тело напрягается, и я вскрикиваю. — Позволь мне кончить еще раз, — умоляю я. — Заставь меня кончить, Лука, пожалуйста...

Он толкается снова, до упора, прижимаясь ко мне бедрами, и звук, который я издаю, почти похож на крик, когда второй оргазм обрушивается на меня. Лука толкает меня вперед, к стене, удерживая мое содрогающееся тело там, прижимаясь ко мне, когда я жестко кончаю на его член, сжимая каждый дюйм его тела. Я не хочу, чтобы он выходил, я хочу, чтобы он оставался внутри меня, кончал в меня, но у него нет презерватива, и он не знает, что я уже

беременна.

Я хнычу, когда он выходит, а Лука стонет, затаив дыхание, когда я слышу звук его руки, сжимающей свой член.

— На колени, — рычит он. — Я хочу снова кончить тебе в рот, пока ты пробуешь себя на вкус.

Я даже не думаю об этом, когда снова падаю на колени. Я теряюсь в дымке удовольствия, мое тело все еще слабо пульсирует от него, и я беру его в рот, пробуя себя на вкус, пока мой язык пробегает по всей его длине. При моем возбуждении это почти приятно на вкус. Это заводит меня, знать, что он был внутри меня, что это я подтолкнула его к краю, я заставляю его кончить сейчас, он хватается себя за волосы и стонет с почти болезненным звуком, его сперма стекает по моему языку и в горло во второй раз за сегодняшний вечер.

Когда он, наконец, заканчивает, я слабо встаю, мое сердце все еще бешено колотится. Лука смотрит на меня, и я все еще вижу настороженность на его лице, но секс снял с него напряжение. Это я могу сказать точно.

— Если ты так извиняешься, — хрипло произносит он, — может, мне стоит почаще позволять тебе попадать в неприятности.

Я моргаю, глядя на него, прикрывая рот рукой, чтобы подавить смех, но затем он ухмыляется, и я понимаю, что он намеренно шутит. Это случается так редко, мы ссоримся и трахаемся, но, если и было чего-то, чего не хватало даже в тот краткий промежуток времени, когда все казалось нормальным, так это смеха.

Мы с Лукой редко смеялись. И когда мы оба начинаем, неуверенно, не до конца, я чувствую, что мне дается еще один крошечный проблеск того, как все могло бы быть, если бы все было по-другому. Но, конечно, это не так. И я должна помнить, что я здесь делаю.

— Я хочу остаться на ночь, — тихо говорю я, возвращаясь к своей роли, когда прислоняюсь к нему, проводя руками по его груди. — В постели с тобой. Я хочу вернуться в нашу постель.

Лука проводит рукой по моим мокрым волосам, и я чувствую, как он смягчается, теряет бдительность. Хорошо.

— Хорошо, — говорит он. — Было бы не плохо не спать в одиночестве.

Это признание, исходящее от него, удивительно. Но я не позволяю ему увидеть удивление на моем лице.

Позже, когда я лежу на своей половине кровати с выключенным светом, Лука уже спит далеко на другой стороне, я поворачиваю голову и смотрю на все пространство между нами. Было время, когда я думала, что смогу преодолеть этот разрыв. Я смотрю на лицо Луки, более мягкое во сне, и пытаюсь представить нас другими людьми.

Я пытаюсь представить его с ребенком, чего я никогда раньше не делала. Это почти невозможно сделать. Я пытаюсь представить, как он держит на руках младенца, кормит малыша с ложечки, помогает нашему сыну или дочери с домашним заданием. Ничто из этого не вяжется с образом того Луки, которого я знаю. В нем недостаточно любви ко мне или, по крайней мере, так он говорит, так что же было бы для ребенка?

Я думаю о Катерине, которую всю жизнь воспитывали в осознании того, что все, что она пыталась сделать для себя: ученая степень, образование, карьера, будет лишено смысла из-за той жизни, которую она выбрала для себя. Если бы я каким-то образом осталась с Лукой и у нас родился этот ребенок, какое будущее было бы у него или у нее? Сын был бы воспитан так, чтобы взять власть в свои руки, окунуться в ту же кровь и смерть, что и Лука.

Я думаю о моем взрослом сыне, возвращающемся домой окровавленным, как это делал Лука, о том, как он пытается людей, заставляя их умолять и плакать, прежде чем убить их. Мой желудок переворачивается от тошноты, которая не имеет никакого отношения к беременности.

Но разве дочь была бы лучше? Я думаю о своей дочери, воспитанной в осознании того, что ее жизнь зависит от мужчины, от брака, что ее отдадут тому, кто окажется наиболее выгодной партией, как если бы мы жили сотни лет назад, а не в современном Нью-Йорке. Я могу точно представить, какая жизнь была бы здесь у наших детей. Это жизнь, из которой мой отец пытался вытащить меня только для того, чтобы я оказалась в ее ловушке. Я не могу позволить, чтобы моего ребенка постигла та же участь, думаю я, дотрагиваясь до своего живота в темноте, когда здесь никто не видит. Я должна быть сильнее.

Уже не в первый раз я удивляюсь, почему отец не ушел. Должно быть, это было как-то связано с лояльностью, с дружбой, с его связями с Росси и мафией, а его друг Марко расходился с его преданностью своей семье. Я чувствую, что тот же самый выбор давит на меня, потому что нравится мне это или нет, но у меня есть чувства к Луке, которые не просто ненависть. И будет нелегко не только уйти, но и предать его.

Одно дело — бежать к отцу Донахью. Совсем другое дело — бежать к Виктору и Братве. Я переворачиваюсь на бок, крепко зажмуривая глаза. Мне нужен отдых. Мне нужно поспать. Но поскольку передо мной маячит так много неизвестного, я знаю, что это будет долгая ночь.

ЛУКА

С назначением даты конклава между нашими семьями установилось предварительное перемирие. Я никогда полностью не доверял Виктору в том, что он будет следовать негласному этикету семей мафиози, но, когда мирные переговоры неизбежны, предполагается, что насилие временно приостановлено. Я не теряю бдительности полностью, но это позволяет мне на мгновение переключить свое внимание на другие вещи, например, подготовить Ану к ее первому выступлению для Братвы.

Я дал ей имена мужчин, с которыми хотел, чтобы она познакомилась, а также клубы и бары, которые они посещают, и все остальное, что я смог о них раскопать: с какими женщинами их обычно видят, что эти женщины носят и так далее. Ана показала мне свой наряд для первого вечера на утверждение, как я и просил, облегающее черное платье, едва прикрывавшее ее бедра, с ажурными вырезами на талии и глубоким вырезом.

— Ты также хочешь посмотреть трусики или хватит и этого? — Саркастически спросила она, что я демонстративно проигнорировал. Она ясно дала понять, что не собирается быть моей покорной сотрудницей, и меня это вполне устраивает. До тех пор, пока она выполняет свою работу. И поскольку это для Софии, я уверен, что она это сделает.

София с Катериной в кинозале, смотрят какой-то дурацкий романтический сериал, а я меряю шагами нашу спальню, единственное место, где, я знаю, я не столкнусь с ними вместе. В эти дни мне нелегко смотреть в глаза Катерине, зная, что это моя рука нажала на спусковой крючок, убив ее отца, и я не в настроении для светской беседы.

Предполагается, что Ана свяжется со мной, когда уйдет позже, что, как я полагаю, будет довольно поздно. Если я не получу от нее вестей к тому времени, когда София ляжет спать, я подожду в своем кабинете, но сейчас я меряю шагами комнату, стараясь не думать обо всех возможных вариантах, при которых все может пойти не так.

Дело не только в том, что жизнь Анастасии в опасности. Дело в том, что, если ее обнаружат, и моя роль в ее отправке будет раскрыта, это приведет к взрывным последствиям. Мало того, что больше не будет никаких шансов на мир, но у Виктора также будут все необходимые основания преследовать нас с оружием в руках. Это будет война, подобной которой Манхэттен не видел десятилетиями.

Но если у нее получится, тогда, возможно, у меня будет что-то, что я смогу использовать. Что-то, что позволит мне положить этому конец. И, на мой взгляд, риск того стоит.

Расхаживая взад-вперед, я не могу не думать о том, что она делает. Анастасия никогда меня особенно не привлекала в этом плане, на мой вкус, она слишком худая, с маленькой грудью, почти плоской, и с характером, который может соперничать с Софией, но когда я снова и снова прокручиваю план, я представляю ее на танцполе подпольного клуба, как она пристаёт к парню из братвы, откидывает волосы назад и притворяется, что влюблена в него. Я представляю ее в постели, это длинное, худое, бледное тело, распростертое под одним из русских, и в моем воображении она превращается в Софию.

Я вижу Софию, пойманную в ловушку под одним из них, борющуюся за то, чтобы выбраться. Изображение сливается с тем, на котором она связана в конспиративной квартире, картинкой, которую я никогда не смогу забыть, и я стискиваю зубы, пытаюсь заставить себя думать о чем-нибудь другом. Я чувствую, как поднимается это старое собственническое влечение, зависимость от нее, потребность знать, что она моя. Что никто другой не сможет прикоснуться к ней, никогда больше.

Моя, моя, моя.

Я думаю о ней прошлой ночью, мягкой и извиняющейся, смотрящей на меня снизу вверх своими широко раскрытыми темными глазами, о том, как мое тело отреагировало на нее, и вот так просто у меня снова встает. И не просто случайное возбуждение, а неистовое, ноющее чувство, которое захлестывает меня и заставляет чувствовать, что я снова балансирую на грани безумия. В этот момент я кое-что понимаю. Времена, когда я ненавидел Софию, когда я чувствовал, что она доводит меня до грани ярости, были временами, когда она пыталась уйти, пыталась нарушить свои обещания, лгала мне. Те времена, когда она была единственной, кто забирал то, что принадлежит мне.

Ее.

Но в другие разы я испытывал к ней что-то совсем другое. Что-то, чему я боюсь дать название, потому что это настолько отличается от всего, что я чувствовал раньше. То, что я почувствовал, когда услышал о взломе и бросился обратно к ней, то, что я чувствовал, когда договаривался о той ночи на крыше... все это нечто другое.

Воспоминание за воспоминанием нахлынули на меня, пока я сидел там на краю кровати, бледное лицо Софии, когда я прилетел домой, шок и радость на ее лице на крыше, моменты, которые мы разделили вместе в кинозале или за совместным ужином. На короткое время у меня появилось представление о том, каково это, по-настоящему поддерживать отношения с кем-то, просыпаться, приходить к ней домой и ложиться с ней в постель, и это все было лучше, чем я думал.

Это было прекрасно.

Она была прекрасна. И у нас все было хорошо.

Я вспомнил о том, как мы прошлой ночью смеялись в душе, как София прикрыла рот рукой, и у меня сжимается грудь. Я не знаю, как примирить это с воспоминаниями о ней на той кровати в том доме, зная, что моя любовь к ней, что то, что я полностью впустил ее в свою жизнь, может легко привести к тому, что это случится снова. Я не знаю, как обеспечить и то, и другое, чтобы она была в безопасности, как я обещал, и чтобы она была моей женой, по-настоящему. Но, боже, я хочу ее больше, чем дышать. И если я честен сам с собой, если я глубоко загляну в ту часть себя, которую стараюсь держать закрытой... я блядь безумно люблю ее.

Дело не только в ее красоте или в том, как сильно она меня возбуждает. Она заставляет меня чувствовать все эти вещи: желание, возбуждение, похоть, больше, чем любая другая женщина, с которой я когда-либо был, это правда. Но дело не только в этом. Это то, как она бросает мне вызов, то, как она отказывается отступать. Именно так она пережила нечто настолько ужасное, что это должно было сломить почти любого, но она не только пережила это, но и это не сломило ее дух. Она вернулась ко мне не как оболочка человека. Она все еще София. Все та же женщина, на которой я женился, если не больше. В ней есть сила, которая, если бы она была свободна быть самой собой, занять свое место рядом со мной и править семьей вместе со мной, могла бы быть огромной.

Вместе мы могли бы стать могущественными. Но для того, чтобы это произошло, она должна быть в безопасности.

Мои руки сжимаются на краю кровати, мое сердце бешено колотится, а потребность в ней все еще пульсирует во мне. Я должен обезопасить ее. Я должен выиграть это, чего бы мне это ни стоило, чтобы у меня был шанс на то, чего я никогда не думал, что захочу.

Настоящий брак с моей женой. Настоящий брак с моей любимой женщиной.

Разочарование превращалось в потребность в сексе, кажется, всегда. С тех пор как я был подростком, это было моим спасением. Мой способ забыть о том, что я должен был сделать для Росси, о том, что я все еще должен делать для семьи, к которой я принадлежал с самого рождения. Мой способ ненадолго сбежать от своих демонов, чтобы мне не нужно было думать, не нужно было чувствовать ничего, кроме удовольствия.

До Софии.

Я хочу ее сейчас. Я хочу погрузиться в нее, утолить захватывающую потребность в ее запахе, ее теле, звуках, которые она издает, когда я вхожу в нее снова и снова. Но сейчас она с Катериной, и, хотя я полагаю, что мог бы пойти туда и вытащить Софию, я уверен, что Катерина была бы в ужасе.

София, вероятно, тоже была бы не очень довольна.

Я опускаю руку, потирая твердый бугорок своей эрекции, отчаянно нуждаясь в некотором облегчении. Моя собственная рука, это не то, чего я хочу. Я на грани того, чтобы просто попытаться отвлечь себя чем-нибудь другим, пока не смотрю вниз и не вижу кое-что из сброшенной одежды Софии на полу в изножье кровати.

Обычно я бы разозлился на нее за то, что она так разбрасывает свои вещи, у меня есть домработница, но тем временем я стараюсь поддерживать порядок. Я терпеть не могу беспорядок. Но мое внимание привлекает не тот факт, что она оставила свою одежду на полу. Я не могу отвести взгляд от шелковистых трусиков поверх ее джинсов. Даже когда я тянусь к ним, я знаю, что это безумие. Я вспоминаю, как незадолго до того, как мы

поженились, я стоял в ее шкафу, прижимая ее платье к своему носу, и ласкал себя, доводя до разочарованного оргазма, только сейчас мне еще хуже, потому что я больше не задаюсь вопросом, каково это быть с ней.

Она была у меня, и это было лучше, чем я когда-либо мог себе представить. Она настолько хороша, что я не могу просто отбросить ее в сторону, как любую другую женщину, которая у меня когда-либо была. Вместо этого я хочу большего. Каждый день. Каждое мгновение, что я нахожусь вдали от нее. Каждую секунду дня я похож на неудовлетворенного подростка, и, похоже, от этого нет никакого лекарства.

Не успеваю я опомниться, как расстегиваю ремень и вынимаю член, пульсирующий в моем кулаке, когда я вдыхаю аромат Софии, думая о том, как она прижимается к моему лицу, о ее сладком вкусе у меня на языке, о том, как она хнычет и извивается, когда я лижу ее. Ничто не возбуждает меня сильнее, чем вкус киски, а киска Софии это как наркотик, лучше любой Виагры. От одной только мысли я становлюсь твердым как скала и испытываю боль. Я стону, поглаживая себя, сначала медленно, а затем сильнее, быстрее, представляя Софию подо мной, ее бедра обхватывают мою голову, ее руки в моих волосах, когда она теряет контроль, весь этот фасад хорошей девочки смывается, когда она уступает своим желаниям и дает мне понять, просто как сильно она этого хочет.

Знакомый гул удовольствия захватывает меня, затуманивая мои чувства, позволяя мне погрузиться в его туман, когда я оборачиваю шелковистые трусики вокруг своего члена, мои яйца сжимаются от знакомого трепета приближающейся кульминации. Вот и все, думаю я, закрывая глаза и представляя, что шелковистое, скользкое ощущение вокруг моего члена, это теплый рот Софии, или еще лучше...

— Лука? — Голос Софии вырывает меня из фантазий, и мои глаза распахиваются, моя рука застывает на моем члене. Ее взгляд перебегает с моего лица на мой член, обернутый вокруг ее трусиками, пропитанными моей предварительной спермой, и я ожидаю, что она придет в ужас, или, может быть, заплачет, или убежит.

Чего я абсолютно не ожидаю, так это того, что произойдет дальше.

— Тебе следовало прийти и найти меня, если ты был так возбужден, — говорит она дразнящим голосом, закрывая за собой дверь и направляясь ко мне. В моем состоянии повышенного возбуждения все в ней выглядит даже лучше, чем обычно...ее соблазнительные бедра в этих обтягивающих джинсах, ее узкая талия, выпуклость ее груди на фоне черной футболки, которая на ней надета. Ее волосы собраны в высокий хвост, они подпрыгивают у нее на плечах, когда она идет, и мне хочется ухватиться за них, удержать, когда я наклоняю ее и вгоняюсь в нее сзади.

Блядь. Ее взгляд прикован к моему члену, и хотя я никогда не думал, что склонен к эксгибиционизму, это заводит меня еще больше.

— Я не мог тебя прервать, — хрипло говорю я. — Ты была с Катериной.

— Она ушла домой. — Голос Софии немного понижается, переходя в более страстный регистр. — Я не знала, что ты здесь, наверху.

Я даже не могу сформулировать слова. Мой мозг, кажется, больше не связан с моим ртом, мой член все еще сердито пульсирует в моем кулаке, и все, чего я хочу, это кончить. Мои яйца болят, мой мозг затуманен, и я так возбужден, что не могу ясно мыслить. Но я не знаю, что делать с Софией, стоящей там. Когда моя жена заходит ко мне, пока я дрочу, это совершенно новый опыт для меня. Но затем, к моему изумлению, она наклоняется и снимает с себя рубашку, бросая ее к ранее сброшенной одежде на пол. Когда к ней присоединяется ее

лифчик, я чувствую, что могу кончить прямо на своем месте.

У Софии самая совершенная грудь. Полная, но не слишком большая, с идеальными темно-розовыми сосками, которые уже твердеют в легкой прохладе комнаты. Они слегка подпрыгивают, когда она отбрасывает лифчик в сторону, и в этот момент я бы все отдал, чтобы прижаться к ним ртом.

— Ты можешь продолжать драть на мои трусики, если хочешь, — говорит она, ее руки тянутся к пуговице на джинсах. — Или ты можешь позволить мне помочь. Твой выбор.

Блядь. Мой мозг почти взрывается от желания. Не думаю, что я когда-либо в своей жизни слышал более горячее предложение. Внезапно я начинаю понимать, почему я вообще не хотел жениться, если все будет именно так, я в жопе.

Где-то в глубине моей головы звучит крошечный тревожный сигнал, который говорит, что это не обычное поведение Софии, соблазнять меня прошлой ночью в душе и буквально на коленях умолять о прощении, это сексуальное шоу, которое она демонстрирует мне сейчас, стягивая джинсы с бедер, не совсем о Софии. Ее глаза с вожделием остановились на моей твердой, как скала, длине. *Она чего-то хочет*, — говорит этот тихий, подозрительный голосок в моей голове. *Она играет в какую-то игру*.

Но даже если это правда, прямо сейчас мне все равно. Мне просто нужно кончить. Я на грани посинения, мой член пульсирует и истекает предварительной спермой так сильно, что трусики Софии, обернутые вокруг кончика, насквозь промокли, как будто я уже кончил в них. У нее могла быть любая причина в мире для желания сесть на мой член прямо сейчас, и я бы не сказал ей нет. Она могла бы опустошить все мои банковские счета, если бы одновременно опустошила и мои яйца.

Вот так мужчины теряют все, мрачно думаю я, но мне уже все равно, когда София приближается ко мне, теперь полностью обнаженная, ее полные груди подпрыгивают, а бедра покачиваются, и я вижу слабое возбуждение между ее ног, ее губы пухлые и розовые, когда она протягивает руку и толкает меня обратно на матрас.

— Ты слишком нарядно одет, — мягко говорит она, протягивая руку к моим брюкам и стягивая их с бедер. Я отпускаю свой член, пока она делает это, смотрю на ее великолепное лицо, на ее темные волосы, растрепавшиеся вокруг него, в то время как ее глаза озорно мерцают, глядя на меня сверху вниз, и эти испорченные трусики присоединяются к растущей куче одежды на полу, а она садится на меня верхом, потянувшись к пуговицам моей рубашки.

— Ты нужна мне, — рычу я, хватая ее за бедра. Мой член находится как раз у ее входа, ее киска нависает надо мной, и я чувствую жар ее кожи. Я чувствую, что схожу с ума, и не могу дождаться, когда она снимет с меня рубашку. Она нужна мне сейчас.

— О! — София стонет, когда я тяну ее вниз, мои бедра одновременно приподнимаются, так что мой член пронзает ее, проскальзывая в ее тугий канал, и я чувствую, как она сжимается вокруг меня. Ее руки ложатся мне на грудь, подбадривая, и она улыбается мне сверху вниз, перекидывая волосы через плечо. — Такой нетерпеливый. — Она наклоняется, ее бедра уже начинают покачиваться напротив меня, когда ее рот касается моего. — Ладно, прекрасно. Будь по-твоему.

То, что она катается на мне верхом, подобно раю. Я теряюсь в удовольствии от этого, от ее бедер в моих руках, от ее горячей киски, обволакивающей меня, от ее ладоней на моей обнаженной груди, от царапающих ногтей, когда она крепко целует меня, ее язык переплетается соим. Это так приятно, но мне нужно больше. Мне нужно контролировать

ситуацию, быть тем, кто предъявляет на нее права, обладает ею, напоминает ей, кому она принадлежит.

Я хватаю ее за талию и переворачиваю на спину, прижимая спиной к подушкам, закидывая ее ноги себе на плечи.

— Смотри на меня, — хриплю я, раздвигая ее бедра и медленно выхожу из нее. Требуется усилие, чтобы не просто трахнуть ее жестко и быстро, изливаясь в нее за считанные секунды, но я хочу, чтобы это продолжалось. Это так чертовски приятно, и я не хочу, чтобы это заканчивалось. — Потрогай себя. — Я беру ее руку и кладу ей между ног. — Я хочу, чтобы ты заставила себя кончить на мой член.

София раскрасневшаяся, возбужденная, красивая, ее глаза послушно опускаются, чтобы наблюдать, как я скольжу в нее и выхожу из нее, мой толстый член наполняет ее до предела, ее губы раскрываются вокруг меня, как распускающийся цветок. Она стонет, ее нежный рот приоткрыт, когда она наблюдает за мной, ее пальцы теребят клитор теми крошечными, тугими кругами, которые, я знаю, она так сильно любит, подталкивая себя к краю вместе со мной.

— Это так приятно, — выдыхает она. — Пойдем со мной, Лука, пожалуйста, я так близко...

Мне следовало бы остановиться, надеть презерватив, но я не могу. Я не могу заставить себя высвободиться из крепких, горячих объятий ее тела, словно бархат пробегающего вверх и вниз по всей моей длине, и мне уже все равно. Если я ее обрюхачу, мы что-нибудь придумаем, головокружительно думаю я, потому что в этот момент нет ничего, включая приставленный к моей голове пистолет, что могло бы заставить меня прекратить трахать ее, пока я, наконец, не достигну кульминации.

— Да, о боже, Лука, я собираюсь...

Я чувствую, как она кончает, чувствую, как оргазм сжимает ее тело, сжимаясь вокруг меня, как тиски, ее губы трепещут на твердой длине моего члена, когда она выгибает спину, издавая звук, который почти похож на крик. Мой глубокий, гортанный стон присоединяется к нему, когда я чувствую, что тоже начинаю кончать, первый горячий толчок настолько приятен, что мне кажется, я могу потерять сознание от чистого удовольствия. Мое зрение темнеет по краям, когда я наклоняюсь вперед, мой рот прижимается к ее шее, когда я погружаюсь в нее по самую рукоятку, чувствуя, как ее ноги обвиваются вокруг меня, ее груди прижимаются ко мне. Оргазм ощущается так, как будто он никогда не прекратится, мой член пульсирует снова и снова, пока я изливаюсь в нее.

Когда я скатываюсь с нее, задыхающийся и потный, я почти ожидаю, что она встанет и уйдет. Но вместо этого она переворачивается на бок, подпирает подбородок рукой и смотрит на меня.

— Я рада, что мы снова это делаем, — тихо говорит она. — Я скучала по этому.

Этот маленький сигнал тревоги в глубине моей головы снова срабатывает, но я предпочитаю не обращать на него внимания. Туман нужды рассеялся, и обычно именно тогда ко мне возвращается ясность, когда я снова могу трезво мыслить. Но я все еще хочу, чтобы она была здесь. Я думаю о том, что обещал, кажется, так давно, подарить ей собственную квартиру и жить отдельно, и чувствую, как меня передергивает от этой мысли.

Я больше не хочу, чтобы она уходила. Я хочу...

Я хочу того, что у нас было раньше. Эта мысль поражает своей ясностью. Теперь я увидел силу Софии, ее способность справляться с худшим, ее отказ отступить даже от меня.

Как бы сильно меня ни злило ее бунтарство, я вижу в ней твердость характера. Да, она может быть эгоистичной и неблагодарной, но также и жесткой. И, в конце концов, я тоже такой.

Что, если бы мы правили этой семьей вместе?

Я всегда должен был быть связующим звеном между Росси и ребенком Франко, сыном крови Росси. Я уважал это, потому что Росси был мне как отец, человеком, который взял меня на руки и закончил воспитывать после смерти моего отца, моим наставником и начальником. Но теперь...

Теперь, после того, что он сделал с Софией, я смотрю на вещи по-другому. И я уже не так уверен, что хочу и дальше согревать сиденье для его родословной. Может быть, всего лишь может быть, мы могли бы основать свою собственную династию.

— Я тоже по этому скучал. — Я смотрю на нее, на ее покрасневшее лицо, на волосы, слегка прилипшие ко лбу. — Я буду скучать по этому, пока меня не будет, это точно.

София хмурится.

— Что? Ты куда-то собираешься?

Сейчас мне приходит в голову, что я ничего не сказал ей о конклаве. Я пока не совсем уверен, насколько я могу ей доверять, но я точно знаю одно, если я действительно хочу что-то здесь построить, мне придется поговорить с ней, как муж разговаривает со своей женой. Мне придется включить ее, чтобы она знала, что происходит. Мысль о том, что у меня дома есть партнер, с которым я могу поговорить и поделиться чем-то, одновременно пугает и воодушевляет. Я так много держал взаперти так долго. Я мог бы поделиться этим с Софией, если бы у нас все получилось. И эта мысль настолько нова и сбивает с толку, что приводит меня в ужас.

Я никогда многого не боялся. Но мысль о такой близости пугает меня до глубины души.

И все же, в этом тоже могла быть какая-то сила. Иметь одного человека, который мог бы прикрыть мою спину, несмотря ни на что. У которого нет никаких привязанностей, кроме нашей семьи, меня и будущего наших детей.

Я представляю Софию с ребенком на руках. Нашим ребенком. Я бы хотел надеяться, что это будет сын. Любить его, заботиться о нем. Я представляю, как возвращаюсь домой к ним обоим, и меня не отталкивает эта идея, как всегда бывало раньше. Вместо этого я чувствую странное тепло. Чувство, которое почти... похоже на надежду.

— Я созвал совет семей, — говорю я ей, садясь и натягивая простыню на бедра. — Я буду там, а также Виктор и его заместитель, Колин и Лиам Макгрегоры. — Я делаю паузу, понимая, что она, вероятно, очень мало знает о том, как все это работает. Ее отец всячески оберегал ее от всего этого. — Что-то подобное вызывается только в том случае, если есть серьезная проблема, если ситуация действительно вышла из-под контроля. Последний раз это было несколько десятилетий назад, когда у нас были проблемы с ирландцами. Росси тогда был молодым человеком. — Выражение моего лица становится серьезным, когда я смотрю на нее, нахмурившись. — Я хочу обрести покой, София. Я ясно дал это понять. Но тот, кто несет ответственность за наши потери, заплатит. Этот конклав призван привести нас к соглашению, выяснить, кто несет ответственность и почему, и что приведет нас к миру, чтобы мы могли двигаться вперед в гармонии.

— Ты будешь в безопасности? — Ее рот кривится от беспокойства, и я наблюдаю за ее лицом, задаваясь вопросом, может ли все это быть правдой. Несколько дней назад она ссорилась со мной, отстаивая свои причины для побега. Несколько дней назад я был так зол

на нее, что ударил рукой по зеркалу. Но сейчас все, что я вижу, это беспокойство в ее глазах беспокойство за меня. И все, что я чувствую, это желание, чтобы у меня все получилось, чтобы будущее было не таким одиноким, как то, с которым я примирился.

— Я надеюсь на это. Так и должно быть. Этикет гласит, что будет соблюдаться прекращение огня до тех пор, пока не состоится конклав несмотря на то, будет заключен мир или нет. Если мы не сможем прийти к соглашению, то начнется война. Но я надеюсь, что до этого не дойдет, — быстро добавляю я. — А до тех пор больше не должно быть насилия.

— Сколько тебе осталось до отъезда?

— Пару недель. — Я откидываюсь назад, глядя на нее. Я не могу насмотреться на ее лицо, на ее рельефные скулы и темные глаза, на то, как ее волосы падают на лицо, когда она двигается. — А что?

София придвигается ближе, ее рука гладит выпуклости моего живота.

— Я подумала, может быть, мы могли бы сбежать, — нерешительно говорит она. — Когда какое-то время все было хорошо, ты говорил о том, что мы отправимся в свадебное путешествие. — Затем ее голос ускоряется, слова накладываются друг на друга, как будто она боится, что я могу прервать ее прежде, чем она успеет закончить. — У нас было так много взлетов и падений, Лука. Больше падений, чем взлетов, но, было же и хорошо. Я подумала, может быть, если мы уйдем, если отправимся в какое-нибудь уединенное и безопасное место, то сможем просто побыть самими собой какое-то время и посмотреть, сработает ли это без всего этого, — она обводит рукой комнату. — Если мы действительно нравимся друг другу.

Я обдумываю это, наблюдая за ней, пока думаю.

— А что, если это не сработает?

— Тогда, когда угроза со стороны Братвы исчезнет, как ты и сказал, ты выполнишь свое обещание и предоставишь мне мое собственное жилье. Мы будем жить отдельно, насколько это возможно. Или, если хочешь, теперь, когда Росси мертв, ты можешь развестись со мной. — Голос Софии при этом слегка дрожит, и я тоже удивляюсь своей реакции на ее слова.

Мысль о разводе с ней заставляет меня мгновенно отшатнуться, думая "нет" с яростью, которая поражает даже меня. "Ты моя", — думаю я, и, не раздумывая, переворачиваюсь, переворачиваю ее на спину и смотрю на нее сверху вниз. Она тихо ахает, и от одного этого негромкого звука мой член снова твердеет.

— Ты хочешь, чтобы я свозил тебя в свадебное путешествие? — Я стараюсь мыслить рационально, хорошая это идея или нет. Я уже столько раз говорил ей нет, но прямо в эту секунду мне очень тяжело.

— Пожалуйста. — Шепчет она. — Я... я хочу попробовать, Лука. Как мы и пытались раньше.

Как бы я ни старался, я не могу придумать причину, по которой этого не сделал бы. Режим прекращения огня действует, и я не верю, что даже Виктор нарушит его. Если бы он это сделал, на него обрушился бы гнев как ирландцев, так и мой, они поддержат меня, несмотря ни на что, но они не захотят вмешиваться, если это просто мои разногласия с Виктором. Я мог бы обратиться к ним, если дело дойдет до войны, и я, вероятно, так и сделаю, но Колин будет держаться в стороне от этого так долго, как сможет. И Виктор это знает, он не захочет давать мне повода принудить ирландца к действию, а Колину повода

вступить в драку самостоятельно. Эти шансы не в его пользу. Что касается всего остального... Франко может заниматься обычными деловыми операциями и управлять Анной, пока нас не будет. На самом деле, возможно, ему было бы полезно взять на себя такую ответственность, я дам ему возможность делать что-то большее, чем просто стоять в моей тени.

— Да, — говорю я, прежде чем успеваю передумать или придумать причину сказать нет. — Мы сделаем это. Давай отправимся в свадебное путешествие.

Это самая нелепая вещь, на которую я когда-либо соглашался, думаю я, когда София обвивает руками мою шею. Но когда она притягивает меня к себе и мои губы встречаются с ее губами, я не могу заставить себя волноваться. Блядь, что делает со мной эта женщина?

ЛУКА

Я знал, что здесь что-то не так. Я так и знал.

Эта мысль крутится у меня в голове снова и снова, пока я сижу на заднем сиденье своей машины, в которой еду в церковь Святого Патрика повидаться с отцом Донахью. Я не знаю, насколько священник будет рад меня видеть после того, как я не так давно ударил его достаточно сильно, чтобы отправить в нокаут, но сейчас он единственный человек, о котором я могу думать, с кем я могу поговорить. Он единственный, кто должен хранить мои секреты, и кто мог бы дать мне совет. Потому что прямо сейчас у меня кружится голова, и я понятия не имею, что делать.

Два дня назад София как раз собирала вещи, когда внезапно убежала в ванную. Я услышал, как ее вырвало всего через несколько секунд, несмотря на звук льющегося крана, который она включила, пытаясь скрыть это. Я не придавал этому особого значения, существовало множество причин, по которым ее могло тошнить. Пицца, которая плохо усваивалась, проблемы с желудком, и множество других причин.

Множество причин, которые не имели никакого отношения к тому факту, что несколько недель назад у нас была бурная ночь секса без использования презервативов, снова и снова.

Однако я выбросил эту мысль из головы. Пока я не услышал, как София встала посреди ночи, чтобы ее снова вырвало. А потом исчезла во время завтрака. И ужина. Она была немного бледнее обычного, немного более уставшей, но в остальном казалась в порядке. Не валялась в постели, как будто у нее пищевое отравление или грипп. Не просила кого-то сходить за лекарством для нее и не заказывала доставку на квартиру.

От этого тревожный звоночек у меня в затылке зазвенел громче. И еще громче. А потом я вспомнил, что она попала в больницу после того, как я спас ее.

Я направился прямо туда, мой желудок скрутило в узел от дурного предчувствия, то же самое чувство, которое я испытываю прямо сейчас. Я разыскал медсестру, которая присматривала за Софией, пока она была там. Когда она отказалась сдвинуться с места, когда дело дошло до того, чтобы рассказать мне правду о медицинских картах Софии, я поговорил с ее руководителем, который был прекрасно осведомлен как о том, кто я такой, так и о том, сколько денег я регулярно перечисляю на благотворительные пожертвования больнице. Я не напрягаю эту конкретную мышцу так часто, как раньше Росси, но в данном

случае я был более чем счастлив это сделать.

И это привело к одной очень важной информации.

София беременна.

Не просто беременна, но и активно пытается скрыть это от меня.

Это поразило меня, как удар под дых, и я знал, каково это. Со мной такое случалось много раз раньше, но физически, а не метафорически. И все же мне показалось, что из меня вышибли весь дух, когда я услышал эти слова, слетевшие с уст этой пожилой седовласой леди.

— Мы должны были протестировать ее, прежде чем вводить определенные лекарства или делать рентген, и результат, вне всякого сомнения, был положительным. Ваша жена беременна, но она очень настаивала на том, чтобы сообщить вам об этом самой.

В кои-то веки я не впал в ярость. Во-первых, я был слишком шокирован, и, во-вторых, мне удалось сдержать свою ярость из-за того, что меня обманули, ровно настолько, чтобы задуматься, почему София держала что-то подобное в секрете от меня.

Контракт.

Я заставил ее подписать его, и она согласилась, поверив тогда, что мы никогда не будем спать вместе. Конечно, полагая, как и я, что даже если бы мы это сделали, то не захотели бы делать это больше одного раза, чтобы скрепить сделку и удовлетворить мое любопытство. Веря, что у нас никогда не разовьются чувства друг к другу, что нашим единственным чувством будет глубокое, определенное желание жить настолько раздельно, насколько это возможно.

В нашем будущем, которое мы могли бы предвидеть, не было никакой отчаянной, страстной ночи. Никаких свиданий на крыше или секса в стольких комнатах дома, сколько мы могли себе позволить. Не было никакого неистового совокупления после того, как она застучала меня за дробочкой, слишком погруженного в удовольствие, чтобы рационально подумать о том, что могло произойти.

Тогда, я уверен, ей казалось невозможным, что ей когда-либо придется делать такой выбор. И я был так уверен в выбранном пути, счастлив в своей холостяцкой жизни, доволен тем, что никогда не стану отцом, доволен тем, что буду занимать эту должность до тех пор, пока ребенок Франко однажды не сможет занять свое место, как мы все договорились.

Но теперь все изменилось.

Теперь я хочу свою жену. Я хочу, чтобы она была рядом со мной, чтобы развить в ней эту силу, чтобы сделать нас силой, с которой будут считаться. Я хочу, чтобы она была в моей постели, моя, настолько полностью привязанная ко мне, чтобы никто никогда не забрал ее. Я хочу, чтобы она была в безопасности, и наш ребенок... Я хочу, чтобы наш ребенок был жив и здоров. Способный унаследовать династию, которую я отчаянно пытаюсь сохранить во время этого конклава.

С этими новостями возможность, которая пришла мне в голову в постели с Софией, возможность того, что мафией правит линия Романо, а не Росси, потенциально может стать реальностью.

Ваша жена беременна.

Конечно, она не знает, что я уже думал обо всем этом. Но сейчас, насколько ей известно из контракта, я хочу, чтобы она немедленно прервала беременность. И если она мне не сказала, это значит, что она тоже хочет нашего ребенка.

Но хочет ли она и меня тоже?

Ее действия в последнее время говорят о том, что она хочет. Но я не уверен, насколько это правда, а насколько просто для того, чтобы сбить меня с толку, пока она не придумает, что делать с ребенком.

Поэтому она пыталась убежать?

Даже если отец Донахью не скажет мне всей правды, я знаю, что должен с ним поговорить. Мне нужна некоторая ясность в отношении того, что делать дальше. Потому что я никогда не чувствовал себя таким потерянным. Как бы сильно я ни скучал по своему отцу, я не часто переживал его потерю так остро, как сейчас.

Я скучал по нашей дружбе больше, чем по его советам, для этого у меня был Росси, который наставлял меня и давал советы. Но сейчас у меня нет ни того, ни другого, и прямо сейчас я бы все отдал за то, чтобы мой отец сидел здесь, говорил мне, что я должен делать, и отвечал на вопрос, который больше всего волнует меня.

Что насчет Франко?

Я знаю, что он будет далек от того, чтобы радоваться за нас, но эта новость приведет его в ярость. Он рассчитывает на то, что его ребенок с Катериной вступит во владение, когда меня не станет, на создание собственной династии. Мысль о том, что его узурпируют, ему не понравится, особенно учитывая нынешнюю напряженность между нами. Не то чтобы его это сильно волновало, и я не думаю, что Катерина была бы зла из-за этого. На самом деле, я думаю, она, скорее всего, была бы рада, что ее ребенок не унаследует все это, особенно учитывая, что это отняло у нее и мать, и отца.

Я вспоминаю, как разговаривал с Катериной в больнице и как она сказала, что хочет мира, потому что они с Франко уже пытаются завести ребенка. Она уже может быть беременна, и я знаю, что если это так, то будет еще труднее удержать Франко от сумасшествия, когда он узнает, что София беременна. Я не уверен, какие у меня есть варианты. Я мог бы уйти в отставку и уступить место Франко, позволив ему начать свое правление сейчас, а не опосредованно через своего ребенка в один прекрасный день. Но каждая частичка меня восстает против этой идеи. Меня втолкнули в эту роль, но после всего, что я сделал, всего, что я выстрадал, лишаясь всех частичек своей души, которые я продал, чтобы заполучить и сохранить это, я чувствую, что заслужил свое место. И идея передать это ребенку моей крови, вместо того чтобы позволить моему наследию умереть вместе со мной, внезапно опьяняет.

Но сначала София должна довериться мне.

Я вхожу в церковь и вижу отца Донахью на одной из передних скамей. У него на затылке шрам, и когда он оборачивается, чтобы посмотреть на меня, когда я иду по проходу, я вижу шрам и у него на лбу. К счастью, мой удар кулаком в челюсть, похоже, не нанес ему серьезных повреждений.

— Отец. — Я почтительно склоняю голову. — Не могли бы вы уделить мне немного своего времени?

— До тех пор, пока это не пойдет по второму кругу, да. Конечно. — Его ирландский акцент сегодня звучит немного сильнее, и это напоминание о том, что отец Донахью не один из нас, не часть итальянцев, которые управляют этим городом. Иногда это вызывает беспокойство, но сегодня это приносит облегчение. У него нет личной заинтересованности в этом, кроме как консультировать меня.

— Прости, что ударил тебя. — Я убеждаюсь, что он слышит извинение в моем голосе, потому что я говорю серьезно. — Это было опрометчиво с моей стороны.

— Ты был в плохом месте. Я могу это понять. — Священник указывает на скамью. — Проходи, Лука, садись. Скажи мне, что у тебя на уме. Я вижу, что на тебя что-то давит.

Я не хожу вокруг да около. Как только мы усаживаемся, отец Донахью выжидающе смотрит на меня, и я все выпаливаю:

— София беременна.

Выражение удивления на лице священника недостаточно искреннее, чтобы одурачить меня.

— Лука...

Я поднимаю руку.

— Не утруждай себя нарушением своих клятв ложью, говоря, что ты не знал. Не волнуйся, я не собираюсь просить тебя делиться тем, что София сказала тебе или не сказала той ночью. Но теперь мне становится понятнее, почему она сбежала и почему обратилась к тебе за убежищем.

Отец Донахью кивает.

— Значит, ты знаешь. Будешь ли ты заставлять ее придерживаться условий соглашения, которое вы оба заключили?

— Именно об этом я здесь, чтобы поговорить с тобой.

Священник колеблется.

— Лука, я священник католической церкви. Ты знаешь, каким всегда будет мой ответ. Я никогда не буду поощрять прерывание беременности...

— Я знаю. — Я резко обрываю его. — Я хочу, чтобы София оставила ребенка.

— Ну тогда тебе будет приятно узнать, что она согласна с этим. Что касается сохранения брака вместе с ребенком... — Отец Донахью хмурится. — У меня не сложилось впечатления, что между вами все хорошо. Но я бы тоже не одобрил развод. Поэтому мой совет, Лука, будет заключаться в том, что ты должен позаботиться как о своем браке, так и о своем будущем ребенке и решить, как лучше всего обеспечить и воспитать их обоих. — Он тяжело вздыхает. — Я знаю, что счастливые браки, это не то, чему такие мужчины, как ты, придают большое значение, но...

— Насчет этого ты тоже ошибаешься, — перебиваю я. — Ну, не совсем. Я соглашусь, что таких как я воспитали в убеждении, что счастье наших жен не стоит на первом месте в списке приоритетов. Но я также знаю, что София всегда ожидала большего от настоящего брака. У ее родителей был такой брак, хороший, любящий. Если бы я стал для нее настоящим мужем, я бы хотел быть хорошим мужем.

— Любящим?

— Я не уверен, что слово “любовь” мне знакомо, — признаюсь я. — У меня есть чувства к Софии, но...

— Скажи мне вот что, Лука, — тихо говорит отец Донахью. — В ту ночь, когда ты пошел за ней, ты беспокоился за свою собственную жизнь?

— Нет, но...

— Когда ты женился на ней, это было ради нее или ради себя?

— Ее, но...

Священник складывает руки на коленях, пристально глядя на меня.

— Ты считаешь, что не способен любить, но твои действия по отношению к Софии, хотя и не всегда строго как у любящего мужа, показывают, что ты глубоко заботишься о ней. Что ты готов подвергнуть свою собственную жизнь опасности, чтобы спасти ее. Что, когда

ей угрожают, ты не перестаешь думать о том, чего это тебе стоит. Это, Лука, и есть любовь. Во всяком случае, что-то в этом роде. И это может перерасти в нечто большее, если ты позволишь.

— Если я буду любить ее, ее очень легко можно использовать против меня, — тихо говорю я. — Мои враги будут знать, что она является ключом к тому, чтобы заставить меня принимать опрометчивые, безрассудные решения. То, что я сделал, когда отправился на конспиративную квартиру, было опрометчиво и безрассудно... безрассудно.

— На руках Витто Росси был океан крови, — мрачно говорит отец Донахью. — Его смерть не была незаслуженной. И если это произошло от твоих рук, если он был ответственен за похищение Софии, тогда ты сделал то, что должен был сделать ради своей семьи. Это тоже любовь.

Я прищуриваю глаза.

— Это очень проницательно с твоей стороны, отец, угадать такую последовательность событий.

Он пожимает плечами.

— Я был здесь священником очень долгое время, Лука. Я видел расцвет семьи Росси и не могу сказать, что мне было жаль видеть ее падение.

— В том-то и дело. — Я хмурюсь. — Ребенок Франко должен унаследовать все после меня. Вот почему Росси заставил его жениться на Катерине, чтобы его кровь каким-то образом продолжалась. Чтобы семья продолжала управляться по его наследству. Если София беременна, это все меняет.

— И ты хочешь, чтобы это изменилось?

— Я не знаю, — начинаю говорить я, но даже когда слова слетают с моих губ, я знаю, что они неправильные. — Да, — говорю я наконец. — Я хочу. Я проливал кровь, убивал и пытал ради мафии. Я грешил тысячу раз, тысячу за тысячей, еще тысячу за другой. Я знаю, что для меня нет отпущения грехов, и я сделал все это потому, что мой отец сделал это до меня. В конце концов, я родился в этой жизни, и я не знаю другого пути. Я был готов позволить титулу перейти к потомкам Росси, потому что он был мне как отец. Я унаследовал титул только потому, что у него не было сына, и потому что я не думал, что у меня когда-нибудь будет жена или я захочу ее. Я был доволен своей жизнью такой, какая она была. Я был...

Я замолкаю, осознавая, как много я сказал. И мне еще многое нужно сказать.

— Я думал, что был счастлив. Я никогда не мечтал ни о браке, ни о ребенке. Но теперь София заставила меня задуматься, на что это было бы похоже, если бы мы были счастливы. Вместе. И мысль о ребенке, который продолжит мое наследие, о создании моей собственной династии, о том, чтобы все, что я сделал, стало частью чего-то стоящего, а не просто служением человеку, который оказался больным, предательским ублюдком... — Я тяжело сглатываю, мои руки сжимаются в кулаки. — Я убил Витто Росси, отец, — вызывающе говорю я, глядя на него. — Я знаю, что этому нет прощения. Но он пытал мою жену. Он приказал изнасиловать ее, убить, надругаться дюжиной способов, прежде чем позволил бы ей умереть. Я не чувствую ни вины за то, что убил его, ни печали. Но... он был единственным отцом, который у меня остался. Я дважды терял свою мать, своего отца, и у меня никого не осталось. За исключением...

— Софии. — Голос отца Донахью тих.

— Если она согласится... Но после всего, что я с ней сделал, после всего, что мы

сделали друг с другом, я не знаю, как этому доверять. Я не знаю, как любить. Я не знаю, как быть отцом.

— Будь таким, как был у тебя. — Священник смотрит на меня. — У Маттео Романо были недостатки, Лука, но в глубине души он был хорошим человеком. Лучше, чем Витто Росси. Он дал обещание отцу Софии, и вы выполнили его. Если хочешь знать мое мнение... — он колеблется, глядя мне прямо в глаза. — Родословная Романо заслуживает того, чтобы править больше, чем род Росси.

— А мой грех? Убийство Витто? Ты, конечно, должен осуждать меня за это...

— Не мое дело судить тебя, — тихо говорит отец Донахью. — Я не могу дать тебе отпущение грехов, ты это хорошо знаешь. Но если ты спрашиваешь меня как мужчину, а не как священника... ты молодец, Лука. Витто Росси был жестоким человеком, кровожадным. Я знаю, что ты можешь быть таким же безжалостным, но если это так, то на то всегда есть причина.

Затем он наклоняется вперед, его взгляд пристален.

— Я не буду говорить тебе, чтобы ты стал другим человеком, Лука. Будь безжалостен. Но будь безжалостен в стремлении к своей жене, к безопасности своей семьи, своего ребенка. Будь безжалостен, защищая того, кого любишь и кто будет любить тебя в ответ. Если ты сделаешь это, ты сможешь создать наследие, которое сохранится для многих поколений. Любить — это не слабость, Лука. На самом деле, я верю, что любовь делает тебя сильнее, чем ты был раньше. Она может сделать тебя сильнее, если ты будешь относиться к ней с уважением и честью, в которых поклялся у алтаря.

— Что ты знаешь о любви? — Я слышу вызов в своем голосе, и отец Донахью улыбается.

— О любви между мужчиной и женщиной ничего. Но я люблю Бога. Я люблю эту церковь и ее прихожан. И я люблю этот город, Лука. Я ничего больше не желаю, чтобы на улицах был мир, а не кровь. Я любил твоего отца и отца Софии. Я был свидетелем клятв, которые они давали, как и тех, что ты давал дочери Джованни. И я скажу тебе кое-что напоследок, Лука. Если ты больше ничего не принимаешь близко к сердцу, обрати внимание на того, кто рядом.

Он замолкает, и я чувствую, как тишина церкви вокруг нас давит на воздух.

— Сдержи обещание, Лука. То, которое дал твой отец, и то, которое дал ты. Сохрани это, и все будет хорошо.

Его слова преследуют меня еще долго после того, как я уйду. Еще долго после того, как я ушел домой и занялся своими делами, и так далее, и так далее, пока я не лег в темноте рядом с Софией, зная, что теперь у нас обоих есть секрет, который мы скрываем друг от друга. Тот же секрет, который известен нам обоим. Она не сказала мне, и я не сказал ей. И я не буду этого делать, пока не буду уверен, что делать дальше. Пока я не буду уверен в ее чувствах и в своих собственных.

И вдруг, глядя на ее спящее лицо в темноте, я очень рад, что согласился на этот нелепый медовый месяц.

Сдержи обещание, Лука.

СОФИЯ

С того момента, как мы садимся в частный самолет Луки, чтобы отправиться в свадебное путешествие, я чувствую себя так, словно перенеслась в другой мир. Я никогда раньше не летала на частном самолете, но он именно такой роскошный, как я себе и представляла. Лука выглядит так, словно был создан для таких путешествий, удобно откинувшись на спинку одного из обтянутых маслянистой кожей сидений. Я редко вижу его одетым в повседневную одежду, это всегда костюмы и галстуки, но сегодня на нем джинсы от Армани и мягкий темно-серый свитер с V-образным вырезом, и мне хочется провести руками по его груди еще сильнее, чем обычно. Его темные волосы убраны с лица с меньшим количеством средства, чем обычно, отчего они выглядят слегка растрепанными, как будто он только что провел по ним руками, и он кажется... более расслабленным, чем обычно? Я не могу точно сказать, в чем дело, но он кажется другим.

Во-первых, он более ласковый. Я не знаю, может быть, он просто играет роль любящего новобрачного мужа, уезжающего в свой медовый месяц. И все же, поднимаясь по ступенькам впереди него, я чувствую его руку на своей пояснице, опускающуюся к бедру, пока мы идем по проходу самолета к нашим местам. Шампанское уже подано, и у меня скручивает желудок, когда я вижу два бокала. Блядь. Я не подумала о том, как я собираюсь объяснить, что не пью. Лука очень хорошо знает, что я люблю шампанское или вино, или джин, или "маргариту".

Ну, черт. Это звучит так, будто у меня проблемы с алкоголем.

Думаю, я могла бы обыграть это так, будто говорю, что сокращаю расходы, но я не уверена, что он мне поверит. Я могла бы сказать, что неважно себя чувствую, что, по крайней мере, частично верно, меня тошнит больше, чем в начале беременности, и все труднее скрывать это. Утренняя тошнота, по-видимому, возникает не только по утрам. В последние дни я это остро ощущаю. Тем не менее, я не хочу притворяться больной в то время, когда на самом деле чувствую себя хорошо. Что оставляет меня с решимостью, что все, что я могу сделать, это просто пережить отказ от выпивки по одному за раз и разобраться с этим по ходу дела. По крайней мере, для этого первого бокала все просто.

— За наш запоздалый медовый месяц, — с улыбкой говорит Лука, когда мы занимаем свои места и пилот готовится к взлету, постукивая бокалом по моему. — Моя любимая жена.

— Не могу дождаться. — Я улыбаюсь ему, и это нетрудно сделать. На самом деле, это слишком просто, когда предполагается, что я притворяюсь. Планирую свой побег, жду информации от Анны. Но вместо этого я по праву радуюсь этой поездке. Не терпится узнать, куда он меня везет. В кои-то веки я не боюсь и не волнуюсь. — Ты мог бы сказать мне, куда мы направляемся, — слегка поддразниваю я его, надеясь отвлечь от того факта, что на самом деле я не пью шампанское.

— Мне нравится время от времени удивлять тебя, — говорит он с усмешкой. — Я обещаю, тебе понравится. — Он бросает взгляд на мой бокал с шампанским, и мое сердце немного замирает. — Тебе не нравится шампанское? Это то же самое, которое подавали на нашей свадьбе. Я думал, это будет романтично.

— Это так, — уверяю я его, и это действительно так. Я удивлена, что ему вообще пришло в голову такое, и это заставляет меня на мгновение остановиться, с любопытством глядя на него. — Ты действительно знал, что оно мне нравится? Кто-нибудь посоветовал тебе взять его с собой в полет?

Лука ухмыляется.

— София, я знаю, ты невысокого мнения обо мне, но я не просто холодный, бессердечный убийца. Я запомнил, какое шампанское подавали на нашей свадьбе, и это была моя идея, заказать его в полет. Он замолкает. — Я пытаюсь, София.

Самое странное, что я действительно ему верю. Я смотрю на его лицо, и все в нем кажется искренним. Я видела Луку сердитым, скрывающим что-то от меня, уклончивым и холодным. Сейчас у него нет ничего из этого. Он выглядит как муж, пытающийся наладить отношения со своей женой. Что, если он притворяется так же, как я? Что, если мы оба играем друг с другом в какую-то игру?

Проблема со всем этим, со всеми обещаниями, которые мы нарушили, и ложью, которую мы сказали, с секретом, который я храню прямо сейчас, и игрой, в которую я играю, заключается в том, что я не уверена, что могу доверять ему больше, чем я знаю, что он может доверять мне. И если ни один из нас не сможет доверять друг другу, у нас никогда не будет счастливого брака. Это то, что, по-моему, может бы быть? Счастливый брак?

Я больше не знаю, что и думать. Я даже не знаю, чего я хочу. Я...

Ход моих мыслей прерывается тем, что у меня скручивает желудок. Я чуть не плюхаюсь Луке на колени, прежде чем успеваю направиться напрямиком в туалет, который, пожалуй, приятнее любого туалета в самолете, который я когда-либо видела раньше. Не то чтобы я летала очень часто.

Лука приподнимает бровь, когда я возвращаюсь на свое место.

— Плохо себя чувствуешь?

— Кажется, меня немного укачивает. — На самом деле, возможно, это часть проблемы теперь, когда самолет выровнялся, я думаю, что чувствую себя хорошо, но подъем и короткий разворот, который мы сделали, вызвали у меня тошноту, которая, я почти уверена, не имела ничего общего с моей беременностью, а была связана с подъемом на высоту 36 000 футов в горах. воздух.

Я бы хотела, чтобы мы могли просто телепортироваться к месту назначения.

К счастью, Лука, кажется, с радостью принимает это как оправдание того, почему я не пью свое шампанское. Мы устраиваемся на своих местах, и он лезет в купе и протягивает мне мягкое бежевое кашемировое одеяло.

— На случай, если ты замерзнешь, — говорит он, и я моргаю, на мгновение пораженная продуманностью этого жеста.

Я хочу спросить его, что происходит, почему он так себя ведет, но я боюсь, что все рассеется. Мне это нравится, но я не знаю, что с этим делать. Лука никогда не был добрым или нежным. Даже в постели он груб, небрежен и страстен, и мне это нравится. Время от времени я задавалась вопросом, на что было бы похоже, если бы мы занимались любовью, если бы у нас был медленный, чувственный, романтичный секс, каково было бы ему целовать меня нежно, с любовью, а не с горячей, огненной яростью, смешанной со страстью. Честно говоря, я даже представить себе этого не могу. И я не знаю, как относиться к этой перемене в Луке, потому что я этого не понимаю.

Остаток полета мы почти не разговариваем. У Луки с собой книга еще кое-что, чего я

никогда не видела, дома, когда я делила с ним постель, мы обычно занимались сексом до тех пор, пока не засыпали, или я засыпала задолго до того, как он приходил домой. Я делаю то же самое, и большую часть полета мы проводим в дружеском молчании. Это кажется интимным и домашним, и я чувствую, как расслабляюсь в кресле, позволяя себя убаюкивать простым удовольствием от чтения бок о бок в самолете.

Частный самолет, направляющийся в какое-то неизвестное экзотическое место, напоминаю я себе. Мы не какая-нибудь заурядная пара, направляющаяся в Диснейленд. Мы никогда таковыми не будем.

Но разве это то, чего я хочу?

Украдкой взглянув на Луку, который поглощен своей книгой, какой-то научно-фантастической драмой, если я могу судить о книге по обложке, я задаюсь вопросом, действительно ли это то, чего бы я хотела. Я никогда по-настоящему не встречалась с Лукой, никогда не задумывалась о том, чего бы хотела от мужа, потому что никогда не ожидала, что он у меня будет. Брак был чем-то таким, о чем я даже не думала. Хотела бы я прямо сейчас сидеть на коммерческом рейсе рядом с мужчиной, одетым в шорты-карго, в то время как мы летим с нашими орущими детьми в Орlando? Или, несмотря на все мои протесты и жалобы, это то, чего я на самом деле хочу? Мужа, который, конечно, кровожаден и смертельно опасен, но который также яростно защищает меня, даже если и по ошибке? Мужа, который доказал, что он буквально убьет, чтобы обезопасить меня, который противостоит Братве ради меня, который противостоял своему собственному боссу даже насмерть, чтобы сохранить мне жизнь? Который женился на мне, хотя ему не нужна была жена? Который показал, что, даже если он может быть собственником, непостоянным и даже немного властным, он не остановится ни перед чем, чтобы убедиться, что никто не причинит мне вреда?

Не говоря уже о великолепном муже, более шести футов точеных, твердых как скала мышц, с членом, который заставляет меня краснеть при одной мысли об этом, и талантами в постели, о которых я и не подозревала. Муж, который хочет трахнуть меня, использовать, сделать своей всеми возможными грязными способами, и который знает, как играть на моем теле, как на скрипке, к которой я так давно не прикасалась. Мужа, в которого, как я знаю, по крайней мере на какое-то время я влюбилась. Я думаю, что все еще могла бы любить его. Если бы я могла ему доверять. И самое главное, если бы я знала, что могу доверить ему нашего ребенка.

Желание прикоснуться к своему животу слишком сильно, чтобы сопротивляться, и я просовываю руку под мягкое одеяло, ощупывая свой все еще плоский живот под леггинсами. Если Лука увидит, я просто спишу это на тошноту, но прикосновение успокаивает, даже если на самом деле чувствовать пока нечего.

Мне нужно уйти, прежде чем живот начнет расти. Но, глядя на Луку, когда он читает свою книгу, нахмутив брови над каким-нибудь особенно интересным отрывком, я чувствую, как у меня начинает болеть сердце. Я не знаю, действительно ли это то, чего я хочу, и впервые в жизни я жалею, что забеременела именно сейчас. Жаль, что у меня не было больше времени разобраться в этом и решить.

Может быть, этот медовый месяц был плохой идеей.

Мне удастся вырвать только еще раз, что является рекордом для меня за последнее время. Но когда самолет начинает снижаться, я смотрю в иллюминатор и совершенно

забываю о своем бурлящем желудке.

Под нами самая голубая вода, которую я когда-либо видела, простирающаяся на многие мили вокруг в оттенках бирюзы и бирюзового чирка, о существовании которых я и не подозревала в реальной жизни. Вдалеке я вижу пляжи, а внизу, разбросанные здания, а также то, что выглядит как большой отель чуть дальше.

— Где мы находимся? — Спрашиваю я, глядя на Луку с разинутым ртом, изо всех сил пытаюсь осознать всю красоту происходящего.

Он ухмыляется, явно наслаждаясь моей реакцией.

— Добро пожаловать в наш медовый месяц, дорогая. Мы в Мюстик.

СОФИЯ

Мюстик

Очевидно, я слышала об этом. Это место отдыха знаменитостей, куда герцог и герцогиня Кембриджские отправились на свой медовый месяц, а теперь и я провожу свой. Это немного похоже на что-то из сказки, что я даже представить себе не могла. Я уже перешла от размышлений о том, действительно ли это была хорошая идея, к тому, чтобы быть невероятно довольной тем, что предложила Луке кинуться в эту авантюру. Но еще более ошеломляющим является то, что он выбрал пункт назначения. И он выбрал это место. Это невероятно романтично: частный остров с небольшим количеством других посетителей. По крайней мере, я так думаю, пока Лука не берет меня за руку, и улыбка на его лице расплывается еще шире.

— Я выкупил все виллы на всем острове на неделю, — говорит он, улыбаясь мне. — Этот частный остров полностью принадлежит нам, на нем нет ни души, кроме персонала. Мы можем сами выбрать место для ночлега. На следующую неделю Мюстик принадлежит нам.

Я даже представить себе не могу, сколько это все стоит. И более того, глядя на Луку, я не думаю, что он сделал это только из страха, что кто-то причинит мне вред, или потому, что он настолько ревнив, что не хочет рисковать, чтобы какой-нибудь незнакомый мужчина мельком увидел меня в бикини. Он сделал это, чтобы быть романтичным. Он сделал это для меня в качестве великодушного жеста. Это почти, как если бы он пытался свалить все плохое, что произошло между нами до сих пор, на меня.

Воздух теплый и влажный, когда мы выходим из самолета, и я чувствую, как мои волосы слегка вьются, обдуваемые цветочным бризом, когда мы выходим на взлетно-посадочную полосу. Улыбка расплывается по моему лицу, и я знаю, что здесь я смогу сделать именно то, о чем я просила Луку: провести время друг с другом, вдали от всего. Попытайся лучше понять друг друга, и понять могли бы мы быть счастливы вместе. Может быть, к концу всего этого я буду знать, смогу ли доверить ему свой секрет, если я смогу перестать играть в эти игры и просто быть его женой.

Мысль об этом звучит слишком непостижимо, чтобы быть правдой.

Лука указывает на виллы, когда мы подъезжаем к ним, отмечая различные особенности, которые выделяют их из толпы.

— В этом доме есть пейзажный бассейн, — говорит он, а этот больше выдержан в деревенском стиле, он немного удален от пляжа. Но там есть бассейн, который ведет прямо в воду. По сути, это остров сам по себе.

— Этот, — немедленно отвечаю я. Похоже, это именно то, чего я хочу: остров на острове, место настолько уединенное, что я не смогу сделать ничего, кроме как притвориться, что внешнего мира не существует.

— Ты уверена? — Лука ухмыляется. — Ты еще не видела интерьеров.

— Я уверена, — твердо говорю я ему и чувствую, как его рука снова скользит в мою, когда мы идем ко входу на виллу.

Я сразу же довольна своим выбором. Мы находимся на тропическом, прекрасном острове, в экзотическом и далеком месте, полностью изолированном от остального мира. Тем не менее, на этой вилле это ощущается еще сильнее.

— Этот дом был спроектирован известным мексиканским архитектором, — говорит мне Лука, пока мы идем, и я смотрю вокруг широко раскрытыми глазами, впитывая все это.

Все это поражает воображение, от выложенной плиткой каменной кладки вдоль дорожки, по которой мы проходим, до ухоженного, но дикого ландшафта с кустарниками, листьями, виноградными лозами, цветами и пальмами, до грубо обтесанных каменных стен. Сама вилла покрыта травой и соломенной крышей поверх терракотовых и глиняных стен, и я вижу пейзажный бассейн, о котором говорил Лука, край которого простирается до великолепных бирюзово-голубых вод. На палубе есть множество мест для отдыха, с деревьями и растениями в горшках и великолепным гамаком из макраме, висящим прямо у воды. Там есть массивный каменный камин, сделанный из камней размером с валун, собранных вместе таким образом, что они выглядят совершенно естественно, как будто они просто случайно оказались в таком расположении, которое идеально подходит для разведения огня. Все выглядит слегка неприрученным, чуть примитивным и очень экзотичным, но при этом более роскошным, чем даже пентхаус Луки дома.

Мы еще даже не были внутри, а я уже влюблена в это место. Квартира Луки великолепна, но я никогда не чувствовала себя в ней уютно. Здесь все выглядит достаточно по-деревенски, где я действительно могу расслабиться несмотря на то, что это, вероятно, безумно дорого.

— Мы можем остаться здесь навсегда? — Говорю я, глядя на Луку, только наполовину шутя. Боже, если бы только мы могли. Я представляю, как мы вдвоем, а в конечном итоге и втроем, навсегда останемся на этом частном острове, вдали от мафии, сборищ и братвы, боссов и подручных, итальянцев, русских и ирландцев, и всех конфликтов, которые длились годы за годами. Это звучит как рай.

Это звучит как рай, который я никогда не осмеливалась себе представить. В этот момент, глядя на счастливое, расслабленное лицо моего мужа, такого далекого от всего, что нас мучает, я уверена в одном: я ненавижу не Луку, а человека, в которого его превращает мафия. Это его обратная сторона. Человек, который выходит наружу, когда чувствует угрозу, или пойман в ловушку, или зол.

Именно этот человек приводит меня в ужас.

Мужчина, стоящий сейчас рядом со мной, держащий меня за руку, когда мы осматриваем виллу, где будем жить следующую неделю, это мужчина, которого я могла бы полюбить.

— Разве это не было бы здорово, — говорит Лука, и мне кажется, я слышу

неподдельную тоску в его голосе.

— Ты здесь в первый раз?

— Нет. — Лука бросает на меня взгляд. — И прежде, чем ты спросишь, нет, я никогда раньше не приводил сюда женщину. До тебя я едва ли провел с кем-нибудь ночь, помнишь?

Я действительно помню. Это часть того, что так трудно совместить в двух разных сторонах Луки. Что плейбой, который выгонял всех женщин из своей постели через несколько секунд после того, как кончал, не только позволял мне спать рядом с ним больше ночей, чем я могу сосчитать по пальцам, но фактически приказывал мне это делать.

Я первая женщина, которой он, кажется, не может насытиться, и в этом есть пьянящая сила.

Интерьер виллы так же великолепен, как и снаружи. Полы выложены холодным белым и бежевым камнем и покрыты ткаными коврами. Все выглядит удивительно естественно. Кровати из экзотического дерева, белые льняные простыни, тяжелые шторы овсяного цвета на окнах, колышущиеся на ветру. Ванная комната огромная, вся из камня, голубого стекла и белой плитки, с душем, который может соперничать с тем, что был в пентхаусе Луки, и плетеными корзинами с полотенцами и мочалками.

— На вилле работает собственный персонал, — объясняет Лука. — Здесь есть экономка, горничные и дворецкий, а также консьерж, если нам что-нибудь понадобится. Нам не придется покидать виллу, если мы этого не захотим. — Он улыбается, когда говорит это, и дрожь желания пробегает по моей спине, когда я осознаю, насколько близко мы находимся к кровати.

Я ожидаю, что он скажет мне непристойности, прикажет встать на колени, разденет догола и будет дразнить меня до тех пор, пока я не начну умолять. Но вместо этого Лука удивляет меня, кажется, уже в сотый раз за сегодняшний день.

Его рука скользит по моей щеке, его ладонь теплая и нежная на моей коже. Его глаза встречаются с моими, и у меня возникает то же головокружительное чувство, которое я испытывала раньше с ним, как будто комната сузилась до нас двоих, а все остальное расплывается и уплывает прочь. Я не могу представить, чтобы кто-то еще когда-либо заставлял меня чувствовать себя так, как будто мы единственные люди в мире и прямо сейчас, здесь, на этом острове, мы почти таковыми и являемся.

Когда его губы прижимаются к моим, это не жестко и не страстно. Это мягко и нежно, его губы касаются моих, как будто он целует меня в первый раз. Другая его рука скользит вверх по моей талии, сжимая мягкую ткань моей футболки, и я задыхаюсь, выгибаясь навстречу ему, не задумываясь, чувствуя, как в моей крови бурлит желание. Но на этот раз все медленно и сладко, а не горячо и яростно. Это не ненависть, смешанная с похотью, не гнев, смешанный с желанием, это просто потребность двух людей друг в друге, наши тела прижимаются друг к другу, как будто у нас нет другого выбора. Его губы не отрываются от моих, пока он снимает с меня рубашку, а затем леггинсы, пока мои руки снимают с него одежду предмет за предметом, пока мы не падаем обнаженные вместе на прохладные льняные простыни кровати.

Снаружи я слышу слабый плеск волн о берег, шелест бриза в пальмовых ветвях, и я чувствую, как у меня щемит сердце, когда Лука проводит губами по моей шее. Его дыхание становится коротким и учащенным, его нос касается моей кожи, когда он ласкает мою грудь, талию, бедра, его тело трется о мое так сладко, медленно, как я всегда и представляла, когда двое людей соединяются.

— София... — он шепчет мое имя, его глаза встречаются с моими, и я вижу в них что-то, чего в них раньше никогда не было. В его взгляде неприкрытая грубость, потребность, которая отличается от всего, что было раньше. Я отвечаю, не задумываясь, обвивая руками его шею и выгибаясь навстречу ему, слегка поскуливая от ощущения, того, как мои соски трутся о его твердую грудь.

Я чувствую, как он прижимается к моим ногам, твердый и утолщенный. Я позволяю своим ногам раздвинуться для него, обхватывая ими вокруг его талии, когда чувствую, как его бедра подаются вперед, первый дюйм его погружается в меня и заставляет меня вскрикнуть от удовольствия. Я ожидаю, что тогда он начнет толкаться, быстро и мощно, но он этого не делает. Он продолжает в том же медленном темпе, входя и выходя из меня долгими, уверенными толчками, которые ощущаются лучше, чем все, что мы делали раньше, лучше, чем поддразнивание, лучше, чем грубый секс. Это ощущается по-другому, наполнено эмоциями, которыми мы раньше не делились.

Когда я обвиваюсь вокруг него, чувствуя, как нарастает мой оргазм, я знаю, что мы зависаем на краю чего-то. Я знаю, что это опасно. Потому что сейчас мне было гораздо легче потерять себя, чем когда-либо прежде.

Не успеваю я оглянуться, как день переходит в вечер, а мы все еще лежим на теперь уже грязных льняных простынях, влажный воздух становится прохладнее по мере того, как поднимается ветерок.

— Я голоден, — бормочет Лука, поворачиваясь ко мне лицом. — Я думаю, нам следует заказать ужин.

— Хорошо. — Мой голос становится шепотом, и я чувствую, что все еще пытаюсь переварить все это. Это первый раз, когда мы с Лукой проводим целый день вместе, первый раз, когда мы занимаемся чем-то таким простым, как чтение рядом друг с другом. Первый раз, когда мы летели куда-то вместе, первый совместный отпуск, и определенно первый раз, когда мы делали, как бы я ни назвала то, чем мы занимались последние несколько часов.

Если бы это было с кем-то другим, я бы сказала, что мы занимались любовью. Но, несмотря на нелепую банальность этого термина, я никогда не могла представить, чтобы Лука делал это, или мы делали это вместе.

— Мы можем попросить что-нибудь конкретное, — продолжает Лука, совершенно не обращая внимания на мое душевное смятение, — но на вилле есть личный шеф-повар. Я бы порекомендовал позволить ему принести нам все, что он решит сам приготовить.

— По-моему, это звучит прекрасно. — Я улыбаюсь ему, пытаюсь скрыть свои нервы. Наверняка в этом есть что-то еще, верно? Конечно, это какой-то трюк. Способ заставить меня ослабить бдительность.

Если это так, то это работает.

Сначала мы принимаем душ, по очереди стоя под водой. В какой-то момент я чувствую, как рука Луки скользит вниз по моей спине, проводя по моей коже так, что меня охватывает восхитительная дрожь. Кажется, он хочет прикоснуться ко мне, почувствовать меня, как будто боится, что я могу исчезнуть. Это заставляет меня задаться вопросом, о чем он думает, но, как всегда, это все еще остается большой загадкой.

К ужину я переодеваюсь в легкий, развевающийся голубой сарафан с рисунком, кожаные сандалии на плоской подошве и золотые украшения с филигранью, оставляя волосы распущенными по плечам. Сушка на воздухе и влажность придали им мягкость, и я вижу, как Лука оценивающе смотрит на меня, когда мы выходим на балкон, где наш стол уже накрыт,

бутылка белого вина охлаждается в ведерке со льдом.

Блядь. Мне следует начать подсчитывать, сколько раз мне придется отказываться от алкоголя на этой неделе.

Лука отодвигает для меня стул, и я смотрю на него снизу вверх, пытаюсь увидеть в нем не мужа, с которым у меня были такие странные, случайные отношения, а просто мужчину. Мужчину, который приложил немало усилий, чтобы спланировать для нас романтический отпуск, мужчину, с которым у меня только что был сладкий, любящий секс, а теперь мужчину, который делает для меня такие вещи, как отодвигание стула. Красивого, обаятельного, харизматичного мужчину, который теоретически мог бы быть моим навсегда.

Лука откупоривает бутылку, слегка понюхав ее, прежде чем налить каждому из нас по бокалу.

— За нашу первую ночь на нашем собственном острове, — говорит он, постукивая бокалом по моему, и я улыбаюсь, прежде чем поднести его к губам и чуть-чуть попробовать.

Врачи говорят, что полстакана, это нормально, верно? Первый крошечный глоток заставляет меня пожалеть, что я не могу пить столько, сколько захочу. Оно приятное, освежающее и фруктовое, с ароматами яблока, груши и ванили, которые превосходят любое шардоне, купленное мной в продуктовом магазине. Я с некоторым сожалением ставлю бокал на стол, глядя на Луку, пока один из сотрудников приносит наши салаты, что-то с микрозеленью, мелко нарезанным сыром и ломтиками ананаса, с лимонным соусом.

— Это невероятно, — говорит Лука после первого кусочка. — Все это... просто невероятно. Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз был в отпуске.

— Серьезно? — Я удивленно смотрю на него. Имея столько денег, сколько у него есть, я бы подумала, что он все время будет отдыхать. — Когда ты в последний раз ездили в отпуск?

Лука корчит гримасу.

— По-моему, около трех лет назад, на Ибицу. Хотя это не тот отпуск, о котором ты хотела бы услышать, — добавляет он.

— Ой. — Я пытаюсь представить себе поездку, о которой он говорит, вероятно, с большим количеством супермоделей, запрещенных веществ и других вещей, в которых у меня нет абсолютно никакого опыта. Я выпаливаю свой следующий вопрос прежде, чем успеваю остановиться. — Тебя беспокоит, что я не очень... я думаю, “светская” было бы подходящим термином? Что я просто... скрытная, я полагаю?

— Нет, — решительно говорит Лука. — Ни капельки. Я полагаю, что кто-то, кто был воспитан так, чтобы быть частью жизни мафии, а не быть защищенным от нее, был бы полезен, но это не то, с чем ты могла бы помочь. И я не виню твоего отца за то, что он хотел, чтобы ты ушла из этой жизни.

Даже этого короткого заявления достаточно, чтобы дать мне крошечный проблеск надежды. Я знаю, что тянусь, хватаюсь за соломинку, но я чего-то хочу. Чего-то, что могло бы означать, что эта неделя, не просто вспышка счастья перед тем, как мне придется погасить тлеющие угли того, что могло бы быть между нами.

— А что, если бы у тебя был ребенок? — Неуверенно спрашиваю я. Я знаю, что это слишком близко к опасности, слишком близко к тому, чтобы сказать ему правду, но я ничего не могу с собой поделать. — Ты бы хотел, чтобы он был частью этого?

Лука замолкает, кладет вилку и смотрит на меня, и в его глазах появляется выражение, которое я не могу понять. Но он серьезен, когда отвечает. Он не отмахивается от меня и не

напоминает о контракте, который я подписала, о том, что у него никогда не должно быть ребенка.

— Ну что ж, — медленно произносит он. — Я знаю, ты хочешь, чтобы я сказал нет, что я бы не хотел, чтобы ребенок рос в такой жизни. Но ответ гораздо сложнее, — усмехается он. — Иногда ты задаешь мне непростые вопросы, София. Например, о том, каким мужем я хотел бы быть. Теперь ты спрашиваешь меня, что я за отец.

— Разве это плохо? — Мой голос слегка понижается, становится приглушенным. Мой салат забыт прямо передо мной, все, о чем я могу думать, это глаза Луки, устремленные на меня, выражение его лица искреннее и задумчивое. Это другой Лука, тот, кому не все равно. Тот, кто слушает меня.

— Нет. — Лука качает головой. — Мне нравится, что ты иногда бросаешь мне вызов. В других случаях это может привести в бешенство. — Говорит он с ухмылкой. — Но я не думаю, что ты бы меня так привлекала, если бы ты была похожа на других женщин, просто переворачивалась и раздвигая передо мной ноги, заискивая передо мной. Или если бы ты была тряпкой у двери, кем-то, кто все время плакал, кто просто без борьбы уступал тому, чего не хотела. В тебе есть огонь, София, и, несмотря ни на что, мне это нравится.

Я молчу, это все, что я могу сделать, чтобы у меня не отвисла челюсть. Это не то, что я когда-либо думала услышать от него.

— Что касается ребенка... — Лука колеблется. — Если бы у меня был сын, я бы хотел, чтобы он унаследовал власть после меня. Чтобы продолжить наследие, которое я создал. Чтобы как-то оправдать все это. И дочь... — он замолкает, глядя на меня своим пронзительным зеленым взглядом. — Даже шесть месяцев назад у меня, вероятно, был бы другой ответ на этот вопрос. Но после того, как я увидел, через что прошла ты и через что прошла Катерина, я бы воспитывал дочь по-другому. Я бы не стал выдавать ее замуж, чтобы заключить союз. Теперь я слишком близко увидел ту боль, которую это может причинить.

— А что, если бы у тебя была только дочь, а не сын? — Я наблюдаю за его лицом, зная, что мне следует увести разговор в сторону от этого, но мне чертовски любопытно. — Что тогда?

— У мафии никогда не было привычки отдавать наследство дочери, — осторожно говорит Лука. — Но способы ведения дел могут измениться.

Это больше, чем что-либо другое, поражает меня.

— А что насчет людей? — Тихо спрашиваю я. — Ты думаешь, они могут измениться?

— Если они этого захотят сами.

Фраза повисает в воздухе. Я слышу, как бьется мое сердце, каждый удар прерывает тишину, и я знаю, что хочу этого. Я хочу, чтобы мы были вместе. Я хочу мужчину, сидящего передо мной, потому что я верю, что этот мужчина не сказал бы мне избавиться от ребенка, которого мы зачали вместе в ту ночь, когда мы оба впервые по-настоящему захотели друг друга.

— Лука, я...

Он наклоняется ко мне, обхватывая мое лицо ладонями, когда ветерок треплет мои волосы, и я вдыхаю, когда он целует меня. Я чувствую запах соли в воздухе, фруктовый аромат вина, пряность его одеколона и тепло его кожи, и я хочу его. Мое тело словно разжижается, тает, такое же бескостное и теплое, как воск в свечах на столе.

Я хочу остаться здесь навсегда. Я хочу, чтобы это никогда не заканчивалось.

Раскат грома разрывает нас на части, и прежде, чем мы успеваем даже пошевелиться,

чтобы осмотреться, встать или узнать погоду, небеса разверзаются, и начинается проливной дождь.

Лука хватает меня за руку, помогая встать со стула, и мы бежим обратно на виллу, уже промокшие насквозь, и оба смеемся. Снаружи дождь льет как из ведра, небо раскалывается от света, стол, вино и наша еда полностью промокли во время шторма, который появился из ниоткуда.

— Здесь все именно так, — говорит Лука со смехом. — В одну минуту красиво и тихо, а в следующую идет дождь и шторм.

Я поворачиваюсь к нему, мое сердце бешено колотится в груди, когда я смотрю на его великолепное, точеное лицо.

— Вроде как мы.

Его пристальный взгляд ищет мой, и я не знаю, что он там ищет и нашел ли он это. Все, что я знаю, это то, что, когда он целует меня, у меня и мысли нет о сопротивлении. Не тогда, когда его горячий язык скользит в мой рот, его руки запутываются в моих мокрых волосах, когда он крепко прижимает меня к себе, и не тогда, когда мы вместе оказываемся на прохладной каменной плитке, французские двери все еще открыты, а занавески бешено хлопают на ветру, который усиливается, когда дождь проливается на окна и дверной проем.

Однако мы уже промокли насквозь, и никому из нас нет до этого дела. Моя юбка задирается вокруг бедер, джинсы Луки расстегнуты и спущены вниз, и через несколько секунд он внутри меня. Он не такой мягкий и сладкий, как раньше, но и не грубый. Это что-то совсем другое, его движения почти отчаянные? Это напоминает мне о той ночи, когда он прилетел домой после покушения на меня, о том, как он, казалось, нуждался во мне с яростью, которая пробирала до костей, чтобы напомнить себе, что я жива, что я все еще принадлежу ему. И я тоже это чувствую. Мы прижимаемся друг к другу, насквозь промокшие, наша кожа горит лихорадочным жаром холодным дождливым вечером. Я забываю, где заканчиваюсь я, и начинается он, когда я переплетаю свои ноги с его, прижимаясь друг к другу.

Как будто мы оба знаем, что балансируем на острие ножа, рискуя потерять друг друга, что мы на перепутье. Мы оба заключили сделку с дьяволом, чтобы попасть сюда, и теперь я знаю, что должна заплатить за это.

Я просто не думала, что в придачу потеряю свое сердце.

СОФИЯ

В конце концов мы снова принимаем душ, чтобы согреться, а затем переодеваемся в более удобную одежду: мягкие кашемировые джоггеры и обтягивающую укороченную майку для меня, серые спортивные штаны и белую футболку для Луки. Я редко видела его таким. Обычно дома он остается в своей рабочей одежде до тех пор, пока не приходит время ложиться спать, и, по-моему, в ней он даже горячее, чем во всем остальном, в чем я его видела. Он выглядит довольным и расслабленным, даже его волосы растрепались больше обычного, и это так отличается от того, каким он обычно бывает. Но опять же, все на этой неделе именно так и обстоит.

Почти сразу же, как мы выходим из душа, отключается электричество, а снаружи все еще бушует буря. Через несколько минут раздается стук в дверь, один из сотрудников приходит узнать, хотим ли мы еще наш ужин, и извиняется, хотя в этом явно нет ничьей вины.

В результате остаток ужина мы съедаем при свечах в столовой, из окон которой открывается вид на воду. За стеклянными дверями нам видна вся гроза, снова и снова сверкают молнии и льет дождь, пока мы едим жареную утку с пряностями, картофельное пюре с маслом и хрустящую брюссельскую капусту, обжаренную с панчеттой, апельсином и какой-то глазурью, которая вкуснее, чем я когда-либо представляла, может быть у брюссельской капусты.

Позже, засыпая под шум утихающего дождя, я не могу отделаться от мысли, что сегодняшний день, должно быть, был счастливой случайностью. Тест или что-то в этом роде, придуманный Лукой. Даже когда он заключает меня в свои объятия, чтобы уложить спать, чего он никогда не делает, я не могу позволить себе полностью расслабиться. Но до конца недели ничего не меняется. На следующее утро мы завтракаем на балконе, солнце такое же бодрящее, ясное и голубое, как и прошлой грозовой ночью. Завтрак восхитительный, яйца-пашот, копченый лосось и вафли с медовыми цветами и ванильным сиропом, стекающим с них вместе с растопленным сливочным маслом. Я хочу съесть все.

В результате я съедаю половину первой душераздирающе вкусной вафли, прежде чем мне приходится бежать в ванную, чтобы меня вырвало. Когда я возвращаюсь, Лука странно смотрит на меня.

— Ты в порядке? — Это все, что он спрашивает, накалывая кусочек кабаньей колбасы, но я слышу в его голосе что-то еще. Это заставляет меня задуматься, не начинает ли он что-то подозревать.

— Думаю, это все, из-за перелета, — слабо говорю я, зная, насколько это плохое оправдание. Я никогда не слышала, чтобы из-за смены часовых поясов кого-то тошнило. Но это лучше, что я могу придумать под давлением.

Мне придется придумать способ блевать более приватно.

К счастью, Лука не подвергает сомнению мое решение этим утром пить только воду. После завтрака мы переодеваемся в купальные костюмы. Когда я выхожу на палубу, где Лука уже растянулся в шезлонге, он замечает меня и так одобрительно присвистывает, что я понимаю, что он говорит серьезно.

— Ты уже видел меня обнаженной, — поддразниваю я его, — и в нижнем белье. Конечно, не в бикини, но это не так уж и поразительно.

— В великолепной девушке в бикини есть что-то, что просто радует, — сообщает он мне. — Давай, залезай в бассейн. Я хочу увидеть тебя мокрой в бикини.

До этого я, возможно, пожаловалась бы или попыталась поспорить, но вместо этого я просто покачиваюсь в сторону сверкающего пейзажного бассейна, наслаждаясь ощущением его взгляда на себе. По такому случаю я выбрала бикини-стринги цвета морской волны, которое завязывается на бедрах и едва прикрывает изгибы моей задницы, с топом, который на самом деле не предназначен для того, чтобы стеснять мою полную грудь чашечками. Когда я оборачиваюсь, то вижу, что у Луки уже встает, просто наблюдая за мной.

Я ныряю в прохладную воду, проплываю несколько гребков, а затем встаю. Улыбка расплывается по моему лицу, когда я смотрю на Луку, кажется невозможным быть несчастной здесь, под солнцем, в этой прекрасной воде, когда в моем распоряжении все,

чего я только могла пожелать или в чем нуждалась, и самый великолепный мужчина, которого я когда-либо видела, смотрит на меня так, словно я богиня. Все, что происходит дома, кажется таким далеким, как будто это произошло в другом мире, с другими людьми. Я знаю, что это неправда.

Но притворяться так легко.

Рука Луки тянется к поясу его плавок. Он едва успевает вытащить свой твердый член, прежде чем я подхожу к нему, мое тело уже снова жаждет его, я сажусь верхом на его шезлонг, отодвигаю свое мокрое бикини в сторону и опускаюсь на него сверху.

Здесь я чувствую себя кем-то другим. Кем-то красивым, распутным, соблазнительным. Кем-то, кто может сделать что-то подобное... сексуально подойти к своему мужу и сесть на его член, не испытывая стеснения. И Луке это чертовски нравится. Я могу сказать это по тому, как он хватается меня за бедра, по тому, как он рычит, целуя меня, по тому, как он, кажется, не может насытиться, его руки и рот повсюду, когда он притягивает меня к себе, пока я седлаю его член, его губы лихорадочно движутся по моей шее и груди и обратно к губам.

И так каждый день. Мы ужинаем на балконе, веранде или в столовой с распахнутыми дверями, чтобы впустить морской бриз, одним утром сидим прямо перед нашей спальней, а другим у бассейна, угощая друг друга фруктами и кусочками сыра под лучами островного солнца. Мы загораем у бассейна и купаемся в море. Лука берет меня с собой нырять с маской и трубкой, показывает разных рыб, когда они проплывают мимо, целует меня, когда мы выныриваем. Он берет меня покататься верхом на острове, чего никто из нас никогда раньше не делал. Впервые я вижу что-то действительно похожее на страх на лице Луки, когда его лошадь начинает фыркать и идти рысью чуть быстрее, чем нужно, игнорируя его, когда он натягивает поводья. Я не могу удержаться от смеха... Лука такой крутой, альфа-босс мафии, человек, способный на столько насилия и вселяющий столько страха в других. Тем не менее, сидя верхом на гарцующем черном коне, он выглядит совершенно неуверенным в себе. В каком-то смысле приятно видеть, что он выглядит таким человеческим, таким нормальным.

Я теряю счет тому, сколько раз мы занимались любовью, потому что именно на это, это все и похоже. В нем нет ни гнева, ни ненависти, ни негодования, как будто, отгородившись на некоторое время от остального мира, мы забыли обо всем этом. Это лишило нас, в прямом и переносном смысле, того, кем мы являемся как люди, не дочерью Джованни или сыном Марко, не осиротевшими скрипачкой и доном мафии, не невольной невестой или невольным женихом. Только София и Лука. И в течение недели я обнаруживаю, что мне нравится, кто мы такие. Но, конечно, это только усложняет все дело. Потому что у меня все еще есть свой секрет, и он или она растет с каждым днем.

Несколько раз я чуть не сказала об этом Луке. Это вертится у меня на кончике языка, обычно в наши самые интимные моменты, но каждый раз я останавливаю себя. Все еще есть этот затаенный страх, что что-то в этом не по-настоящему, что другой ботинок может упасть в любой момент. А потом я думаю об Ане и о том, на что она идет, чтобы найти выход для ребенка и для меня, и я снова в замешательстве.

Я не думаю, что мне больше нужен выход. Но что, если я ошибаюсь?

Весь полет домой я чувствую, что вот-вот расплачусь. Мы с Лукой в последний раз занялись любовью на прохладной кровати, застеленной льняными простынями, прежде чем собрать вещи, чтобы уехать, и я прижалась к нему, желая остановить время и не

возвращаться к реальности.

Чтобы не приходилось делать выбор, который мне скоро предстоит.

На обратном пути мы оба молчим. Интересно, чувствует ли Лука то же самое, что и я, думает ли о том же. Я не осмеливаюсь спросить. Я чувствую, как напряжение растет по мере того, как проходит час, и мы приближаемся к дому, и я чувствую стеснение в животе, которое не имеет никакого отношения к моей беременности. Я не хочу возвращаться к тому, как все было раньше. Я не могу сожалеть о времени, которое мы провели вместе во время медового месяца, это была одна из лучших недель в моей жизни, но сейчас гораздо тяжелее осознавать, что мы можем быть вместе. Зная наверняка, насколько хорошими мы можем быть, что короткий промежуток времени до этого был не просто случайностью.

Это могло бы быть реальностью. И я хочу этого.

На взлетной полосе нас ждет машина. Когда мы проскальзываем внутрь, я ожидаю, что Лука отстранится, снова замкнется, но он этого не делает. Вместо этого он тянется к моей руке, и я чувствую, как моя грудь сильно сжимается, когда его пальцы переплетаются с моими.

Я не была уверена, чего ожидать, когда мы вернемся в пентхаус, вернемся ли мы к напряжению и холодности друг к другу, будет ли это неловко, если последняя неделя просто исчезнет.

Я никогда, даже в самых смелых мечтах, не ожидала бы того, что мы увидели, когда двери лифта открылись.

Кровь размазана по полу, стенам, кровавый отпечаток ладони на полпути вверх, как будто кто-то пытался подхватиться, прежде чем упасть, или подняться на ноги. Лука немедленно отшатывается, его рука тянется к пистолету, которого там нет, он с силой отталкивает меня за спину, делая несколько шагов назад и оглядываясь по сторонам.

— Мы поднимемся по лестнице, — решительно говорит он. — Держись позади меня.

На этот раз я слишком напугана, чтобы спорить. Я поступаю именно так, следуя за ним вверх по лестнице. Это утомительно, подниматься пешком в пентхаус. К тому времени, как мы добираемся до нашего этажа, я так тяжело дышу, что предпочла бы просто прокатиться в чертовом лифте.

Лука осторожно открывает дверь, на мгновение прислушиваясь к шагам или шуму. Раздается слабый, низкий стон, и он хмурится.

— Что за хрень? — Бормочет он, выглядывая в коридор. — Блядь.

Последнее он произносит громче, горячо ругаясь, и мой желудок сжимается при мысли о том, что может быть там, снаружи. Я думаю о том, что кто-то оставил нам раненое животное как своего рода извращенное предупреждение или полуживое тело одного из людей Луки. И действительно, когда мы оба выходим в коридор, на пороге нашего дома лежит распростертое тело. Ковер в холле испачкан кровью, и когда мы осторожно приближаемся, я вижу ее по всему телу, на кистях, предплечьях, лице... ее лице.

Я зажимаю рот руками, подавляя крик.

Анастасия... моя Ана.

СОФИЯ

На минуту я даже не уверена, жива ли она. Но затем она двигается, совсем чуть-чуть, и еще один стон срывается с ее разбитых и распухших губ.

— Нам нужно затащить ее внутрь, — настойчиво говорит Лука. — Быстрее! Помоги мне с ней.

Она лежит мертвым грузом, но каким-то образом нам вдвоем удастся осторожно затащить ее внутрь и доставить в ближайшую гостевую ванную на втором этаже квартиры. Я впечатлена тем, что Луке, похоже, все равно, что кровь капает по всему полу или что она размазана по его джинсам и новой белой футболке. Он сосредоточен на том, чтобы мы отнесли ее куда-нибудь, где мы сможем лучше осмотреть ее травмы. Когда мы укладываем ее на теплый кафельный пол ванной комнаты с подогревом, Лука начинает открывать краны в ванне.

— Нам нужно согреть ее, уберечь от шока, — твердо говорит он. — София, она вообще реагирует?

— Немного, я думаю. Мы должны отвезти ее в больницу, позвонить 911...

— Нет. — Голос Луки тверд. — Мы не знаем, как давно это произошло. Если это была Братва, они все еще могут быть рядом. Возможно, они ждут, что мы сделаем именно это. Нам нужно позаботиться о ней здесь, где безопаснее.

Я с ним не спорю. Вместо этого я возвращаю свое внимание к Ане, пытаюсь оценить ее травмы. Ее губы распухли и багрово-красные, скулы разбиты и в синяках, опухшие глаза почти закрыты. Ее лицо в крови, у нее не хватает клока волос, кожа головы кровоточит в том месте, где она была вырвана.

— Проверь ее рот, — приказывает Лука. — Ее зубы.

Ужас захлестывает меня при этой мысли, заставляя мой желудок сжиматься и переворачиваться, но я заставляю себя подавить его. Меня сейчас не вырвет. Нет. Точно не сейчас! Вместо этого, морщась от страха, я приоткрываю ее губы, проверяя зубы и внутреннюю часть рта на наличие повреждений. Но с языком и зубами у нее все в порядке, и, насколько я могу судить, ногти тоже целы, но затем, когда я осматриваю ее тело вдоль всей длины, ее разорванную одежду, я вижу нечто такое, что заставляет меня почти кричать и давиться желчью.

Ее ступни фиолетовые, в синяках и побоях, и я вижу пересекающиеся порезы на подошвах ее ног, глубокие порезы, покрытые коркой крови. Ее большой палец и мизинец выглядят сломанными, и я зажимаю рот рукой, стараясь не разрыдаться.

— Ее ноги, Лука...

Он оглядывается, и я вижу настоящий ужас на его лице. Почему-то от этого я чувствую себя еще хуже, потому что я знаю, что Лука совершал ужасные вещи. Он пытал людей, причинял ужасную боль. Но даже он выглядит шокированным и выбитым из колеи при виде ног Аны, его кожа приобретает слабый зеленый оттенок, когда он смотрит на них сверху вниз.

— Черт, София, — шепчет он. — Я никогда не видел ничего подобного. Кто бы ни сделал это с ней...

— Это Братва? — спрашиваю я, мой голос дрожит, когда я пытаюсь сдержать слезы.

— Может быть. Я не могу вспомнить никого, кто мог бы совершить что-то настолько ужасное. Пытки, которые я совершал и видел, сейчас кажутся, похожими на санаторно-курортное лечение. Я не хочу говорить тебе... — он замолкает, его кожа становится

восковой, когда он замечает внешность Аны. — Нам нужно затащить ее в ванну и согреть, смыть с нее как можно больше крови.

Лука помогает мне срезать с нее то, что осталось от одежды, но в этом нет ничего сексуального. Он делает это эффективно и безэмоционально, и когда она наконец раздета, и мы опускаем ее в теплую ванну, ее покрытое синяками тело выглядит таким хрупким и бледным, что у меня болит сердце, когда я смотрю на нее. Она неглубоко дышит, и я опускаюсь на колени рядом с ванной, мое зрение затуманено эмоциями.

— Ты не мог бы принести мне стопку мочалок? — Спрашиваю я Луку, и он оживленно кивает, возвращаясь с целой охапкой из бельевого шкафа за считанные секунды. Все они дорогие, независимо от того, какой люксовый бренд покупает его домработница на выделенные ей средства, но ему явно все равно.

Я поднимаю на него взгляд всего на секунду. В этот момент я мельком вижу его в окровавленной рубашке, с растрепанными волосами, с лицом, испачканным той же кровью, и я вспоминаю другую ночь в этом пентхаусе, когда я посмотрела на него снизу вверх, и он был таким же. Это заставляет меня осознать, как далеко мы продвинулись, даже за такое короткое время. Насколько все по-другому. Я бы не подумала, что неделя может так сильно изменить ситуацию, но я чувствую, насколько мы сблизилась. Мы действовали как команда, затащив Ану внутрь, и теперь мы делаем то же самое, Лука протягивает мне мочалку и ждет, чтобы взять ту, что у меня есть, когда она станет слишком грязной, и дать мне свежую.

Медленно, все время следя за ее дыханием, я смываю кровь, грязь и рвоту с моей лучшей подруги. Я ополаскиваю ее волосы, осторожно проводя пальцами по густым светлым прядям, пока они не становятся настолько чистыми, насколько это возможно, а затем тщательно мою ей лицо, используя мочалку и кончик пальца, чтобы стереть кровь с ее глаз, носа и разбитых губ.

Лука не говорит ни слова, просто берет окровавленные тряпки и в какой-то момент сливает воду и снова наполняет ванну, когда вода становится слишком розовой и грязной, пока я держу ее, все это время наблюдая за ее дыханием.

Я не могу сдержать слез, когда добираюсь до ее порезанных и сломанных ног.

— Она балерина, — шепчу я, не в силах даже взглянуть на Луку. — Вся ее жизнь, вся ее карьера... все исчезло. Она больше не сможет танцевать, по крайней мере, так, как раньше. Нет никакого способа.

— Я знаю. — Челюсть Луки сжата, выражение его лица жесткое. — София, я клянусь, я убью того, кто сделал это с ней. — Я вижу, как напрягаются мускулы на его щеках, когда он смотрит на Ану сверху вниз. — Если это Братва... это моя вина, я отправил ее к ним. Я все исправлю, клянусь.

Я думаю, что это тоже может быть и моей виной, и мне снова становится дурно. Я тоже просила Ану провести разведку для меня. Не только Лука поставил ее в такое положение, хотя он этого и не знает.

Когда она становится такой чистой, какой должна быть, ее кожа становится теплой на ощупь, а дыхание чуть более ровным, Лука помогает мне вытереть ее мягкими пушистыми полотенцами и завернуть в один из халатов для гостей. Мы относим ее на кушетку, и пока она там лежит, Лука приносит мне аптечку первой помощи, и я аккуратно накладываю мазь и марлю везде, где, как мне кажется, это может помочь. Пока я ее латаю, Лука подходит и садится рядом со мной на пол, еще кое-что, чего я никогда не видела, чтобы он делал.

— Мне жаль, — говорит он ни с того ни с сего, глядя на меня.

— Что? — Я испуганно смотрю на него. — За что? Мы не уверены, что это Братва, но если это так, то Лука, она согласилась на это. Я думаю...

— Нет, — перебивает он меня. — В ванной ты сказала, что Ана больше не будет танцевать. Что из-за этого у нее отняли всю ее карьеру. Ее жизнь. И я понял... я сделал это и с тобой тоже.

Мои руки замирают, тюбик с мазью дрожит в моих пальцах. Из всего, что я ожидала услышать от Луки, это определенно не входит в их число.

— У тебя была своя жизнь до того, как ты вышла за меня замуж. Потенциальная карьера музыканта. Скрипачки, и как мне сказали, очень неплохой. Я отнял это у тебя. Это было сделано, чтобы спасти твою жизнь, и я бы сделал это снова, но я никогда не признавал, что ты что-то потеряла. Только то, что я чувствовал, что ты неблагодарная за то, что тебе дали. — Он натянуто улыбается мне, его челюсть все еще напряжена. — Я не силен в извинениях, София. У меня очень мало практики общения. Но если ты примешь их, когда все закончится, я найду какой-нибудь способ загладить свою вину перед тобой. Я обещаю.

Я чувствую себя так, словно из меня выкачали весь воздух, как будто я не могу дышать. Это то, чего я хотела, все, чего я хотела долгое время, чтобы Лука признал, что, хотя я, конечно, была рада, что он спас мне жизнь, он также так много отнял у меня. Все мои планы, все мое будущее, которое я наметила и ради которого так усердно работала.

Я думала, что извинений никогда не последует. Но вот они. И я могу сказать, что он говорит серьезно.

Интересно, сейчас подходящее время рассказать ему о ребенке? Попросить начать с ним все сначала, создать семью, совместную жизнь взамен той, которую я потеряла, когда мы были женаты. И снова у меня на кончике языка вертится признание, разговор, который, я знаю, я не смогу откладывать вечно, пока не найду способ уйти. Однако прежде, чем я успеваю что-либо сказать, Ана стонет позади нас, глубокий звук боли, который заставляет нас обоих обернуться, чтобы посмотреть на нее.

— С — София? — Ее голос надтреснутый и хриплый, и у меня мурашки бегут по коже, когда я слышу его, потому что я помню, каково это, звучать именно так. Теперь я знаю этот звук, это звук, который вы издаете, когда у вас саднит горло от крика, и я слишком живо помню, как я дошла до этого момента на квартире с Росси и его людьми.

— Я здесь. — Я нежно беру ее за руку. — Лука тоже.

Она нервно переводит на него взгляд.

— Лука. Мне... жаль. — Она пытается сглотнуть, и Лука протягивает мне стакан воды, который я осторожно подношу к краешку ее губ, помогая ей поднять голову, чтобы она могла сделать маленький глоток.

— Все в порядке, — говорит он, придвигаясь ближе ко мне. — Кто бы ни сделал это с тобой, я найду их. Но мне нужно знать. Это была Братва? Один из бригадиров?

Ана качает головой.

— Нет, — выдавливая ее из себя, делая еще один глоток. Ее глаза приоткрыты лишь наполовину, веки слишком припухли. Она облизывает губы и морщится, снова постанывая от боли.

— Кто, Ана? — Руки Луки сжимаются в кулаки. — Я знаю, это больно. Но кто-то должен ответить за это, и мне нужно знать, прежде чем они нанесут новый удар. Кто это с тобой сделал?

Ана переводит взгляд с меня на него, и я вижу на ее лице неподдельный страх.

— Я...не могу...

— Ты должна, — настаивает Лука. — Кто бы это ни был, я тебе поверю. Но мне нужно, чтобы ты сказала мне правду. Я не смогу помочь ни тебе, ни кому-либо другому, если не буду знать.

Ана беспомощно смотрит на меня.

— Скажи ему, — настаиваю я и замечаю вспышку удивления на ее лице. — Кто это сделал?

Она медленно, прерывисто выдыхает.

— Франко, — шепчет она.

— Что? — Мы с Лукой произносим это почти одновременно. — Ты уверена? — Спрашиваю я, хотя и знаю, насколько нелеп этот вопрос. Конечно, она уверена. Конечно, она знает, кто причинил ей такую боль. Но в этом нет никакого смысла.

— Это был Франко, — повторяет она, ее глаза закрываются. — Он... сделал... это... со мной...

А затем она снова откидывается назад, ее дыхание становится медленным и неглубоким, когда она снова впадает в беспамятство.

— Блядь, — шипит Лука, его взгляд скользит по Ане. — Я, черт возьми, в это не верю.

— У нее нет никаких причин лгать.

— Нет, я знаю это. — Он стискивает зубы. — Я просто не понимаю, зачем ему... — Лука резко встает, каждый дюйм его тела напряжен и зол. — Я собираюсь пойти поговорить с ним. Я собираюсь разобраться с этим дерьмом.

Он смотрит на меня.

— Оставайся с ней, — говорит он, как будто у меня был выбор или я могла бы сделать что-то еще. А затем, к моему удивлению, он целует меня в макушку, прежде чем направиться к входной двери.

У меня кружится голова, когда я смотрю, как он уходит. Я не могу понять, зачем Франко понадобилось делать что-то подобное. Я не могу придумать ни одной причины, если только... Я чувствую, как мой пульс учащается, как сердце бешено колотится в груди. Если он узнает, о чем я просила Ану...

О боже, не дай этому случиться. Пожалуйста, пусть этого не будет.

Я сижу с ней, пока она снова не начинает просыпаться, несколько часов спустя, и на этот раз она немного более осознанна.

— София, — шепчет она, протягивая мне руку, и я прислоняюсь к краю дивана, изо всех сил стараясь не расплакаться. — Мои... ноги...

— Я знаю. — Я с трудом сглатываю, нежно сжимая ее руку. — Мне так жаль.

— Я выяснила... кое-что. — Ана слегка хрипит, сглатывая. — О твоей матери. Там, в России, она была важной персоной или, по крайней мере, ее отец был таким. Он был вторым по старшинству после их пахана. Аналог Виктора в Москве. И предполагалось, что у нее будет хороший брак, а ее муж унаследует большую власть. Она происходила из рода очень могущественных графов.

— Черт. — Я смотрю на нее. — И мой отец, по сути, забрал ее и привез сюда, в итальянскую мафию.

— Это была огромная проблема, — подтверждает Ана. — Из-за этого чуть не началась война. И поэтому, когда Виктор решил, что хочет переехать на территорию Росси, он захотел тебя. Будучи дочерью влиятельного итальянца и русской женщины, происходящей из

влиятельной семьи, ты могла бы придать ему больше легитимности в качестве его жены.

— Значит, он не хотел меня продавать? Он хотел...

— Жениться на тебе. Да.

— И что дальше... — я откидываюсь на спинку стула, медленно выдыхая. — Теперь я ему не нужна.

— Вероятно, нет, — тихо говорит Ана. — Ты не девственница, ты замужем — и с тобой нелегко развестись, будучи католичкой, — и, что еще хуже, ты носишь ребенка Луки. Его наследника. Обращение к Виктору не решит твою проблему, потому что он почти наверняка поставит условием любой помощи прерывание беременности. В противном случае ребенок может вырасти и решить, что он или она хочет отомстить и вернуть территорию своего отца. Он не станет так рисковать. — Она печально смотрит на меня. — Мне жаль, София. Я хотела помочь. Но я не знаю, что сделать. Русские, это не выход.

Я киваю.

— Я делаю это, чтобы спасти своего ребенка. Так что это не имеет смысла...

— София, есть кое-что еще, — настойчиво говорит Ана. — Что-то действительно важное...

Ее прерывает звук хлопнувшей входной двери. Я оборачиваюсь, напрягшись в ожидании незваных гостей, мое сердце бешено колотится в груди, когда я подавляю внезапный страх.

Но это не Братва. Это Лука, вернувшийся после разговора с Франко. И он выглядит разъяренным.

— София. — Его голос убийственно спокоен, и я тут же понимаю, что произошло что-то ужасное, что-то, из-за чего он снова разозлился на меня. — Убирайся, блядь, наверх. Сейчас же.

Я начинаю спорить, не желая оставлять Ану. Но один взгляд на его лицо говорит мне, что этого делать нельзя. Впервые за все время нашего брака я не сопротивляюсь ему.

Я просто встаю и иду наверх.

ЛУКА

— Ты, черт возьми, предала меня. — Я едва могу сдержать свою ярость, а теперь, вдобавок ко всему, и свою обиду.

Я потерял бдительность с Софией. Я начал доверять ей. Хуже того, я начал влюбляться в нее. Только для того, чтобы вернуться домой и узнать, что она все это время строила козни против меня. Я так и знал. Я знал, что это была игра. Я никогда не должен был позволять себе думать по-другому.

— О чем ты говоришь... — начинает говорить София, и я чувствую, что меня трясет от ярости.

— Не лги мне, блядь! — Реву я, и мой голос наполняет комнату. — Меня чертовски тошнит от этой лжи! Ты знаешь, о чем я говорю. Вы с русской шлюхой сговорились обмануть меня. Я послал ее найти информацию, чтобы спасти тебя, помочь установить мир, и все это время она искала способ заставить Виктора помочь тебе сбежать. Ты собиралась помочь гребаным русским, чтобы только убраться отсюда. Почему? Я не знаю, и мне, черт

возьми, все равно. Ты предала меня, сука, и ты и твоя подруга заплатите за это.

София сейчас плачет, ее лицо красное и в потеках слез, но мне все равно. Я никогда не мог припомнить, чтобы был так зол, на грани того, чтобы разорваться от этого. Ни тогда, когда она столько раз сопротивлялась мне раньше, по стольким разным поводам, ни в другие разы, когда она лгала, ни тогда, когда она пыталась убежать.

Потому что тогда, по крайней мере, я не влюбился в нее по уши.

Я, конечно, знаю, почему она пыталась торговаться с русскими, почему она пыталась бежать. Ребенок. Она не доверяла мне, думала я заставлю ее следовать букве контракта. Но я не хочу, чтобы она знала, что я это знаю. Я хочу, чтобы она сама мне рассказала. Раньше, потому что я хотел, чтобы она доверилась мне. Сейчас, потому что я хочу, чтобы она просто не лгала ни об одной гребаной вещи.

— Ты бы далеко не ушла, — насмехаюсь я над ней. — Тот браслет, который ты носила все время, потому что я подарил его тебе, и это было ооочень романтично? — Я передразниваю ее голос, мой повышается в тональности. — В нем было устройство слежения. Вот как я нашел тебя на той квартире. И это не единственное украшение, которое у тебя есть. Поэтому, когда ты неизбежно взяла бы что-нибудь с собой на продажу, как жадная маленькая шлюха, какой ты и являешься, я бы смог последовать за тобой.

— У тебя устройства слежения в моих украшениях? — София выглядит испуганной, и я не могу удержаться от смеха.

— Конечно, черт возьми. Тебе нельзя было доверять, и ты доказала, что я был прав, когда убежала. Если бы я этого не сделал, ты бы сейчас лежала на глубине шести футов, замученная до смерти и изнасилованная головорезами Росси. Так что не говори мне, что ты злишься из-за того, что я вставил маленький чип в твой бриллиантовый браслет.

— Откуда ты знаешь обо всем этом? — Шепчет она, но по ее лицу я вижу, что она уже знает.

— Франко сказал мне. — Мой голос полон отвращения, которое я испытываю. — Ты думаешь, в этом доме есть хоть одна комната, которая не находится под каким-либо наблюдением? Если не камеры, то микрофоны. Он нашел доказательства твоей маленькой подставы с Анастасией. Он избивал ее до тех пор, пока она не призналась в этом. А потом, когда я пришел туда, чертовски злой из-за того, что он избил женщину, твою лучшую подругу до полусмерти, он рассказал мне все.

— Лука, я...

— Заткнись на хрен, — рычу я. — Я начинал доверять тебе, жена. Я поверил тебе, когда ты извинилась передо мной за то, что сбежала. Я поверил тебе, когда ты сказала, что хочешь провести медовый месяц, чтобы мы могли уехать вместе, но на самом деле это было просто для того, чтобы у Анастасии было больше времени на выполнение твоего маленького плана, не так ли? Черт, я даже начал испытывать к тебе чувства. — Я качаю головой, свирепо глядя на нее. — Росси был прав, — выплевываю я. — Я слаб. Ты делаешь меня слабым, но не более того.

Я не подхожу к ней так близко, как обычно, когда мы ссоримся. Я не загромождаю ее пространство, потому что не хочу в нем находиться. Я не хочу, чтобы между нами вспыхнул этот жар. Я не хочу хотеть ее. Я хочу, чтобы она держалась от меня как можно дальше, потому что все проблемы, с которыми я сталкивался в своей жизни за последние несколько месяцев, возвращаются к ней.

И с меня, блядь, хватит.

Я лезу в карман и достаю ожерелье, которое забрал у Росси. Ожерелье ее матери.

— Я собирался вернуть это тебе в медовый месяц, — рычу я, сжимая его в кулаке. — У меня не было возможности это сделать. Я был слишком рассеян. Но теперь ты, черт возьми, можешь получить это обратно. — Я бросаю его в нее, наблюдая, как оно падает на пол к ее ногам, и когда София поднимает его с пола, по ее лицу снова текут слезы.

Меня тошнит, когда я это вижу. Ее поступок. Она все это время была коварной маленькой предательницей.

— Ожерелье моей матери... Росси забрал его.

— И я забрал его у него обратно. Мне следовало выбросить его в гребаный океан, — я свирепо смотрю на нее. — Я должен убить Ану за то, что она сделала. Я должен был бы убить тебя, но если не тебя, то ее наверняка. Кто-то должен заплатить за это предательство.

— Нет! — София почти выкрикивает это, ее глаза расширяются от ужаса. — Пожалуйста, Лука, нет. Она делает шаг ко мне, и я отступаю на шаг, не желая, чтобы она приближалась ко мне.

— Я буду умолять, — шепчет она. — Я встану на колени. Я сделаю все, что ты захочешь. Ей достаточно. Все эти пытки, эта боль, избиения, вся ее карьера пошла прахом — Лука, она заплатила. Пожалуйста, не убивай ее. Ты можешь сделать со мной все, что угодно. Но, пожалуйста, пожалуйста...

— Я ничего не хочу от тебя, кроме твоего послушания, — рычу я, сжимая челюсти. — Анастасия пока будет жить. Но ты не покинешь эту квартиру. Вы ни на шаг не сдвинетесь с места. Сегодня я уезжаю на конклав, а когда вернусь, я решу, что делать с вами обоими. А до тех пор я оставляю Франко здесь охранять тебя, чтобы быть уверенным, что ты не уйдешь.

София ахает.

— Франко? Ты серьезно? После того, что он сделал...

Я жестоко улыбаюсь ей.

— Именно поэтому, — решительно заявляю я ей. — Если понадобится, я знаю, что он сделает то, что должен сделать. — Я делаю паузу, выдерживая ее взгляд. — Если бы я пошел к нему и узнал, что он жестоко обращался с Анной без всякой причины, как я думал, то он был бы сейчас мертв. Но вместо этого я обнаружил, что он просто наказывал предателя.

София в ужасе смотрит на меня, приоткрыв рот.

— С твоей стороны было бы разумно очень внимательно следить за своим поведением, — говорю я ей. — Сейчас ты ходишь по тонкому льду. И ты, и Анастасия, обе.

И с этими словами я поворачиваюсь на каблуках и ухожу.

Оказавшись в своем кабинете, я могу немного отдышаться. Я чувствую себя плохо, преданным, более злым, чем когда-либо. Вот почему я не хотел влюбляться в нее, яростно думаю я, наклоняясь вперед и хватаясь за край своего стола. Я никогда не думал, что смогу увлечься кем-то вроде нее, но после стольких лет маленькая девственница София Ферретти была той, кто сделал это.

Я хочу ее больше, чем любую другую женщину. Я влюблен в нее по уши.

Черт возьми, я чуть было не сказал это во время чертова медового месяца. Но я хотел дождаться, когда она расскажет мне о ребенке, признается во всем и попросит начать все сначала. Я надеялся, что она скажет мне об этом, когда я извинюсь перед ней за то, что разрушил ее карьеру. Какой, блядь, смехотворный поступок. Теперь я чувствую себя дураком из-за того, что вообще говорил это. Она никогда не собиралась рассказывать мне о ребенке.

Возможно, она даже не захочет этого. Она просто хочет сбежать. Даже если это означает продажу секретов моему врагу и то, что я потеряю все, ради чего я так усердно трудился.

Я продал свою душу мафии. Я не собираюсь отказываться от сделки.

Держать ее в узде, не единственная причина, по которой я оставляю Франко здесь. Особенно после этого фиаско, я не совсем уверен, что конклав пройдет хорошо. В глубине души у меня нехорошее предчувствие по этому поводу. И если со мной что-то случится, я хочу, чтобы Франко все еще был жив, чтобы был кто-то, кому я могу доверить управление. Если я умру, он, вероятно, казнит Анастасию и Софию одновременно. Но я больше не собираюсь рисковать всем ради своей любимой жены-предательницы.

Ей придется подчиниться и рассказать мне все, или я с ней покончу. Покончу с обещаниями, покончу с попытками быть мужем для женщины, которая не может быть женой.

Пришло время мне стать безжалостным человеком, каким меня воспитывали.

СОФИЯ

Я жду, пока не удостоверюсь, что Лука ушел, чтобы выйти из спальни. Первое, что я делаю, это иду за Анной, которая снова наполовину проснулась. Кое-как я поднимаю ее по лестнице, очень медленно, до самой моей старой комнаты, где я планирую остаться с ней, пока не вернется Лука. Я ни за что не оставлю ее одну ни на секунду, особенно если Франко будет наблюдать за нами.

Я долго лежала рядом с ней на кровати, пока она спала. Ей нужно будет что-нибудь съесть, когда она проснется, и я в тысячный раз жалею, что мы не отвезли ее в больницу. Когда она сказала, что это был Франко, у меня появилась некоторая надежда, что мы сможем сделать именно это, теперь, когда мы знали, что Братва не затаилась в засаде. Но открытие Луки разрушило эту маленькую надежду.

Знает ли он о ребенке? Если он слышал разговор в ванной, значит, так и должно быть, если только Франко показал ему не весь разговор целиком. Если только он не сохранил эту часть информации, чтобы позже использовать ее в качестве рычага воздействия.

Во время нашего спора я не могла достаточно хорошо прочесть выражение лица Луки, чтобы понять, знает ли он. Он был злее, чем я когда-либо его видела, а я видела его в приступах ярости, которые приводили меня в ужас. На этот раз между нами не было электрического разряда, не было жара, превращающего яростный спор во что-то грязное и сексуальное.

На этот раз было холодно. Он не хотел иметь со мной ничего общего. И это почему-то еще более пугает. Если Лука не знает о ребенке, то это, по крайней мере, дает мне немного времени. Если он знает, то, скорее всего, он вернется с конклава со своими решениями, и одним из них будет поездка в больницу для меня, чтобы положить этому нежелательный конец.

У меня больше нет плана. У меня нет возможности выбраться. Нет возможности сбежать.

Я зажата в угол. И даже если бы я смогла придумать какой-нибудь план, Ана ни за что

не смогла бы пойти со мной. Я не могу оставить ее здесь в таком состоянии. Если я уйду и оставлю ее здесь, я знаю, что либо Франко, либо Лука убьют ее.

Уже очень поздно, когда она снова просыпается. Я приготовила немного супа и поставила его перед ней на поднос, намереваясь помочь ей съесть его.

— Ты хорошая подруга, — слабым голосом произносит Ана, когда я помогаю ей с первой ложкой. — Самая лучшая. — Она сглатывает, стараясь дышать ровно через свой ушибленный и, возможно, сломанный нос. — Лука все еще здесь?

Я качаю головой.

— Он уехал на конклав. Он разговаривал с Франко. — Я делаю глубокий вдох и вижу страх на ее лице при одном упоминании его имени. — Франко рассказал ему о нашем плане. Что он узнал, и именно поэтому он сделал это с тобой.

Ана кивает.

— Вот почему я не хотела в этом признаваться. Я надеялась, что смогу свалить это на Братву, но Лука бы понял, что я лгу. И это привело бы к началу войны. Я не была уверена, что хуже.

— Ты отлично справилась, — обещаю я ей. — Лука был в ярости. Отношения между нами налаживались, но определенно не сейчас. Я не думаю, что они когда-нибудь наладятся снова. Он чувствует, что я предала его, и в каком-то смысле он прав.

— Он знает о ребенке? — Спросила она.

— Я не знаю, — признаюсь я. — Но я ему ничего не сказала. Если он знает, значит, он узнал об этом каким-то другим способом.

Ана вздрагивает.

— Мне так жаль, София. Я пыталась...

— Шшш. — Успокаиваю я ее, подавая ей еще одну ложку супа. — Это не твоя вина. Это моя вина, что это случилось с тобой. Мне никогда не следовало просить тебя об этом. Я должна была догадаться, что в этом гребаном месте найдется кто-то, кто может нас услышать, из-за чего у нас обоих будут неприятности...

— Ты была в отчаянии, — мягко говорит Ана. — Я не могу сказать, что я бы не сделала то же самое. Я не сержусь на тебя, София. Ты была в безвыходном положении.

— Так ли это? — Я прикусываю нижнюю губу, стараясь не заплакать. — Ты действительно так думаешь?

— Конечно, — говорит она, проглатывая еще ложку супа. — Но есть еще кое-что, что я должна сказать тебе, София. Кое-что я узнала после того, как переспала с одним из бригадиров.

— Что? — Я отложила ложку, мое сердце пропустило удар в груди.

— Лука может думать, что ты предатель, но ты не настоящий предатель в его рядах, — тихо говорит она, так тихо, что кто-нибудь, притаившийся за дверью, вряд ли смог бы услышать. — София, это Франко.

Мгновение я просто тупо смотрю на нее, почти так же, как я смотрела, когда она произнесла его имя ранее сегодня днем.

— Он не просто избил меня почти до смерти из-за нашего разговора. Это было потому, что он знал, что я была на грани или уже узнала информацию о том, что он делал. И боже мой, София, это плохо.

— Что ты выяснила? — У меня голова идет кругом. Если есть способ убрать Франко, доказать, что он все это время лгал Луке, тогда все, что он сказал обо мне,

дискредитировано. Лука, возможно, и слышал запись, но это не значит, что я не могу попытаться как-то реабилитироваться, если честность Франко достаточно сильно поставлена под сомнение.

По крайней мере, достаточно, чтобы спасти жизнь Аны и мою.

— Ты же знаешь все слухи о происхождении Франко? — спрашивает Ана, и я киваю. Лука упоминал об этом раньше. — Ну что ж, — продолжает она, и ее голос немного срывается от напряжения. — Это правда.

— Как... что?

— Его отец ирландец, — подтверждает Ана. — Колин Макгрегор, король ирландской мафии. У него с матерью Франко был роман, как и ходят слухи. Конечно, Росси заставил ее пройти тест на отцовство, и она подделала его. Подкупила администратора, чтобы тот изменил результаты. Таким образом, результат теста, который был у Росси в сейфе в кабинете Луки, является ложным. Франко сын Колина.

— Но... как это влияет на Братву?

— У Виктора есть реальные результаты, те, которые говорят о настоящем происхождении Франко, — говорит Ана приглушенным шепотом. — И он вешает это на голову Франко, чтобы заставить его предать Луку. Все это время Франко выдавал русским секреты, помогая им укрепляться.

— Значит, он, по крайней мере, частично ответственен за смерть матери Катерины. — Я хмурюсь. — Я не знаю, будет ли Лука так уж сильно заботиться о его происхождении, Ана. Он не такой традиционный, каким был Росси. Возможно, ему все равно, что Франко наполовину ирландец. Он почти наверняка воспримет это как предательство Колина Макгрегора и матери Франко. Он не будет считать это виной Франко. И как бы сильно я ни хотела, чтобы Франко умер после того, что он сделал с тобой, я не могу сказать, что он был бы неправ на этот счет. Франко не виноват, что его мать обманула его, и тот факт, что Росси убил бы его за это, и факт того, что это висит над головой Франко, ужасен. Франко его лучший друг, Лука защищал его всю свою жизнь. Эту дружбу будет трудно разрушить.

— Конечно, в этом романе нет его вины. Но Луке, тем не менее, будет небезразлично это предательство, — отмечает Ана, и я знаю, что она права. — И обо всем остальном он тоже позаботится.

— Есть еще что-нибудь? — Я откидываюсь на подушки, пристально глядя на нее. Как далеко это зайдет? Менее сорока восьми часов назад я бы и подумать не могла, что все это, что Ана будет так жестоко ранена, не говоря уже о том, что Франко, лучший друг Луки, будет нести за это ответственность. И не только это, но и предательство, которое преследует всех нас.

— Франко и Колин Макгрегор работают вместе. — Лицо Аны выглядит очень бледным, когда она объясняет мне это... все детали, которые ей удалось раскрыть. Я чувствую, как холодок пробегает по моим рукам, когда я слушаю.

— Интересно, знает ли Катерина хоть о чем-нибудь из этого, — шепчу я. — Я не могу представить, что она согласилась бы с этим...

— Я не думаю, что она знает. — Ана хмурится. — Я не думаю, что Франко доверил бы ей это, и действительно ли Катерина настолько предана Франко? Ты не думаешь, что она рассказала бы Луке, если бы ее муж замыслил что-то подобное?

— Возможно. Она выросла вместе с Лукой. Ее отец и он сам были лучшими друзьями. Ее отец был наставником Луки. Франко поднялся до того положения, на котором он

находится, благодаря доверию, которое оказали ему Росси и Лука. Катерина в него не влюблена. Она верна ему, потому что он ее муж, но, если бы до этого дошло и она узнала, что он замешан в чем-то подобном, она бы рассказала Луке.

— Что ты собираешься делать с Лукой? — Ана неловко заерзала, и я потянулась за подносом, отодвигая его дальше по кровати теперь, когда она покончила со своим супом. — Ты говорила, что до этого все становилось лучше?

Я киваю, тянусь за пузырьком с обезболивающим, вытряхиваю несколько капель на ладонь и протягиваю ей.

— Я сделала то, что ты сказала. Я заставила его думать, что сожалею о том, что сбежала, извинилась перед ним, соблазнила его.

— Не совсем худшая вещь в мире, — сказала Ана с легким смешком. — Может, он и мудака большую часть времени, София, но твой муж чертовски сексуален. — Она вздрагивает, немного отодвигаясь. — Миссия по проникновению в Братву тоже была не так уж плоха. Пара бригадиров были великолепны. И в постели тоже неплохо, для мужчин, которые должны быть эгоистичными ослами. Честно говоря, мне давным-давно следовало обзавестись членом какого-нибудь русского гангстера.

— О боже мой, Ана! — Я стараюсь не рассмеяться, но мгновение спустя мы оба разражаемся хихиканьем. Ана задыхается, пытаюсь отдышаться.

— Смеяться больно. — Она прижимает одну руку к животу, откидывая голову назад. — О боже, София, ты когда-нибудь думала, что мы будем здесь? Ты замужем за главой мафии, я трахаюсь с солдатами Братвы ради информации, мы обе втянуты во все эти интриги, нас похищают и пытаются, и... Боже, это полный пиздец.

— Это действительно так. — Я прикусываю губу, глядя на нее. — Боже, мне жаль, Ана. Я никогда не хотела, чтобы с тобой случилось что-то подобное.

— Значит, нас двое. — Она откидывается на подушки, пытаюсь сделать глубокий вдох. — Итак, расскажи мне остальное о том, что произошло с Лукой. Отвлеки меня от этого, пока не подействует ибупрофен. Не говоря уже о том, София, что твой муж гребаный наркоторговец высокого класса, торговец оружием и отъявленный преступник. Ты что, не можешь где-нибудь найти этот гребаный викодин?

Я сдерживаю еще один смешок.

— Я посмотрю, что я могу сделать. — Приятно смеяться, несмотря на ситуацию. — Может быть, я смогу убедить кого-нибудь из службы безопасности раскопать что-нибудь для тебя.

— Я не знаю, насколько хорошо это сработает с Франко во главе. — Ана вздрагивает при одном упоминании его имени. — Я не могу поверить, что мы застряли здесь с ним. После того, что он сделал со мной... — она вздрагивает, и я вижу, как в уголках ее глаз собираются слезы. Я не могу вспомнить, когда в последний раз видела Ану плачущей, но сейчас она выглядит так, словно на грани этого. Это приводит меня в беспомощный, неистовый гнев.

— Я никогда не думала, что Лука способен на что-то подобное, — шепчет Ана, протирая глаза. — Черт. Я не хочу начинать плакать.

— Ты прошла через что-то ужасное. Может быть, тебе нужно хорошенько выплакаться.

— Может быть, позже. В ванной, где меня никто не услышит. — Уголки губ Аны слегка приподнимаются. — Хотя, я думаю, в этом месте есть место, где меня никто не услышит.

— Пару дней назад я бы тоже не подумала, что Лука способен на что-то подобное. В

наш медовый месяц все было совсем по-другому.

— Так вот где вы были? Ты уговорила его на свадебное путешествие? — Ана смотрит на меня с недоверием, и я смеюсь.

— Да. Я тоже не думала, что это сработает. Я хотела дать тебе немного времени, чтобы Лука не расспрашивал тебя о том, что ты узнала от Братвы. Но я думаю, что это тоже имело неприятные последствия.

— Это не твоя вина, — успокаивает меня Ана. — Ты, вероятно, не могла предположить, что Франко сделает это или что он узнает об этом с помощью какого-нибудь микрофона, спрятанного в единственной комнате, которую мы считали безопасной. Мы старались изо всех сил. — Она тянется к моей руке и слегка сжимает ее. — Все просто пошло наперекосяк, вот и все. Мы не могли этого знать.

— Вся эта неделя была такой другой. У нас был тот небольшой период времени, когда все было хорошо, но это был совершенно новый уровень. Я была...

— Влюблена? — Ана продолжает. — У меня было предчувствие, что это может случиться, если Лука когда-нибудь перестанет быть первоклассной задницей больше чем на пять минут.

— Серьезно?

Она пожимает плечами.

— София, я знаю, ты заиклилась на том, что он состоит в мафии, и на том факте, что ты не хотела выходить за него замуж, и на его общем отношении к тебе, и вообще ко всем женщинам, если быть честной. Но у него тоже есть много замечательных качеств.

Я прищуриваюсь, глядя на нее.

— Это странно, учитывая, что в данный момент он думает о том, чтобы убить нас обоих.

Ана вздыхает.

— София, твой отец изо всех сил старался приютить и защитить тебя. Но иногда мне кажется, что он слишком хорошо справился со своей работой. Это мир, отличный от того, к которому ты привыкла. Другая жизнь. — Она делает паузу, размышляя. — Ты думаешь, Катерина слабая?

— Что? — Я удивленно смотрю на нее. — Конечно, нет. Она одна из самых крутых женщин, которых я знаю. Она через многое прошла в последнее время, но она все еще стремится вперед, делает все возможное, чтобы...

— И я о том, — перебивает Ана. — Катерина выросла в этой жизни, зная о том, что происходит, о том, каковы мужчины. Осознавая, что им приходится делать, какие стены они должны воздвигнуть, чтобы справиться с этим. Я уверена, что некоторым из них это доставляет удовольствие, но таким мужчинам, как Лука, нет. Он угрожает нам, потому что чувствует, что должен это сделать, потому что чувствует себя преданным и не может этого допустить. Это заставило бы его выглядеть слабым. И...

— И что? — Я не могу до конца поверить в то, что она говорит, особенно в ее состоянии. — Как ты можешь так говорить, после того, что он сделал...

— Это сделал Франко, а не Лука. Я не очень хорошо знаю Луку, но я уверена, что он никогда бы не сделал ничего подобного с женщиной. Возможно, и не кто-нибудь другой. Есть разные попытки, и есть то, что сделал Франко. — Она с трудом сглатывает. — София, Лука попросил меня внедриться в Братву.

— Я знаю, что он это сделал, но...

— Нет, ты меня не слышишь. Он попросил. — Ана многозначительно смотрит на меня. — Он мог бы приказать мне. Он мог бы угрожать мне. Франко пытался отговорить его от этого — вероятно потому, что боялся, что я узнаю, что я и сделала. Но Лука попросил меня сделать это. Он взывал к моей дружбе с тобой. Он уговорил меня на это. Он не прибегал к требованиям или угрозам. Он тот, кто прибегает к насилию только в случае необходимости. И не только это.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, он тоже влюбился в тебя. Он зол не только потому, что чувствует себя преданным, но и потому, что это была ты. Каким он был в медовый месяц?

— Идеальным. — Это слово удивляет меня, даже когда я его произношу, но это первое, что приходит на ум. — Он отвез меня на Мюстик и выкупил весь остров, так что остались только мы. Он даже точно запомнил марку шампанского, которое мы пили на нашей свадьбе, и взял его с собой в самолет. Все было по-другому, даже секс. Он был милым, романтичным и... — Последнее слово трудно произнести, но мне все равно это удастся. — Любящим.

У меня снова болит грудь, и я чувствую, как горят мои глаза.

— Я чувствовала, что могу влюбиться в него. Как будто мы влюблялись друг в друга постепенно. И, я была так счастлива и так печальна одновременно, потому что мне было так хорошо, но это ничего не меняло. Я знала, что мне все еще нужно уехать из-за ребенка. А потом, когда мы вернулись и нашли тебя... мы сработали как команда. Впервые мы почувствовали себя настоящими партнерами. Он помог мне занести тебя внутрь и уложить в ванну. Он принес мне все необходимое, чтобы привести тебя в порядок. Я не могла бы и мечтать о ком-то лучше, кто был бы рядом со мной и помогал мне сохранять спокойствие. А потом, когда мы ждали, когда ты проснешься... — Я прерывисто вздыхаю, мое сердце снова сжимается от воспоминаний. — Он извинился передо мной за то, что я потеряла, когда мы поженились. Мое образование, мою карьеру. Он действительно извинился искренне.

— Серьезно?

— Он сказал, что понял это, когда увидел твои ноги и понял, что у тебя отняли. Он сказал, что понял, что отнял у меня. И ему очень жаль.

— Черт. — Ана тихо присвистнула. — Все действительно было лучше. А потом он узнал, что мы сделали.

— Я чуть не рассказала ему о ребенке, когда он извинился. Думаю, это хорошо, что я этого не сделала. — Я делаю паузу, вспоминая наш разговор за ужином. — Я спросила его о том, как бы он отнесся к тому, чтобы стать отцом, пока мы проводили наш медовый месяц. И он ответил мне серьезно. Ответ тоже был не таким, как я ожидала, он сказал, что хотел бы, чтобы сын продолжил его наследие, но что он не стал бы ставить дочь в такое же положение, в каком оказались мы с Катериной. Это прозвучало... это прозвучало почти так, как будто он хотел детей. И у меня была некоторая надежда...

— Пока не теряй надежды. — Ана сжимает мою руку. — Лука еще не знает о том, что сделал Франко. После этого наше предательство может показаться немного менее серьезным. Ты простила его однажды, возможно, он все еще склонен простить тебя.

— А что насчет ребенка?

— Побеспокойся об этом, когда он вернется. У тебя еще есть немного времени, прежде чем малыш начнет показываться. В любом случае, прямо сейчас нет разумного выхода.

Поэтому, когда Лука вернется, поговори с ним. Попробуй урезонить его. Возможно, ему просто нужно некоторое время, чтобы успокоиться.

До меня внезапно доходит, что Лука направляется на конклав, понятия не имея о предательстве Франко.

— Черт, Ана. Кто-то должен сказать Луке. Кто-то должен предупредить его о Франко...

— Виктор собирается поговорить с ним на конклаве, — устало говорит она. — Он знает, что Франко сделал с Колином. Он собирается все рассказать Луке, и они встретятся лицом к лицу с ирландцами. Это еще одна причина, по которой Братва, это не выход для тебя. Он собирается снова объединиться с мафией, так что он не собирается рисковать этим, вытаскивая тебя.

— Что будет с Франко? — Спросила я.

— Надеюсь, они, черт возьми, убьют его. — В голосе Аны слышится горечь, и я едва ли могу ее винить. Если бы у меня была возможность убить Росси собственными голыми руками, я бы получила от этого удовольствие. А Франко поступил с ней так же и даже хуже.

— Ты можешь помочь мне дойти до ванны? — Она поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и я вижу, что она снова побледнела. — Я думаю, горячая ванна пошла бы мне на пользу.

СОФИЯ

Как только я помогаю Ане забраться в огромную ванну-джакузи, я брожу по пентхаусу, слишком встревоженная и суетливая, чтобы усидеть на месте. Единственная комната, в которой я никогда не была, это кабинет Луки. Я ловлю себя на том, что иду в ту сторону, хотя знаю, что там, вероятно, есть камеры слежения или еще какое-нибудь дерьмо, из-за которого у меня будут ужасные неприятности, если мне удастся проникнуть внутрь.

Она, наверное, все равно заперта. Лука никогда бы не оставил свой кабинет открытым, это единственная комната, о которой он очень заботится. Но когда я нажимаю на ручку, к моему удивлению, она поворачивается. Должно быть, он был так зол, когда уходил, что забыл запереть ее.

Дерьмо. Я замираю, моя рука на дверной ручке, мое сердце бешено колотится. Рискую ли я этим? Могу ли я войти?

Какого черта. У меня и так самые большие неприятности, какие только могут быть, верно? Конечно, после того, о чем мы с Лукой поспорили, мое проникновение в его офис, наименьшая из моих забот. Я проскальзываю внутрь, закрывая за собой дверь.

Я уже была здесь однажды, сразу после того, как Лука сказал мне, что мы собираемся пожениться. Но тогда я почти не осматривалась по сторонам. Я была слишком напугана, просто пыталась настоять на своем, чтобы иметь хоть какую-то возможность договориться о том, что должно было произойти с моей жизнью.

Сейчас я действительно осматриваю комнату. На самом деле это не что-то особенное, роскошное и элегантное, как и весь остальной пентхаус, это довольно стандартный кабинет. Во всяком случае, это напоминает мне кабинет моего отца в доме моего детства, с обычным гигантским письменным столом из красного дерева, кожаными креслами для гостей и

книжными полками от пола до потолка. На полках стоит традиционная классика, но, когда я прохожу мимо них, проводя пальцами по корешкам, я понимаю, что здесь выставлено нечто большее, чем просто книги. Есть еще книги, подобные той, которую Лука читал в самолете, романы, которые ему, должно быть, действительно нравится читать. Научно-фантастические детективы, космические оперы, техно-триллеры, действие которых происходит в будущем. Там много Филипа К. Дик вмешался, и я прикасаюсь к каждой книге, думая о Луке, который сидит здесь за своим столом и читает. Может быть, закинув ноги на красное дерево, со стаканом виски в руке.

Это такой нормальный, человеческий образ, что он поражает меня. Долгое время я видела в своем муже этого ужасающего монстра, человека, которого нужно бояться, которого нужно остерегаться. Человека, который совершал ужасные поступки, который жил в мире, пропитанном насилием и кровью. Человека, который внушал другим страх и благоговейный трепет, а не любовь. Но, глядя на это, я вспоминаю Луку, с которым я провела неделю на частном острове. Мужчину, в которого я влюбилась по уши. И Ана, кажется, думает, что там еще есть что спасти. Что-то, что можно продолжать любить, если я смогу убедить его оставить нашего ребенка, и мы сможем построить вместе достойную семью.

Я хочу в это верить. Поглаживая корешок научно-фантастического романа и думая о жизни без Луки, одинокой и в бегах, я осознаю, что хочу этого так же сильно, как когда-то хотела провести месяцы в Париже и получить место в лондонском оркестре. Но это означало бы, что мне пришлось бы быть сильнее, чем я есть сейчас. Я должна сделать шаг вперед и стать женой, на которую Лука мог бы положиться. Такой женой, как Катерина. Кем-то, кто может спокойно относиться к насилию и раздорам мафии.

Я должна смириться с тем, что мой ребенок... наш ребенок, будет рядом с Лукой, если это будет мальчик или, может быть, даже девочка. Я отчетливо помню, как он говорил, что методы мафии могут измениться, что он может позволить дочери унаследовать титул.

Я должна быть предана не только Луке, но и самой мафии. Брак с доном, настоящий брак, означает также брак с семьей, в гораздо большем смысле, чем гласит старая поговорка. Я должна буду не вздрагивать при виде того, что будет делать мой ребенок или дети, когда вырастут.

Если я останусь, я не смогу обвинять мафию и то, что Лука делает как ее глава. Я должна буду принять это. Я не знаю, настолько ли я сильна. Но я хочу быть такой.

Я думаю о письме моего отца и о том, как сильно он хотел, чтобы я избежала всего этого. Но, конечно, поскольку он оставил это безотказное средство для меня, он думал, что я достаточно сильна, чтобы выдержать брак с таким человеком, как Лука, стать женой человека, обладающего реальной властью в этой семье.

У всех сказок есть темная сторона.

Книга сказок, которую оставил мне отец, не была сборником вычурных детских историй о балах и принцессах, которые жили долго и счастливо. В этих сказках братьев Гримм принцессам и героиням приходилось трудиться, чтобы добиться счастливого конца. Им приходилось идти на жертвы. Иногда они жестоко мстили, как Золушка, которая заставила своих сводных сестер танцевать в раскаленных башмачках. Эти женщины знали, что их жизнь не была ни красивой, ни сладкой, ни легкой. Что у них ничего не будет, если они не будут бороться за это. Они знали, что значит любить темноту.

Раньше я думала, что он дал мне эту книгу только потому, что думал, что она мне понравится, но теперь я думаю, что это было потому, что он знал, какой может стать моя жизнь. Что мне, возможно, придется научиться быть Персефоной, выданной замуж за Аида, а не мультяшной Золушкой с мышами в качестве слуг и пресным принцем в качестве мужа. Он знал, что меня, дочь советника итальянской мафии и русскую наследницу, будут использовать в качестве разменной монеты в игре, в которую у меня нет никакого желания играть. Шахматная фигура на доске, с которой я отчаянно хотела сойти.

Но теперь я думаю, что, возможно, я хочу занять свое место рядом с королем.

Я думаю о Луке и нашем медовом месяце. Я думаю о тех моментах, которые мы пережили вместе. Я думаю о нашем ребенке, растущем в моем животе, а потом я думаю о мужчине, который охраняет меня прямо сейчас. Этот человек называет себя лучшим другом Луки, человеком, который женился выше своего положения, человеком, который мучил мою лучшую подругу и стоил ей всего. Я думаю об этом и чувствую себя Золушкой, заставляющей своих сестер танцевать на горячем стекле.

Я хочу отомстить. Я не хочу убежать, прятаться и съезживаться. Я хочу, чтобы Лука выслушал меня, поверил мне и дал мне место рядом с собой. Я понимаю, что злюсь не только на себя, не только на Ану, но и на Луку тоже. Лука отдал Франко все. Его дружбу, верность и доверие, защиту от хулиганов в детстве, оплот против слухов и лжи, которые в конце концов оказались правдой. Он дал ему в жены прекрасную принцессу мафии, место по правую руку от себя. И что Франко Бьянки сделал со всем этим?

Он солгал и предал своего лучшего друга. Он устроил заговор против него не только с одной конкурирующей бандой, но и с другой. Он относится к своей жене не как к драгоценному дару, которым она является. А теперь он почти уничтожил единственного человека в мире, которого я люблю, кроме своего мужа. Потому что я действительно люблю Луку. Это любовь, выросшая из ненависти, но, стоя здесь в этот момент, я знаю, что чувства, которые я испытывала к нему на острове, были настоящими.

Он мой муж, к добру это или нет. И я хочу быть ему настоящей женой.

Я снова смотрю на книжную полку, моя рука скользит по корешкам, и я вижу маленький томик в кожаном переплете, засунутый вместе с остальными. Она тонкая, корешок слегка потрескался, и когда я вытаскиваю ее, то понимаю, что это вовсе не книга.

Это дневник.

Лука ведет дневник? Это кажется таким странным для него, таким несвойственным его характеру. Я могла представить, как Лука сидит по вечерам за своим столом и читает, но записывать свои чувства в дневник? Это настолько выходит за рамки того образа, который сложился у меня в голове, что мне хочется рассмеяться. Но я не смеюсь. Я сажусь за стол, понимая, что вторгаюсь в частную жизнь Луки. Он много раз вторгся в мою личную жизнь, с усмешкой думаю я, открывая обложку. После всего, что он со мной сделал, я не должна чувствовать себя странно, читая его личный дневник. Но я действительно чувствую себя немного так, словно делаю что-то, чего не должна делать. Тем не менее, я не могу устоять перед своим любопытством и возможностью еще немного очеловечить своего мужа, понять его.

Это написано не цветистой прозой, но я бы и не ожидала, что так будет. Что это такое, так это скорее поток сознания, мысли Луки, как будто он просто больше не мог их сдерживать. Это как кровь, пролитая на страницу, и как только я начинаю читать, я не могу остановиться.

Я не знаю, что со мной случилось. Я, блядь, не могу перестать думать о ней. Эти губы, эта задница, я хочу, черт возьми, испортить ее. Она хочет, чтобы я оставил ее девственницей, и я не знаю, как я могу это сделать. Как будто она, черт возьми, мучает меня.

Так продолжается какое-то время. Я думал, лишив ее девственности, я перестану в ней нуждаться. Но я просто хочу ее еще больше. Она как гребаный кокаин, только лучше. Как чистый экстаз. Влажная, нетронутая, пока я не сделал ее своей.

Но потом, примерно в то время, когда он пригласил меня на то свидание на крыше, что-то изменилось.

Начинка становится немного мягче, немного слаще. Я понятия не имел, что ей тоже нравятся боевики. Я также понятия не имел, что мне понравится смотреть фильм со своей женой.

Баловать Софию, это лучше, чем я когда-либо мог себе представить. Выражение ее лица каждый раз, когда она видит какую-нибудь новую красивую вещь или пробует что-то, чего ей никогда раньше не приходилось есть или пить, более милое, чем я когда-либо думал.

Я чуть не потерял ее. Но если кто-нибудь прикоснется к ней, я перебью всю Братву. Я убью каждого гребаного русского в стране, если понадобится.

Я продолжаю пролистывать его, мое сердце учащенно бьется, когда я читаю отрывок за отрывком. Это не длинные записи, как будто Лука просто быстро записал их, когда больше не мог сдерживаться.

А потом я вижу запись сразу после того, как он спас меня от Росси.

Я не знаю, что чувствовать. Я зол на нее за то, что она ушла. Я хочу задушить ее, и в то же время я хочу прижать ее к себе, держать рядом с собой, чтобы с ней больше никогда не случилось ничего подобного. Я одновременно взбешен ее упрямым отказом позволить мне защитить ее и поражен ее силой. Я видел, как мужчины ломались после меньшего, чем то, что Росси и его люди сделали с ней. Но она все еще жива. Она все еще борется. И как бы я ни был зол, я не могу изменить своих чувств. Но мне нужно убедиться, что никто никогда больше не сможет использовать ее против меня. Что никто не заберет ее и не причинит ей вреда, чтобы добраться до меня. А это значит убедиться, что она никак не может полюбить меня. Что я не смогу полюбить ее. Что здесь нечего разрушать или причинять боль.

Но это значит, что я должен ранить ее сердце. Я должен сломить ее и убедиться, что она боится меня. Я не знаю никакого другого способа помешать этому перерасти во что-то большее.

А потом, позже, как раз перед нашим медовым месяцем.

Это плохая идея. Но я не могу сказать ей нет. Она больше, чем просто зависимость. Больше, чем навязчивая идея.

Она — женщина, которую я люблю. И я не знаю, что с этим делать.

Я хочу любить ее. Но я не хочу быть слабым.

После этого больше ничего нет. Но когда я закрываю дневник, сжимая его в руках, я чувствую, как слезы наполняют мои глаза и текут по щекам. Мой муж любит меня. Это не значит, что все в порядке, но все, что он делал, было целенаправленной попыткой держать меня на расстоянии вытянутой руки, чтобы никто не подумал, что они могут использовать меня, чтобы добраться до него. Чтобы предотвратить именно то, что произошло с Росси. Неудивительно, что он так разозлился на меня за то, что я сбежала, ведь он пошел на все,

чтобы предотвратить именно это.

Я прижимаю дневник к груди. Когда Лука вернется домой, я собираюсь сделать именно то, что предложила Ана. Я собираюсь урезонить его. Я собираюсь сказать ему правду и посмотреть, сможем ли мы найти способ спасти наш брак. Сможем ли мы исправить то, что сломали, и двигаться вперед вместе. Потому что теперь я знаю, что мой муж любит меня. И правда в том, от чего я так долго бежала.

Я тоже люблю его.

ЛУКА

Конклав звучит гораздо более загадочно и захватывающе, чем то, чем является собрание на самом деле. На самом деле, это не столько собрание тайного общества, сколько конференц-зал отеля с тремя высокомерными, могущественными мужчинами, их заместителями, за исключением моего, поскольку я оставил Франко на Манхэттене, и достаточной охраной, чтобы создать небольшую армию.

Сам конклав проходит в Бостоне, который считается настолько нейтральным, насколько это возможно, несмотря на наши тесные отношения с ирландцами. Идея заключается в том, что основной конфликт происходит между Братвой и итальянской мафией. Следовательно, Манхэттен является местом надвигающейся войны. Мы перенесли его из этой горячо оспариваемой области в более нейтральное место. Но энергия в комнате совсем не нейтральная.

— Я надеюсь, ты образумился, парень, — ровным голосом произносит Колин, занимая свое место. Рядом с ним находится его старший сын Лиам Макгрегор, принц ирландской мафии и наследник ее руководства. Он симпатичный молодой человек, с волосами скорее медного оттенка, чем огненно-рыжего, и телосложением бойца ММА. Большинству ирландцев нравится драться, так что я не удивлюсь, если он много занимается этим в свободное время.

Русские используют оружие, ирландцы кулаки, а мы, итальянцы, любим использовать свои слова. Во всяком случае, это то, что я слышал в детстве. Но правда в том, что моя дипломатия подходит к концу.

— Мы здесь для того, чтобы все могли прийти в себя, — отвечаю я как можно любезнее. — Я надеюсь, что сегодня мы все сможем увидеть причину этого.

— Если под “увидеть причину” ты подразумеваешь признание того, что русские несут ответственность за нападение на отель и последовавшие за ним смерти, тогда да, парень. Я приму это.

Я ожидаю возражения от Виктора, но он выглядит растерянным. Он неподвижно сидит в своем кресле, с легкой сединой на висках и морщинками в уголках глаз. Тем не менее, в нем есть холодная элегантность, которая пугает, хотя я бы никогда не признался в этом вслух.

— Вы, ирландцы, несете ответственность за многое, — холодно говорит он. — И Лука вот-вот все это услышит. — Он поворачивается ко мне, выражение его лица спокойное, голубые глаза холодны как лед. — Тебе не понравится то, что я скажу, Романо. Но это

правда. И я хотел бы начать с того, что скажу, что вы обретете покой. Я согласен с этим.

Мое лицо остается бесстрастным, но внутри я чувствую растущее дурное предчувствие.

— Я не уверен, что ты собираешься сказать, но я почти уверен, что это будет полная чушь, — говорит Колин, откидываясь на спинку сиденья.

Виктор холодно улыбается, а рядом с ним Левин хмыкает, протягивая Виктору папку. Я смотрю на Колина. Для большинства он выглядел бы совершенно спокойным, но я вижу что-то другое в выражении его лица, легкое подергивание глаза, как при игре в покер. Я был готов не верить ничему из того, что скажет Виктор. Но теперь я уже не так уверен.

— Я вижу, ты не привел своего заместителя, — говорит Виктор, кладя папку на стол. — Интересно, почему?

— После недавних инцидентов я хотел, чтобы за моей женой постоянно присматривала пара надежных глаз. — Холодно улыбаюсь я. — Ты же не оставляешь ценное произведение искусства в музее на ночь без охраны, не так ли?

Виктор ухмыляется.

— Твоя жена действительно прекрасна, как любое произведение искусства. Я бы сказал, даже больше, чем некоторые. Так что я могу понять это желание. Возможно, мне следовало оставить кого-нибудь дома с моей Катериной, и она была бы жива до сих пор.

Я ничего не говорю. Я хорошо знаю эту историю, но она связана с конфликтом многолетней давности.

— С Катериной произошел несчастный случай, — спокойно говорю я. — И я не имею к этому никакого отношения.

— О, я прекрасно осведомлен. — Виктор кладет руку на папку. — Твой заместитель, Франко Бьянки, предал тебя, Лука.

Моей немедленной реакцией, как он и ожидал, было недоверие. Но под этим скрывается крошечный проблеск неуверенности. Инцидент с Анастасией выбил меня из колеи. Он утверждал, что просто наказывал предательницу, убеждаясь, что она призналась во всем, что они с Софией планировали. Но то, что он сделал с ней, было жестоким сверх того, что было необходимо. Это было выше всего, что я когда-либо делал сам. Это выходило даже за рамки того, что Росси и его люди сделали с Софией, и от этого меня затошнило. Это заставило меня усомниться в том, насколько хорошо я знаю своего лучшего друга, потому что Франко никогда не был жестоким человеком. Во всяком случае, я беспокоился, что у него не хватит духу на то, что ему, возможно, придется делать.

Но, похоже, это было не так.

Его обращение с девушкой беспокоило меня, но разговор ее и Софии привел меня в такую ярость, что я не обратил на это внимания. Но теперь, когда Виктор постукивает пальцами по папке, мое дурное предчувствие превращается в чувство страха.

— Я не уверен, что верю тебе. — Слова слетают с моих губ, но я думаю, Виктор слышит в них неуверенность.

— Прекрасно. — Он улыбается. — У меня есть доказательства. Во-первых, видишь ли, твой друг сдавал тебя нам. Он передавал мне информацию, уже несколько месяцев, задолго до того, как ты заполучил свою хорошенькую жену. Именно ему удалось помочь мне организовать похищение Софии в первую очередь для того, чтобы я мог попытаться стать тем, кто женится на ней.

— Это чушь собачья. — Я заставляю свой голос оставаться ровным. — У него не было причин делать это.

— О, но он это сделал. Видишь ли, результат теста на отцовство, который был у Витто Росси, подделан. Его матери удалось убедить кого-то сделать это для нее, вероятно, с помощью тех же уловок, которые она использовала, чтобы заполучить Колина Макгрегора между ног.

— Ты на опасном льду, Андреев, — проворчал Колин, но Виктор проигнорировал его.

— У меня здесь результаты анализов. Есть и другие доступные копии, из более официальных мест, если ты мне не веришь. Колин Макгрегор... отец Франко Бьянки. И я признаю, что его работа на нас произошла потому, что у меня были эти результаты тестов, и я использовал их, чтобы шантажом заставить его предоставлять нам информацию.

— Ты гребаный ублюдок. — Я приподнимаюсь со своего места, чувствуя, как внутри все скручивается от гнева. — Мне похуй, наполовину ли Франко ирландец, наполовину поляк или наполовину гребаный грек, главное, чтобы он не был наполовину русским. Его мать-шлюха, раздвигающая ноги перед Макгрегорами, меня не касается.

— Полегче, парень, — говорит Колин, но я не обращаю на него внимания.

— Я так и думал, что ты это скажешь. — Виктор холодно улыбается мне. — Но это еще не все. Видишь ли, ты верил, что Франко верен тебе. И я поверил, что он предает тебя и работает на меня. Но мы оба были чертовски неправы.

В этот момент я искоса смотрю на Колина и краем глаза замечаю, как он перемещается. И выражение его лица говорит мне все, что мне нужно знать. Что бы Виктор ни собирался сказать, это нехорошо для ирландцев. И Виктор говорит правду.

— У Франко и Колина, его отца, были большие планы, — продолжает Виктор с холодной улыбкой. — Они намеревались натравить нас друг на друга, а когда пыль уляжется, они убьют нас обоих и захватят все северо-восточные территории, твои и мои. Я говорил правду, когда сказал, что это не мои люди напали на свадьбу. Это был ирландец. Колин сделал это под руководством Франко, чтобы заставить тебя думать, что это были мы.

Моя челюсть сжата так сильно, что, кажется, у меня могут треснуть зубы. Предательство поразительно, если это правда.

— У тебя есть доказательства? — Напряженно спрашиваю я, и в этот момент Виктор пододвигает папку ко мне через стол.

— Все это здесь, — говорит он. — Результаты теста. Фотографии, которые мои люди тайно сделали во время встречи Франко и Колина. Мне удалось раздобыть несколько телефонных разговоров. Достаточно доказательств для тебя...

Я не могу открыть файл, потому что в этот момент Колин доказывает мне это. Он, должно быть, знал, что я вот-вот увижу правду. Потому что он вскакивает, выхватывая пистолет и целится в меня. Рядом с ним на лице его сына написано выражение неподдельного ужаса.

— Па? Что, черт возьми, ты делаешь? — Лиам отодвигает свой стул.

— Сядь, сынок! — Приказывает Колин, и я вижу, как Лиам замирает, но его глаза нервно бегают по сторонам. Ясно, что, что бы ни натворил Колин, Лиам никогда не был в этом замешан. И я запомню это.

— Все, кроме службы безопасности, должны были сдать оружие входя сюда, — говорю я так спокойно, как будто Колин не целится мне прямо в голову из заряженного пистолета. — Это не дает мне большой уверенности в том, что Виктор лжет.

— Ну, я устал играть по этим чертовым правилам, — говорит Колин с холодной усмешкой. — И что это мне дало, а? Сейчас на Манхэттене нет ни одного ирландского

короля, только вы, чертова куча итальянцев и русские собаки. Мы управляем вашим оружием, подбираем ваши объедки, и мы должны кланяться и благодарить вас за это? Ну, хватит, блядь, парень. То, что сказал Виктор, правда. И поскольку все заварилось по-настоящему, я полагаю, мне придется прикончить вас обоих сейчас, прежде чем это еще больше выйдет из-под контроля.

— Ты не единственный, кто может нарушать правила. — Низкий голос Левина гулко разносится по маленькой комнате, и я вижу, как он вытаскивает пистолет из кармана пиджака.

Блядь! Неужели я единственный, кто на самом деле пришел безоружным? Моя охрана находится прямо за дверью, но...

Первый выстрел заставляет меня вздрогнуть. Снаружи комнаты доносится грохот выстрелов, и тогда я с замиранием сердца понимаю, что у моей охраны дел по горло, и, вероятно, у Виктора тоже. И пистолет Колина все еще направлен мне в голову.

— Чего ты хочешь для этого мира, о котором говоришь? — Я смотрю на Виктора, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. В конце концов, это не первый раз, когда мне приставляют пистолет к виску. И я уверен, что это будет не в последний.

— Голову Колина на блюде. — Виктор холодно улыбается. — Я хочу, чтобы он умер. Пусть его сын возьмет верх. Лиам не принимал в этом никакого участия, насколько я знаю.

Колин бросает взгляд на своего сына.

— Ты это слышишь? Они уступают тебе мое место за столом. Собираешься ли ты принять их предложение? Или выступишь вместе против этих ублюдков, которые думают, что мы всего лишь отбросы, пьющие виски, годные только на то, чтобы управлять их оружием и обслуживать в их барах?

— Папа, просто подумай об этом, — умоляет Лиам. Он встает, его лицо такое бледное, что веснушки выделяются в трех измерениях, но он сохраняет хладнокровие. — Ты не можешь пойти против обеих семей. Даже если ты убережешь Виктора и Луку, они будут отомщены. Ты навлечешь гнев мафии и Братвы на наши головы. Это то, чего ты хочешь? Наши женщины и дети, порабощенные русскими, убитые итальянцами, вся наша семейная линия будет уничтожена? Ты не можешь начать войну в одиночку. Никто не встанет на твою сторону.

— Даже ты? — Колин свирепо смотрит на своего сына.

Лиам нервно облизывает губы. Он делает глубокий вдох, глядя на своего отца, а затем с глубоким вздохом отступает назад.

— Нет, папа. Мне жаль. Я не могу согласиться с тобой в этом. Ты не прав. Это неправильно. Это двурушничество и предательство, это пересечение границ, которые не должны быть пересечены. — Он смотрит на нас. — Я поддерживаю вас обоих. Я тоже не хочу большего кровопролития.

— Видишь? У твоего сына есть здравый смысл. — Я холодно улыбаюсь Колину. — Опустит пистолет, и мы подарим тебе быструю, чистую смерть. Твой сын сможет занять это место без всяких обид.

Колин смеется глубоким и горьким смехом.

— К черту это, — говорит он громким и ясным голосом.

А потом он стреляет.

В тот же миг Лиам бросается на своего отца. Он отводит его руку в сторону, этого достаточно, чтобы выстрел прошел мимо цели, но Колин стреляет дважды. У меня как раз

достаточно времени, чтобы осознать, что первый выстрел не попал в меня, когда второй попадает мне в живот, отправляя меня на колени перед столом. Клянусь, я чувствую жар в том месте, где пуля вошла в меня, разрыв плоти, когда она пробивает дыру в моем животе. Я автоматически хлопаю себя ладонью по животу, наклоняясь вперед, когда чувствую, как влажная, горячая кровь струится по моим пальцам.

Гостиничный ковер царапает мое лицо сбоку, когда я падаю, ударяясь головой об пол. Боль распространяется по моему телу, сопровождаемая ощущением холода по краям, которое я распознаю как шок. Я истекаю кровью. Я чувствую, как моя жизнь вытекает из моих пальцев, пропитывая рубашку, ковер, растекаясь вокруг меня, когда я слышу продолжающийся грохот выстрелов, крики, и я знаю, что бой все еще продолжается. Но я, вероятно, не доживу до того, чтобы узнать, чем все это закончится.

Лицо Софии проплывает у меня перед глазами, заплаканное и умоляющее, таким, каким я видел ее в последний раз. Я хочу запомнить ее такой, какой она была в наш медовый месяц, ее лицо нежное и милое, ее рот и тело податливы под моим, ее руки, скользящие по мне. Я хочу запомнить ее голос, нежно шепчущий мне, не умоляющий, полный отчаяния.

Она предала меня. Франко предал меня.

Я должен ненавидеть ее. Но в глубине души я не могу. Все, о чем я могу думать, так это о том, что последнее, что я когда-либо говорил своей жене, было то, что я должен приказать ее убить.

Я люблю ее, но никогда этого не говорил. Я провел всю свою жизнь, живя без сожалений. Но теперь я знаю, что сожалею.

София Ферретти — мое самое большое сожаление.

Я никогда не говорил ей о своих чувствах. Никогда не произносил этих слов. Я не смог дать ей понять, что тоже хочу нашего ребенка. А теперь уже слишком поздно. Звуки в комнате затихают, мои мысли путаются и замедляются, и я чувствую, что ускользаю.

София.

Я люблю тебя.

Я люблю...

Я...

СОФИЯ

Я все еще держу в руках дневник, собираясь уходить из кабинета. Я знаю, что должна поставить его обратно на полку, но пока не могу заставить себя сделать это. Я хочу перечитать это еще раз, чтобы запомнить слова, которые Лука хотел сказать мне, но не сказал. Видеть, как он говорит, что любит меня, даже если он никогда этого не говорил.

Даже если он никогда этого не скажет.

Я иду к двери, все еще погруженная в свои мысли. Настолько, что я сначала не осознаю, что дверь уже открывается, прежде чем я успеваю потянуться к ручке.

А потом она распахивается, и там стоит Франко.

В его руке пистолет.

И он направлен на меня.

— Франко. — Мой голос срывается, и я прочищаю горло. — Я просто собираюсь лечь спать...

— Что это? — Он кивает на книгу в моей руке. — Теперь ты ворует? Наряду с твоим предательством мужа?

— Что? Нет. Это всего лишь книга. Я хотела почитать перед сном...

— Ты никуда не пойдешь. Он машет пистолетом. — Отойди назад. В кабинет.

Я делаю неуверенный шаг назад, мои мысли мечутся. Это Лука? Изменил ли он свое мнение о том, чтобы подождать с принятием решения до окончания конклава, и сказал Франко, чтобы он позаботился о проблеме Аны и меня сейчас? Всегда ли это был его план? Или Франко просто окончательно сошел с ума?

— Садись. — Он указывает на один из стульев. — Сделай это сейчас же!

Я опускаюсь в одно из кожаных кресел, мое сердце колотится так сильно, что я чувствую, как оно прижимается к стенкам моей груди. Мой язык застревает между зубами, когда я сажусь, и я ощущаю металлический привкус во рту, когда смотрю на Франко.

— Я не знаю, что ты делаешь, но Лука...

— К черту Луку, — выплевывает он. Злая улыбка появляется на его лице. — Он слаб. Ты сделала его слабым. — Его глаза похотливо скользят по моему телу, останавливаясь на груди, прежде чем вернуться к моему лицу. — Обычно я бы сам попробовал эту сладкую киску на вкус. Но я не хочу рисковать этим. Гребаная сука. Ты наложила на него какое-то гребаное заклятие, я клянусь. С тех пор как ты приехала сюда, он стал совсем другим.

— Он просто любит меня. — Произносить эти слова вслух Франко кажется нелепым. И выражение его лица говорит мне, что он думает о том же, так как он начинает смеяться.

— Лука, черт возьми, не может никого любить. Он слишком боится, что кто-то пострадает после того, как умер его дорогой старый папа, потому что он слишком сильно любил своего лучшего друга, а потом его мать покончила с собой, потому что не смогла с этим справиться. Ирония судьбы, не правда ли? Его отец погиб, мстя за своего лучшего друга. Лука умрет из-за него.

— Что? — Я смотрю на него, и мои глаза округляются от страха. — Франко, просто прекрати это. Послушай, я знаю о том, что ты сделал. Твоя сделка с ирландцами... с твоим отцом. Я найду какой-нибудь способ сказать Луке, что все это было ложью. Я вступлюсь за тебя, если ты просто положишь этому конец...

— Ложь! — Он плюет в меня, и я чувствую, как горячая капля стекает по моей щеке. — Ты уже предала его однажды. Я чуть не убил Ану. Ты думаешь, я поверю, что ты встанешь на мою сторону. — Затем он смеется глубоким, раскатистым смехом, который исходит из его живота. — Кроме того, Лука уже мертв. Вот почему я сейчас здесь. Я собираюсь уложить тебя, а потом пойти и прикончить другую сучку. И тогда некому будет спорить со мной, когда я займу место Луки. Прискорбно, что Виктор ополчился на Луку на конклаве и убил его, а потом моему отцу пришлось прикончить Виктора. Это оставляет так много открытой территории. Но я уверен, что мы с отцом найдем им хорошее применение.

Я чувствую, как холодный озноб распространяется по моей коже. Лука мертв. Этого не может быть. Горе от одной этой мысли бьется у меня в груди, царапает ребра, угрожая подняться к горлу. Но если я закричу, если я заплачу, если я вообще позволю себе поддаться этому, я не остановлюсь. Я буду в истерике, а это последнее, что я могу себе позволить прямо сейчас. Я не девица, попавшая в беду. Я не принцесса в башне, запертая взаперти и ждущая, когда кто-нибудь придет и спасет ее. Лука никогда не был моим рыцарем в

сияющих доспехах. Он был драконом, охраняющим башню. Но черта с два, если я позволю кому-нибудь убить моего дракона. Я больше не принцесса, которую нужно спасать.

Я гребаная королева.

И поскольку Луки здесь нет, чтобы защищать свое королевство, я думаю, мне придется сделать это самой.

Я слышу, как палец Франко снимает пистолет с предохранителя.

— Сладких снов, маленькая София, — произносит он нараспев, звуча почти расстроенно, и я ныряю на пол, бросаясь к одной стороне стола. Пуля попадает в дерево рядом со мной, раскалывая его, и я чувствую, как страх, которого я никогда не испытывала, захлестывает меня, заставляя похолодеть все мое тело.

Не замирай. Не замирай.

Мне нужно оружие, что-то, чем я могла бы дать отпор. Конечно, у Луки в кабинете должен быть пистолет. Я извиваюсь за столом, когда раздается еще один выстрел, и я слышу, как Франко снова ругается.

— Просто сдохни, сука! — Кричит он, когда я смотрю на стол, за долю секунды принимая решение о том, в каком ящике может быть пистолет.

Лука правша. Он положил бы его в правый ящик стола. А если ему нужно будет добраться до него быстро? Нижний, чтобы он мог пригнуться, когда схватит его.

Я хватаюсь за ручку, которую выбрала, молясь, чтобы ящик не был заперт. И это не так... очевидно, Лука ожидает, что обычно запертой двери в кабинет будет достаточно, не запирая также и свой рабочий стол.

Следующая молитва о том, чтобы он был заряжен. У меня нет времени искать патроны, и я чертовски уверена, что не знаю, как заряжать пистолет. Все, что я знаю, так, это как снять с предохранителя, и когда я вижу, как еще одна пуля пробивает стол, когда Франко стреляет в меня, я понимаю, что у меня будет только один шанс.

Я вскакиваю из-за стола, направляя пистолет так, как я видела в фильмах, одна рука зажата под другой, держащей его, когда я целюсь в голову Франко. У меня нет времени думать о последствиях того, что я делаю, или о тяжести убийства человека. Все, что я знаю, это то, что он собирается убить меня, если я не одолею его.

А я не готова блядь сегодня умереть!

Я нажимаю на спусковой крючок.

Выстрел проходит мимо цели. Пуля попадает в стену позади Франко, и я едва успеваю пригнуться, когда он стреляет снова, крича от разочарования.

— Просто... черт возьми, сдохни уже сука!

Я снова выскакиваю из-за стола, и на этот раз мне требуется еще одна секунда, чтобы прицелиться.

Этого достаточно.

— Не сегодня, — шепчу я. И тогда я нажимаю на спусковой крючок.

На этот раз я не промахиваюсь.

Первое ощущение, которое я испытываю, когда его тело падает на пол, это восторг, дикое облегчение от того, что он ранен, что у него не будет шанса выстрелить в меня снова. И затем, когда я медленно выхожу из-за стола, чтобы посмотреть, дышит ли он еще, если я только ранила его, я очень ясно вижу, что нет никаких шансов, что он все еще жив.

Рана в его голове не могла быть ничем иным, как смертельной.

Я смотрю на растекающуюся вокруг него кровь и чувствую, как меня охватывает

тошнота. Я не могу остановиться, когда меня тошнит, рвота смешивается с кровью на ковре, когда меня выворачивает наизнанку, волна за волной накатывает, пока я не оказываюсь на коленях рядом с телом, содрогаясь до тех пор, пока во мне ничего не остается. Даже тогда меня все еще тошнит, кажется, целую вечность, пока я не поднимаю глаза и не вижу Ану, неуверенно стоящую в дверях, на ее лице застыла маска боли.

— Тебе не следует вставать, — слышу я свой голос, как будто в туннеле, как будто я нахожусь вне своего тела. — Твои ноги.

А потом все погружается во тьму.

Я просыпаюсь в коридоре перед кабинетом, моя голова на коленях у Анны. Она прислонилась к стене и гладит меня по волосам, пока я медленно прихожу в себя.

— Тебе не следовало вставать с постели, — шепчу я, чувствуя, как во рту становится липко. — Твои ноги...

— Тут была перестрелка, — сухо говорит Ана. — Я думаю, что в данном случае это было оправдано.

— Как долго я была без сознания?

— Может быть, час. Служба безопасности уже прибыла. У Франко было несколько парней, которые не включали камеры, пока он пытался убрать тебя, но Рауль и его ребята вернулись и разобрались с ними. Сейчас они там, рядом с телом. — Ана делает глубокий вдох, глядя на меня сверху вниз. — Они вызвали Катерину. Она уже на пути сюда.

— О боже, — шепчу я. Последний человек, которого я хотела бы сейчас видеть, это Катерина. Я только что убила ее мужа. И хотя я подозреваю, что она, возможно, не заплакала бы из-за этого слишком много слез, я все равно несу ответственность за то, что забрала у нее кого-то еще после всего, через что ей пришлось пройти.

Я слышу, как открывается дверь, и надеюсь, что это просто входит еще кто-то из службы безопасности. Но когда по коридору раздаются шаги, я слышу тихий голос, зовущий меня по имени.

— София?

В конце концов мы втроем оказываемся в гостиной. Катерина помогает мне подняться, а затем мы обе, Катерина больше, чем я, помогаем Ане добраться до дивана. Катерина опускается в одно из кресел, ее лицо бледное и осунувшееся. Я вижу, что она прилично похудела со времени свадьбы.

— Франко мертв. — Она произносит эти слова просто, тихо, вслух, как будто говорит сама с собой. — Они сказали, что ты застрелила его, София.

Я киваю, мое горло сжимается так, что сначала мне кажется, что я не могу говорить.

— Он собирался убить меня.

— Катерина медленно кивает, ее руки лежат на коленях, костяшки пальцев белеют, когда она сжимает их. — Они тоже это сказали, — шепчет она. — Они предложили показать мне запись, но я им поверила. Ты бы никого не убила без причины. И кроме того... — затем она закатывает рукава своей рубашки, и мы с Анной обе ахаем, увидев синяки на ее предплечьях, доходящие выше локтей.

— В последнее время он ни к кому не был добр, — тихо говорит она. — Слава богу, я не беременна.

Ана неловко ерзает, и Катерина смотрит на нее, ее пронизательные глаза следят за выражением лица Аны.

— Это он с тобой так поступил? — Она кивает на босые, забинтованные ноги Аны, ее опухшие глаза, разбитые губы и почти сломанный нос.

Проходит мгновение, и Ана колеблется, но в конце концов кивает.

— Он узнал, что я пыталась помочь Софии уехать. Но он также хотел моей смерти, потому что я раскрыла его заговор с целью убить Луку, Виктора и Софию и захватить территорию с помощью его отца.

Глаза Катерины расширяются.

— Его отец? Его отец мертв...

— Его отец Колин Макгрегор, — вмешиваюсь я. — Слухи правдивы. Они замыслили покончить с русскими и итальянцами и забрать все северо-восточные территории себе.

— Черт, — шепчет Катерина. — О боже...Лука?

Я качаю головой.

— Я не знаю. Я ничего не слышала. Франко сказал, что он мертв, но... — Я хочу сказать, что знала бы, если бы это было так, но это звучит как полная чушь.

Я просто не могу позволить себе поверить в это. Потому что, если он мертв... Тогда последнее, что мы когда-либо делали, это ссорились. Последними словами, которые он мне сказал, были угрозы убить меня, и тогда он никогда не узнает о нашем ребенке. Никогда не узнает, что я к нему чувствую. Никогда не узнает, что я хочу исправить все это, каждый спор, и недоброе слово, и предательство, и ложь.

Он никогда не узнает, что я люблю его или что я знаю, что он тоже любит меня.

— Этого не может быть, — шепчу я. — Он просто не может.

Катерина смотрит на меня с любопытством.

— Почему ты пыталась уйти? — Спокойно спрашивает она, и я слышу причину вопроса в ее голосе. Если я предам Луку только для того, чтобы расторгнуть свой брак, я не думаю, что найду в ней много сочувствия. Я знаю, что должна сказать ей правду. Первый человек, кроме Аны, которому я действительно могу рассказать.

— Я беременна, — просто говорю я.

— Я не понимаю.

Я объясняю ей условия контракта, мой голос усталый и опустошенный, и я вижу, как глаза Катерины расширяются от ужаса, когда она слушает.

— София, я не могу... я не знаю, зачем ему это делать. Почему он заставил тебя пообещать что-то настолько ужасное? Но я не могу верить, что если бы он знал, то заставил бы тебя пройти через это. — Она замолкает, потирая руками ноги и переводя взгляд с одного на другого. — София, если он вернется с конклава живым, ты должна сказать ему. Ты должна довериться ему в этом. Верь, что он поступит правильно. — Она смотрит на Анну. — Ты не согласна?

— Как ни странно, я согласна. — Ана смотрит на меня с того места, где она лежит на диване, осторожно приподняв ноги. — Я думаю, Лука любит тебя. Я просто думаю, что он, блядь, не знает, как лучше тебе сказать. Так что, возможно, это станет вашим мостом обратно друг к другу.

— Я тоже так думаю, — тихо говорит Катерина.

Я сижу между двумя женщинами, одна из которых погрязла в горе из-за своей семьи, другая из-за жизни, которую она потеряла из-за ныне покойного мужа другой. Я тоже чувствую, что балансирую на грани. Единственное, что удерживает меня от падения, это тот факт, что я на самом деле не знаю, мертв Лука или нет. У меня есть надежда. Надеюсь, что

он все еще жив, надеюсь, что он вернется домой, надеюсь, что мы сможем все это исправить. Надеюсь, что он будет рад нашему ребенку.

Это не так уж много. Но раньше это помогало мне держаться.

Я поднимаю глаза и вижу, как Рауль и трое его людей несут на носилках завернутое в саван тело Франко. Катерина наблюдает за ними, ее лицо бледное и неподвижное, глаза ясные. Она не проронила ни слезинки, и я не могу ее винить. Но я чувствую, как у меня скручивает живот от страха, потому что слишком легко представить моего собственного мужа под таким саваном, которого несут обратно ко мне.

Просто вернись домой, Лука. Пожалуйста, вернись домой любимый.

ЛУКА

Поначалу я почти уверен, что свет надо мной, это пресловутый свет в конце туннеля. А потом мои глаза открываются немного шире, и я понимаю, что это флуоресцентные лампы больницы.

Каким-то образом я жив.

Это становится шоком. Я действительно верил, что это конец пути, что последнее, что я когда-либо увижу, это пестрый гостиничный ковер перед моими глазами. Но я слышу гудки аппаратов, чувствую острую боль в боку, когда двигаюсь. Я без рубашки, мой бок обмотан марлей, и я чувствую, что мне требуется некоторое усилие, чтобы глубоко дышать.

— Почти уверен, что там что-то сильно испортилось, — бормочу я себе под нос, глядя на ушибленную плоть под марлей.

— Ты точно облажался, — произносит глубокий голос с ирландским акцентом рядом со мной, и я сильно вздрагиваю, мое зрение полностью проясняется, когда я становлюсь полностью внимательным.

Колин Макгрегор сидит рядом с моей кроватью с пистолетом в руке.

— Позор, — говорит он, качая головой. — Раньше я стрелял лучше, чем сейчас. Но ты знаешь, старость и все такое. Это касается всех нас.

— Что случилось... — хриплю я, у меня так пересохло в горле и во рту, что я едва могу говорить. — Виктор...

— Боюсь, я тоже отправил его в больницу, но он еще не совсем умер. Я скоро нанесу ему визит, не волнуйся, парень. Его труп уйдет на глубину шести футов, как только они смогут его похоронить.

— Лиам? — Я испытываю острый укол беспокойства за мальчика, который был достаточно храбр, чтобы противостоять своему отцу на глазах у всех.

— Да, ему полагается хорошая взбучка. Но я не из тех, кто убивает собственную плоть и кровь. — Он наклоняется вперед, все еще небрежно держа пистолет в руке. — В любом случае, сначала мне нужно закончить с другими отметками. Ты, например, Лука Романо. — Он улыбается, и при этом его постаревшее лицо морщится. — Честно говоря, я не уверен, что делать с твоей женой. Я слышал, она прямо вскружила тебе голову этой сладкой штучкой у себя между ног. Так что, может быть, я попробую, прежде чем прикончу ее, а? Или, может быть, мне следует оставить ее себе. Симпатичный маленький аксессуар, который согреет

мою постель, когда мне захочется, чтобы в моей постели был кто-то еще, кроме старушки?

— Не смей, блядь, трогать Софию, — шиплю я. — Клянусь богом, Колин Макгрегор.

— Да, поклянись ему. — Он встает, крепче сжимая пистолет. — Ты достаточно скоро с ним познакомишься.

Я чувствую холодную пустоту страха в своем животе, несмотря на всю свою браваду. Однажды я увернулся от пули, но теперь. Он слишком близко, и больше ничего его не отвлекает. Он, один уверенный в себе, и я знаю, что мое время пришло.

Как говорится, твой номер выпал. И я думаю, что мне все-таки не удастся сказать главные слова Софии.

Я пытался защитить тебя. Я пытался...

— Пожелай себе спокойной ночи, парень. — Колин прижимает дуло к моему лбу, и я закрываю глаза, отказываясь показывать ему хоть каплю страха. По крайней мере, я умру достойно, если мне придется умереть.

Звук выстрела эхом отдается в моем теле, электрический разряд боли пронзает меня, когда мое тело реагирует на это, дергаясь в постели, к нему присоединяется горячая волна боли, когда рана в моем животе протестует.

Крик эхом разносится по комнате, и раздается звук тела, врезающегося во что-то металлическое, а затем падающее на пол.

Мгновение спустя я приоткрываю один глаз, затем другой и понимаю, что, несмотря на реакцию моего тела на выстрел, я вовсе не мертв.

Выстрел принадлежал не Колину.

Я оглядываюсь и вижу, как один из моих телохранителей, Вэл, входит в комнату, крепко сжимая в руке пистолет.

— С вами все в порядке, босс? — спрашивает он напряженным голосом. — Кажется, я поймал этого ублюдка.

Медленно я перевожу взгляд в другую сторону и вижу тело Колина на полу, кровь растекается по кафелю. Он не мертв, пуля попала ему прямо в бок, но он без сознания, привалившись к батарее на стене.

— Да, — говорю я голосом, который звучит не совсем так, как мой собственный. — Я думаю, что ты это сделал.

Пройдет неделя, прежде чем мне разрешат улететь домой. В это время я не звоню Софии. Я хочу поговорить с ней лично в следующий раз, когда она услышит мой голос, потому что мне еще многое нужно сказать, и я пока не уверен, какое решение хочу принять.

Очевидно, я не собирался ее убивать. Я сказал это в гневе, это невозможно, чтобы я смог это сделать. Особенно с нашим ребенком в животе. Но помимо этого... Могу ли я доверять ей сейчас, после всего? Что еще более важно, могу ли я любить ее? Могу ли я создать с ней семью?

Я не знаю ответов на эти вопросы. И мне нужно время, чтобы подумать. Рядом со мной не может быть женщины, которой я не могу доверять, как бы сильно я ее ни хотел. Страсти, желания и даже любви недостаточно, чтобы отношения в моем мире наладились. Это я точно знаю.

Что, в конце концов, важно, помимо доверия, так это то, хочет ли София быть частью этого мира, этой жизни, со мной. И единственный известный мне способ выяснить это, дать ей возможность сказать мне правду и посмотреть, что произойдет.

В пентхаусе очень тихо, когда я вхожу. Я двигаюсь медленно, все еще прихрамывая из-за заживающей раны в животе, и пробираюсь по нижнему этажу в поисках своей жены. Я избегаю кабинета, теперь я знаю, что там произошло. Ковры и пол вымыты, но я все еще не совсем готов взглянуть на место, где умер мой лучший друг, человек, который предал меня глубже, чем я мог себе представить. Авель для моего Каина. Мой брат...

А теперь его нет.

Я не хочу больше никого терять. У меня сжимается грудь, когда я медленно поднимаюсь по лестнице. Софии нет в ее комнате; когда я приоткрываю дверь, я вижу Ану, лежащую на кровати, накрытую одеялом, которая дремлет. Я тихо выхожу обратно в коридор, зная, что есть только одно другое место, где может быть София.

Она в нашей спальне, сидит на краю кровати, зажав руки между коленями. Она не поднимает глаз, когда я вхожу.

— Я слышала, что ты сегодня возвращаешься домой, — тихо говорит она. — Я рада, что ты жив.

— Правда? — Я не могу не спросить, это честный вопрос. Если бы я был мертв, она была бы свободна. Я вспоминаю, как у нас был очень похожий разговор в больнице после нападения на отель. Тогда Росси был еще жив и представлял для нее большую опасность. Теперь, если бы я ушел, не осталось бы никого, кто мог бы удержать ее здесь. Виктору она больше не нужна. — Ты смогла бы уйти, если бы я был мертв.

— Я не хочу твоей смерти. — Ее голос тих, ровен, как будто она сдерживает свои эмоции. — Я серьезно. Я рада, что ты в безопасности.

— Как насчет тебя? — Я пока не делаю ни малейшего движения, чтобы пройти дальше в комнату, оставаясь прямо за дверью и закрывая ее за собой. — Ты в порядке?

— Настолько, насколько это в моих силах. Я убила человека. — Ее голос по-прежнему бесцветен и тих. — Мой первый раз.

— Первый раз всегда самый трудный.

— Сначала он пытался убить меня.

— Я знаю. Мне рассказали все. Я не виню тебя, София.

— Ты все знаешь? — Спросила она. Она все еще не смотрит на меня. — Что он сделал?

— Да, — подтверждаю я. — Виктор рассказал мне о предательстве. Я бы сделал это сам, если бы ты этого не сделала. После того, что он сделал с Анной...

— Он причинял боль и Катерине. Она показала мне синяки.

— Блядь. — Я стискиваю зубы, меня захлестывает новая волна ярости по отношению к мертвецу. — Он получил по заслугам, София. Ты не должна чувствовать себя виноватой.

— А я и не чувствую. Я почти ничего не чувствую.

— Я ошибался насчет Франко, — медленно произношу я, делая еще один шаг в комнату. — Я доверял ему, и я был неправ. И теперь я задаюсь вопросом, в чем еще я был неправ. Я доверял тебе, а ты сговорила с Анной предать меня.

— Что, ты собираешься приказать меня убить?

— Нет, София, — тихо говорю я. — Но я думаю, что, возможно, теперь, когда угроза Братвы исчезла, а Франко мертв, возможно, пришло время вернуться к тому, о чем мы изначально договорились. Я позабочусь о том, чтобы у тебя была собственная квартира. Мы можем жить отдельно, даже развестись, если ты этого захочешь, когда все уляжется. — Черта с два я разведусь с тобой, думаю я, даже когда говорю это, но мне нужно, чтобы она мне поверила. Мне нужно знать, скажет ли она мне правду, когда у нее будет шанс, будет ли

она сопротивляться.

Если она захочет остаться.

— Ты можешь поехать в Париж, — продолжаю я. — Ты все еще можешь сделать свою карьеру. Я поговорю с директором Джульямской школы и устрою так, чтобы ты закончила свои занятия и получила высшее образование. Теперь ты можешь вернуться к своей жизни, София. Опасность миновала. Так что, я полагаю, в нашем браке больше нет необходимости.

Между нами повисает долгое молчание, и мне интересно, собирается ли она в конце концов признаться или сохранит свои секреты. И если она это сделает, что мне тогда делать?

И вот, наконец, она поворачивается ко мне и смотрит на меня впервые с тех пор, как я вошел в комнату, и произносит слова, которые я так долго ждал услышать.

— Лука, я беременна.

СОФИЯ

Я чувствую себя так, словно мое сердце вот-вот выскочит из груди. Он дал мне выход. Побег. Я могла бы это принять. Я могла бы сохранить ребенка в секрете и принять его предложение уехать. К тому времени, когда придут роды, я уже была бы в Париже. Уехала бы в Лондон.

Никогда больше не вернулась бы на Манхэттен. Оставила бы все это позади.

Не так давно это было всем, на что я надеялась и о чем молилась. Но теперь я точно знаю, что это больше не то, чего я хочу. Я не хочу жить отдельно от своего мужа, и я не хочу уезжать. Я убила ради него. И теперь я готова сражаться за него.

Для нас.

— Как давно ты знаешь? — Голос Луки осторожный, натянутый, и я не могу сказать, счастлив он или нет.

Я медленно встаю с кровати и подхожу к нему. Он не двигается, и я вижу, как он с трудом сглатывает, его кадык подпрыгивает в горле.

— Я поняла это в тот день, когда ты вернулся домой окровавленный, — тихо говорю я. — В тот день, когда ты разозлился на меня за то, что я поехала в больницу с Катериной. Мне было плохо, но я думала, что это просто какая-то разновидность желудочного гриппа. А потом я поссорилась с Росси, и он сорвал с меня ожерелье, и меня вырвало в ванной. На следующий день меня все еще тошнило, и я поняла, что у меня задержка. Тогда я все и поняла, продолжаю я, глубоко вдыхая, но подтвердилось это в больнице после того, как ты привез меня туда.

— И ты мне ничего не сказала?

— Я не смогла. — Мой голос мягкий, умоляющий. — Лука, ты заставил меня подписать этот ужасный контракт, сказав, что я расторгну его, если когда-нибудь забеременею. Я не знала, почему этот пункт был там, когда я подписывала, и не думала, что это будет иметь значение. Я даже не думала, что у нас будет секс, не говоря уже о... — мой голос срывается. Мне приходится снова сделать вдох, отчаянно пытаюсь сохранить контроль над своими эмоциями. — Я не знала, что делать. После того, какой ты был той ночью, я почувствовала

себя такой далекой от тебя, такой напуганной. Я не знала, заставишь ли ты меня придерживаться этого или нет, а я очень хотела ребенка. Я не могла допустить аборта. И даже если бы ты был рад этому, я все равно боялась этого. Боялась жизни, в которой ты будешь растить ребенка, боялась того, что случится, если родится мальчик, еще больше боялась того, что случилось бы, если бы у нас родилась девочка. Я вспомнила, как мой отец умер и оставил нас с матерью одних, и я боялась, что это может случиться с тобой, что наш ребенок может потерять своего отца, если кто-то убьет тебя. В этой жизни так много опасностей, так много...

Мой голос снова срывается, и мне приходится сдерживать подступающие слезы, слезы страха, слезы грусти, слезы скорби, потому что я почти уверена по тому, как бесстрастно Лука смотрит на меня, что он несчастлив, что он не хочет ни ребенка, ни меня. Что все, на что я надеялась, исчезло. Что в лучшем случае мне придется уйти.

В худшем случае я потеряю своего ребенка.

— Я не понимаю, — тихо говорю я. — Почему ты должен заставить меня избавиться от нашего ребенка?

— Росси, Франко и я заключили соглашение, — просто говорит Лука. — До того, как мне стало необходимо жениться на тебе. Предполагалось, что я буду доном до тех пор, пока у Франко не родится сын, а затем я должен передать титул ему. Вот почему Франко и Катерина были помолвлены. Так что часть крови Росси сохранилась бы в названии. Я всегда должен был быть только заполнителем. И когда наш брак стал необходимым, ожидалось, что это все равно произойдет, а это означало, что мы не сможем иметь детей.

— Ясно. — Это простое объяснение, но оно имеет смысла, по крайней мере, только в сознании мужчин, которые управляют этой семьей. — Ну, я думаю, теперь это не имеет значения. — Я облизываю губы, обхватывая себя руками. — Франко мертв, а Катерина не беременна.

— Я знаю.

— Я не могу остаться с тем, кто заставляет меня сделать такое. — Мне трудно произносить эти слова, но я знаю, что должна. Мне нужно услышать, как он скажет, что хочет нашего ребенка. Если я не услышу этого от него, тогда я знаю, что у нас ничего не осталось.

— София. — Лука смотрит на меня сверху вниз, и я вижу, как его лицо смягчается впервые с тех пор, как он вошел в комнату. — Я знал о ребенке еще до нашего медового месяца.

— Что? — Я ошеломленно смотрю на него. — И ты ничего не сказал? Почему?

— Я хотел дать тебе возможность рассказать мне все самой, — просто говорит он.

— Я почти сделала это, так много раз... — Я замолкаю, думая обо всех тех случаях, когда я чуть не призналась во всем. — Но я была так напугана.

— Я думал, когда подписывал этот контракт, что смогу легко это сделать, — продолжает он. — У меня никогда не было отношений. Вряд ли я когда-нибудь спал с одной и той же женщиной больше одного раза. Идея настоящего брака, партнерства, любви, семьи, отцовства была настолько чужда мне, что я даже представить себе не мог, что это произойдет. Я не видел ничего, что могло бы изменить путь, по которому я шел. Так что мне не показалось таким уж трудным согласиться с этим. Чтобы сохранить наследие, о котором мечтал Росси.

Затем он делает шаг ближе ко мне, его глаза темнеют, когда он встречается с моим

взглядом.

— Но как только я узнал, София, как только это стало реальностью, я понял, что не смогу. Я тоже хотел нашего ребенка. Я хотел тебя. Вот почему я приложил столько усилий к медовому месяцу. Я хотел посмотреть, сможем ли мы сработаться, и насколько сильны мои чувства к тебе... я хотел, чтобы ты сказала мне об этом. Но правда заключалась в том, что я не мог представить, что отпущу нашего ребенка или тебя. Но потом... — его челюсть сжимается. — Мы вернулись домой, и я узнал, что вы с Анной замыслили твой побег.

— Лука, ты, конечно, понимаешь...

— Я знаю, — перебивает он. — Я действительно понимаю, почему ты это сделала, почему ты была в таком отчаянии. И я прощаю тебя, София. Но если у нас есть хоть какой-то шанс на это, любой шанс вообще, мы должны говорить друг другу правду. Мы должны быть честны. — Он делает глубокий вдох и впервые с тех пор, как вошел в комнату, прикасается ко мне.

Его пальцы скользят по моему подбородку, и я вздрагиваю от его прикосновения.

— Я нашла твой дневник, — шепчу я. — Это все правда? Что ты написал?

Лука пристально смотрит на меня, и я что-то вижу в нем, глубокую, бездонную эмоцию.

— Да, — бормочет он низким и хриплым голосом. — Все правда.

— И ты все еще это чувствуешь? Что, если я скажу, что хочу остаться? — Слова срываются с моих губ быстро и нервно. — Что, если...

— Ты должна быть полностью готова, София. Быть моей, и полностью смириться с этой жизнью. Здесь нет полумер. Желания и любви недостаточно. Ты должна хотеть мой мир, если хочешь меня. Мы можем сделать это вместе или не делать вообще. Но другого выхода нет.

У меня перехватывает дыхание, пульс учащается. Его рука все еще на моем подбородке, нежно удерживая мое лицо, но я вижу что-то мрачное в его взгляде. Это не гнев. Это собственничество, эта старая знакомая потребность.

Я принадлежу ему. Но он должен знать, что я тоже в это верю.

— Что теперь будет? — Шепчу я. — Теперь, когда Франко мертв, теперь, когда ирландцы предали вас? Что с Виктором?

— С Братвой мир. У Виктора было одно условие... жизнь Колина Макгрегора. — Маленький мускул на щеке Луки вздрагивает, когда он сжимает челюсть. — Это было условие, которое я был рад выполнить. Сейчас его держат в заложниках, и мы скоро разберемся с этой конкретной проблемой, как только Виктора выпишут из больницы.

— Значит, мы будем воевать с ирландцами? Мой голос дрожит, хотя я этого и не хочу.

— Нет. — Голос Луки тверд. — Сын Колина, Лиам, выступил против него на конклаве. Он унаследует все и сохранит мир. Он понимает, почему наказание его отца таково, каково оно есть. Он не будет с этим спорить. — Лука на мгновение замолкает, глядя на выражение моего лица. — Это наш путь, София. Так уж обстоят дела. Тебе нужно это понять, если ты собираешься остаться. Если ты собираешься быть на моей стороне. Это тяжелая жизнь, а временами и жестокая. — Его рука гладит меня по щеке, костяшки пальцев скользят по высокой линии моей скулы.

— Но иногда это бывает красиво.

Я протягиваю руку и накрываю его ладонь своей.

— Я не хочу уходить. — Я встречаюсь с ним взглядом, мой голос теперь сильный и уверенный. — Я поняла, что чувствую, когда нашла твой дневник. А потом, когда Франко

попытался убить меня... — Я делаю глубокий вдох, не сводя с него пристального взгляда. Сильный, непоколебимый. Такой, какой я всегда надеюсь быть. — Я нашла внутри себя что-то такое, о чем и не подозревала. Я не просто хотела спасти свою собственную жизнь. Я хотела защитить тебя. Наш дом. Нашу жизнь. Я не собиралась позволять ему все это разрушить. И вот тогда я поняла, что нахожусь в нужном месте... дома.

Медленно я делаю шаг вперед, пока мое тело почти не касается его.

— Я не думала, что хочу такой жизни, — шепчу я. — Я не понимала, почему мой отец отдал меня тебе, зная, что ты за человек. Кровавый, жестокий, злой. Но теперь... теперь я понимаю. Потому что ты и есть все это, но ты и нечто большее.

Когда его руки смыкаются на моих плечах, притягивая меня к себе, я чувствую, как прилив желания переполняет меня, мое тело тает в его объятиях, я поднимаюсь и обвиваю руками его шею. Когда его губы прикасаются к моим, я чувствую, что возвращаюсь домой. И когда мы падаем на кровать, его руки срывают с меня одежду, а я делаю то же самое с ним, я знаю, что никогда больше не захочу уходить.

Руки Луки пробегают по моему лицу, груди, вниз по талии к бедрам, когда я раздвигаю для него ноги, обхватывая ими его бедра, когда он прижимается к моей уже влажной сердцевине, вводит в меня кончик своего члена и удерживает себя там, глядя на меня сверху вниз этим темным, дымчатый взгляд.

— Моя, — шепчет он, продвигаясь вперед еще на дюйм. — Моя жена. — Еще дюйм, и я задыхаюсь, чувствуя, как мое тело растягивается вокруг него, чувствуя, как его густая твердость наполняет меня. — Моя королева. — Еще один, и я стону, вздергивая подбородок, но он пока не целует меня. — Моя любовь.

Он скользит в меня полностью, погружаясь по самую рукоятку, и я вскрикиваю, мое тело обвивается вокруг него, когда он начинает толкаться, и мои бедра приподнимаются с каждым толчком, встречаясь с ним снова и снова.

— Я люблю тебя, — шепчу я ему в губы, когда он целует меня, его руки обхватывают мое лицо, его член медленно движется внутри меня. Я чувствую, как он напрягается, чтобы сдержаться, и мое желание снова нарастает, достигая своего пика, когда он прижимается своим лбом к моему. — Пойдем со мной, — шепчу я. — Я собираюсь кончить, Лука, пойдем со мной, малыш...

— Блядь! — Он стонет, когда чувствует, как я сжимаюсь вокруг него, мои бедра выгибаются так, что я прижимаюсь к нему, каждый дюйм его тела прижимается к каждой частичке меня. Я слышу его шепот, когда чувствую, как он толкается еще раз, его бедра вздрагивают, когда его оргазм изливается в меня, соединяясь с моим.

— Я люблю тебя, — шепчет он. — София. Я люблю тебя, я люблю тебя. Я никогда тебя не отпущу.

Он переворачивается на бок, увлекая меня за собой, держа в своих объятиях.

— Ты моя, — тихо бормочет он, поглаживая мои волосы, все еще наполовину погруженный в меня. — Моя, навсегда.

— Я никогда больше не уйду. — Я провожу пальцами по его лбу. — Я доверяю тебе, Лука. Я знаю, ты защитишь нас. И я готова быть в этом мире с тобой. Я больше не боюсь.

Он целует меня в макушку, откидываясь на подушки, все еще держа меня в своих объятиях.

— Когда ты раньше сказала, что я что-то большее, — спрашивает он, его зеленые глаза встречаются с моими. — Что ты имела в виду?

Я мягко улыбаюсь, прижимаясь к нему, прижимаю свою руку к его груди, прижимая его руку к своей, чувствуя, как бьется его сердце под моей ладонью.

— Ты не просто жестокий человек, каким тебя воспитывали, — мягко говорю я. — Ты... это еще и многое другое.

— Например? — В глазах Луки появляются веселые морщинки. — Скажи мне, жена.

— Храбрый, — шепчу я. — Преданный. Справедливый. Неутомимый в стремлении к тому, чего ты хочешь. Очаровательный. Харизматичный. Амбициозный. Любимый...

Я смотрю на него снизу вверх, в глаза мужчины, с которым хочу провести остаток своей жизни, и наконец-то с абсолютной уверенностью понимаю, что сделала правильный выбор.

— А когда дело доходит до тех, кого ты любишь... Безжалостный.

Мы не искали любви, мы не хотели ее, но вот мы здесь. И это навсегда.

ЭПИЛОГ

ЛУКА

Встреча проходит в моем кабинете.

Это первый раз, когда я был здесь с тех пор, как был убит Франко. У меня щемит в груди, когда я понимаю, что он не займет свое место в кресле по другую сторону моего стола, что он не будет лениво разваливаться там, притворяясь, что ему на все это наплевать.

Мой лучший друг не только ушел навсегда, но и память о нем запятнана безвозвратно.

Дверь открывается, и входят Виктор и Лиам. Лицо последнего бледное и трезвое, но он хорошо одет в темно-серый костюм, его плечи расправлены, а спина прямая.

Я встаю и встречаю их перед своим столом, по очереди пожимая им руки. В комнате царит официальная, тяжелая атмосфера, и мы все знаем, почему это так.

Лиам, как ни странно, первым нарушает молчание.

— Я понимаю, почему это нужно было сделать, — говорит он тихим, но твердым голосом. — Я не знал ни о предательстве моего отца, ни о предательстве Франко. Я даже не знал, что у меня есть сводный брат. — Тень горя пробегает по его лицу, но он не колеблется. Он тверд, настоящий мужчина, несмотря на свою относительную молодость. — Если бы я знал, я бы остановил это задолго до того, как все зашло бы так далеко. — Он смотрит на нас обоим решительным взглядом. — Я хочу мира так же сильно, как и все остальные.

Затем Виктор лезет в карман и протягивает руку.

— Для тебя, — просто говорит он, и когда Лиам раскрывает ладонь, Виктор кладет в нее кольцо Колина, изумрудную печатку, которую он всегда носил. Рука Лиамы сжимается вокруг него, сжимая в кулак. — Твой отец погиб храбро, — говорит Виктор, прямо глядя на Лиаму. — Это было быстро, и он ушел без жалоб и с честью. Мы вернем тело вашей семье для погребения.

— Спасибо. — В голосе Лиамы редко слышен акцент, но я слышу его нотки, когда горе сгущает краски в его речи.

— Этого достаточно для установления мира? — Я смотрю на Виктора. — Франко Бьянки мертв. Колин Макгрегор мертв. С предательством покончено, заговор раскрыт. Вы согласны с тем, что этого достаточно?

Виктор поворачивается, чтобы посмотреть на меня в упор.

— Франко был тебе как брат, — говорит он жестким голосом. — Он был твоим заместителем, твоей правой рукой. И все же ты не мог его контролировать. Он объединился со мной против тебя и предал меня. Он нарушил данное нам обещание. Поэтому я хотел бы попросить еще об одной вещи, ради сохранения мира. Последнее, что он может сделать, даже после смерти, чтобы все исправить.

Я хмурюсь.

— Что? Если в моих силах что-то дать, я с радостью это сделаю. Я хочу, чтобы это было сделано.

По лицу Виктора медленно расплывается улыбка.

— Мне нужна его вдова, — просто говорит он. — Я хочу, чтобы Катерина Росси стала моей женой.

КОНЕЦ

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](https://t.me/themeofbooks) - t.me/themeofbooks

Переводчик_Sinelnikova